№ 272.

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

IV.

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи К. Жернакова.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цепсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22-го Августа, 1842 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ныя слѣдствія. Строгость Царя. Примиреніе съ сыномъ. Супружество царевича Алексѣя. Развратъ его. Смертъ супруги. Письма Царя къ сыну. Отвѣты Царевича. Преступные замыслы его. Бѣгство за границу. Возвращеніе и малодушіе. Отрѣшеніе отъ наслѣдства престоломъ. Изслѣдоваіе о дѣлѣ его. Неискренность Царевича. Важныя открытія. Поступки матери Царевича, бывшей царицы вЕдокіи. Казнь преступниковъ. Судъ Царевича. Приговоръ. Ужасъ Царевича при выслушаніи приговора. Кончина Царевича. Участь матери его и сообщниковъ. *Стр. 59.*

РАЗСКАЗЪ XXI. Смерть Карла XII-го. Возобновленіе войны съ Швеціею. 1718—1719 гг, Дѣла Герца. Конгрессъ Аландскій. Остерманъ. Соглашеніе Шведскаго Короля. Союзъ Царя съ нимъ. Тайный договоръ. Походъ Карла XII-го въ Норвегію. Купецъ Иголкинъ. Дружба Короля Шведскаго съ Царемъ. Ожиданіе мира. *Смерть Карла XII-го.* Волненія въ Швеціи. Крамолы Шведскихъ олигарховъ. Принцесса Ульрика Элеонора королевою. Казнь Герца. Интриги дипломатики. Швеція возбуждена къ продолженію войны. Продолженіе Аландскаго конгресса. Разрывъ переговоровъ. Царь въ Олонцѣ. Возобновленіе военныхъ дѣйствій. Высадка въ Швецію. Интриги Англіи. Миръ Англіи съ Швеціею и непріязнь къ Россіи. Кончина царевича Петра Смерть Князя-Кесаря, Стрѣшнева, Шереметева, Долгорукаго и Вейде. *Стр. 109.*

РАЗСКАЗЪ XXII. Окончаніе войны съ Швеціею, Титулъ Императорскій. 1720—1721 гг. Миръ Швеціи съ Пруссіею, Польшею и Даніею. Фридрихъ король Шведскій. Политика Царя. Сношенія о мирѣ съ Турціею. Непріязнь съ Императоромъ. Дружба съ Франціею. Неутралитетъ Пруссіи. Дѣла съ Польшею. Царь покровительству-

въ Русской исторіи. Видъ, ростъ, сила его. Свойства могущаго ума его. Страсть къ ученью. Характеръ. Частная жизнь. Одежда, увеселенія, неутомимая дѣятельность. Петръ, какъ царь. Обозрѣніе жизни его. Всеобъемлемость генія и обширность предпріятій. Петръ какъ полководецъ. Необыкновенныя воинскія дарованія его. Петръ, какъ политикъ. Самопожертвованіе его для блага Россіи. Стремленіе все исполнять самому. Сотрудники Петра. Великодушіе, царская щедрость, неумолимое правосудіе. Россія до царствованія Петра. Россія по кончинѣ Петра. Опроверженіе обвиненій и клеветъ на Петра Великаго — мнимое пристрастіе къ иностранцамъ, недостатокъ религіозныхъ чувствъ, излишняя строгость, истребленіе національнаго характера Русскихъ, грубость увеселеній. Кончилъ ли Петръ Великій дѣло свое? Безсмѣтныя предпріятія его. Благоговѣніе Русскихъ къ памяти Петра Великаго. Мысль о полной исторіи Петра Великаго. Нашъ разсказъ объ немъ какъ *народная повѣсть о царѣ великомъ. Стр. 501.*

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ЦАРЬ НА БАЛТІЙСКОМЪ МОРѢ. ПОѢЗДКА ВЪ ГОЛЛАНДІЮ И ФРАНЦІЮ. ПЕРЕГОВОРЫ СЪ КАРЛОМЪ XII-МЪ О МИРѢ.

1716—1717 г.

Кто паче смертнаго себѣ въ нашъ вѣкъ прославилъ,
Четырьмя флотами сей мужъ на Бельтѣ правилъ.
Россія величай свою всехвальну часть—
У Марса отнялъ Петръ и у Нептуна власть.

Сумароковъ.

Въ Данцигѣ, куда прибылъ Царь Февраля 18-го, и гдѣ прожилъ онъ до 18-го Апрѣля, начались его первые дипломатическіе переговоры съ союзниками. Сюда пріѣхали король Августъ, посланники Датскій и Прусскій, Герцогъ Мекленбургскій, многіе изъ Польскихъ вельможъ, послы царскіе, находившіеся при разныхъ Дворахъ. Царь пріѣхалъ въ Данцигъ поутру въ воскресенье, и удивился, что на улицахъ встрѣчаетъ мало народа. Ему сказали, что набожные жители Данцигскіе находятся у обѣдни. Услышавъ о томъ, Царь подъѣхалъ къ соборной церкви, и отпустя свиту свою въ приготовленный для него

домъ, вошелъ въ церковь, тихо сѣлъ подлѣ бургомистра и внимательно слушалъ проповѣдь. Чувствуя, что въ церкви довольно холодно и сыро, онъ молча протянулъ руку, снялъ съ бургомистра его огромный, напудренный парикъ и надѣлъ на свою голову. Несчастный правитель Данцига поблѣднѣлъ, не понимая, что значитъ странный поступокъ Царя. Послѣ обѣдни Царь возвратилъ бѣдняку свое похищеніе и сказалъ: «Благодарю. Я боялся простудить голову и для того взялъ твой парикъ.» Непринужденность въ обращеніи Царя со всѣми окружавшими его объяснила поступокъ, изумившій всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви.

Слѣдствіемъ свиданія съ королемъ Августомъ и Польскими вельможами было рѣшеніе, что обѣ стороны принимаютъ *посредничество Царя* въ своихъ несогласіяхъ. Августъ видѣлъ, что ему нельзя многаго надѣяться отъ такого посредника, но не имѣя средствъ противиться, онъ принужденъ былъ на все согласиться,

и даже показывать веселый видъ при начавшихся празднествахъ, по случаю свадьбы Герцога Мекленбургскаго съ племянницею Царя, сестрою Герцогини Курляндской, Екатериною Іоанновною. Торжественно совершился Апрѣля 8-го сей бракъ — неблагословенный провидѣніемъ. Женихъ, какъ мы уже говорили, развелся съ первою своею супругою, и искалъ руки царской племянницы, надѣясь найдти въ Царѣ сильнаго покровителя въ безпрестанныхъ распряхъ своихъ съ Мекленбургскимъ дворянствомъ. При договорѣ, заключенномъ въ Петербургѣ, 11-го Января, Царь обѣщался доставить Герцогу владѣніе Висмаромъ послѣ отнятія его у Шведовъ. Онъ имѣлъ свои виды въ семъ обѣщаніи: по отдачѣ Висмара Герцогу Рускіе могли находить удобный портъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, когда родство съ Герцогомъ было средствомъ Царю по дѣламъ Мекленбурга вступаться въ дѣла Германіи. Племянница Царя, некрасивая собою и тучная,

недолго ужилась съ своимъ супругомъ, нетерпѣвшимъ ея, и удалилась въ Россію, ибо не могла переносить его сварливаго и бѣшенаго нрава. Несчастнымъ плодомъ сего супружества была принцесса *Анна Леопольдовна*, сынъ коей, Іоаннъ Антоновичъ, въ послѣдствіи на время оттѣснилъ съ Россійскаго престола законныхъ наслѣдниковъ, потомковъ Петра Великаго, и представилъ плачевный примѣръ злополучія на тронѣ.

Съ Пруссіею подтвердили здѣсь договоръ, заключенный въ Ригѣ въ Февралѣ мѣсяцѣ, коимъ Царь обязывался доставить для осады Висмара 10,000 Русскаго войска. Войска сіи шли изъ Польши и были на пути осмотрѣны Царемъ. Начальство надъ ними поручено было князю Рѣпнину.

Король Августъ не смѣлъ противорѣчить, когда Царь изъявилъ негодованіе правителямъ Данцига, вопреки его волѣ не прерывавшимъ сношеній и торговли съ Швеціею. Онъ требовалъ не только прекращенія всѣхъ сношеній

съ непріятелемъ, по высылки каперовъ, допущенія Русскаго коммисара для осмотра купеческихъ судовъ, посылки транспортныхъ судовъ для предполагаемой высадки въ Швецію, и за ослушаніе налагалъ штрафъ въ 150,000 рейхсталеровъ. Напрасно отговаривались Данцигскіе бургомистры. Царь поѣхалъ осматривать свою эскадру въ Либавѣ, воротился съ нею въ Данцигъ и грозно объявилъ о немедленномъ исполненіи. «Я вылечу ихъ отъ упрямства желѣзными пилюлями,» говорилъ Царь, указывая на заряженныя пушки своихъ кораблей. Надлежало согласиться. Августъ пировалъ на царской галерѣ, когда бургомистры явились къ своему неумолимому гостю. Царь казался повелителемъ Данцига, а не Король Польскій, въ сопровожденіи царскаго посла отправившійся на сеймъ въ Польшу, по неволѣ мириться съ панами Польскими.

Изъ Данцига Царь переѣхалъ въ Штетинъ. Здѣсь ожидалъ его Король Прусскій. Монархи

смотрѣли Русскія и Прусскія войска. Угождая Королю и зная страсть его къ великорослымъ солдатамъ, Царь подарилъ ему сотню отборныхъ великановъ, выбранныхъ изъ Русскихъ гренадеровъ. Король принялъ ихъ съ восторгомъ и всѣхъ опредѣлилъ въ свою гвардію. Висмаръ сдался союзникамъ Апрѣля 7-го. Царь посѣтилъ завоеванный городъ. Здѣсь возникло неудовольствіе, ибо Датчане не впускали участка Русскаго войска въ Висмарскій гарнизонъ. Царь скрылъ неудовольствіе, и не побоялся дальняго объѣзда, когда Король Датскій объявилъ, что назначаетъ мѣстомъ свиданія съ нимъ Гамбургъ и Альтону. Послѣ краткаго пребыванія у Герцога Мекленбургскаго, 17-го Мая прибылъ Царь въ Гамбургъ. Въ теченіе недѣли велъ онъ переговоры съ Датскимъ Королемъ, и получилъ совершенное согласіе его на немедленную высадку въ Швецію. Положено было, что войско Русское перевезено будетъ моремъ изъ Помераніи въ Данію, гдѣ соединится съ Датскимъ войскомъ, и на эскад-

рахъ Англійской, Голландской, Датской и Русской перевезено будетъ на Шведскіе берега. Царь самъ принималъ начальство надъ союзнымъ флотомъ и Датскимъ войскомъ, обязываясь кромѣ того отвлекать непріятеля нападеніемъ на Остеръ-Ботнію и высадкою къ Стокгольму. Датчане должны были снабдить войско и флотъ припасами. Король Датскій согласился на отдачу Висмара Мекленбургскому Герцогу. Царь писалъ о взаимныхъ условіяхъ королю Георгу, устраняя отъ участія въ высадкѣ въ Швецію Прусскаго Короля.

Не столько убѣжденія Царя, сколько дѣла Карла XII-го принуждали Датскаго Короля соглашаться на предложеніе высадки. Потеря Стральзунда и бѣдственная защита его, гдѣ погублены были остальныя лучшія войска Шведскія, не вразумили Карла XII-го. Онъ не думалъ предлагать мира, готовился воевать, не поѣхалъ въ Стокгольмъ, какъ будто хотѣлъ явиться туда только послѣ побѣды, и

прислалъ сенату Шведскому строгія повелѣнія набирать войско и собирать деньги. Съ сестрою своею Ульрикою Элеонорою видѣлся онъ въ замкѣ на берегахъ озера Веттера. Ни она и никто другой не смѣли ему противорѣчить, даже сказать что либо. Велѣно было брать въ военную службу 15-ти-лѣтнихъ мальчиковъ. Во многихъ мѣстахъ Швеціи оставались только старики и дѣти, и женщины отправляли полевыя работы. Купеческіе корабли насильно обращали въ военные для усиленія Шведскаго флота. Приказано было пересчитать всѣ запасы хлѣба въ Швеціи и отбирать въ королевскую казну половину запаса у каждаго изъ частныхъ людей. Наложены были новыя тягостныя подати. И все безмолвно повиновалось Карлу XII-му. Ни ропотъ, ни жалоба не излетали изъ груди его вѣрныхъ подданныхъ. Видѣли Божіе наказаніе въ дѣлахъ Короля и не упрекали его. Мальчики, едва владѣвшіе ружьемъ, оживлялись мужествомъ при одномъ взглядѣ, при одномъ словѣ своего Ко-

роля. Карлъ XII-й слышалъ о приготовленіяхъ союзниковъ, но какъ будто вовсе не думая объ угрожавшей опасности, началъ войну наступательную. Укрѣпивъ берега Сканіи и оградивъ ихъ войскомъ, съ 20,000-ми человѣкъ вступилъ онъ въ Норвегію. Не смотря на затруднительные переходы, Шведы достигли Христіаніи и блокировали крѣпости Фридрихштатъ и Фридрихсгаллъ. Надлежало укротить неукротимаго Карла XII-го, и предложеніе Царя было принято Даніею.

Изъ Гамбурга послалъ Царь повелѣніе Шереметеву идти изъ Польши въ Померанію, а Русскимъ кораблямъ плыть изъ Ревеля и Кронштадта въ Данію. Пользуясь промежуткомъ времени, онъ отправился въ Пирмонтъ, ибо медики совѣтовали ему употреблять тамошнія воды для поправленія его разстроеннаго здоровья.

Въ Пирмонтѣ прожилъ Царь до 20-го Іюня, не оставляя разнообразныхъ дѣлъ своихъ. Прежде посѣщая чужеземныя государства, онъ

искалъ только *полезнаго*, а теперь могъ уже думать и объ *изящномъ*. Путешествіе его за границу въ 1716 и 1717 гг. отличалось отъ перваго путешествія и поѣздокъ въ 1711 и 1713 гг. тѣмъ, что посѣщая мастерскія ремесленниковъ, еще болѣе посѣщалъ онъ художниковъ и особенно искалъ бесѣды съ людьми учеными. Въ Кенигсбергѣ встрѣтилъ Царь ѣдущаго въ Россію, нанятаго въ Парижѣ архитектора, ваятеля и литейщика, графа Растрелли, и былъ доволенъ бесѣдою съ нимъ. Растрелли опредѣлено было жалованье по 1500 р. Въ Пирмонтѣ явился къ Царю нанятой въ Парижѣ архитекторъ Леблонъ. Царь не пожалѣлъ дать ему 5000 рублей ежегоднаго жалованья. Леблонъ очаровалъ Царя своими разговорами. «Его можно назвать диковинкою по его знаніямъ, и сколько могъ я замѣтить, онъ трудолюбивый, добрый и умный человѣкъ,» писалъ объ немъ Царь. Леблонъ наименованъ былъ генералъ-архитекторомъ и ему поручили всѣ строенія въ

Петербургъ. Кажется, что Царь менѣе оцѣнилъ Растрелли, человѣка геніяльнаго, украсившаго Петербургъ и Москву превосходными произведеніями ваянія и зодчества; ему обязаны мы Зимнимъ, Царско-Сельскимъ, Петергофскимъ и Стрѣлинскимъ дворцами, церковью Смольнаго монастыря, церковью Петропавловскаго собора и куполомъ Московскаго Воскресенскаго монастыря. Въ Пирмонтѣ познакомился съ Царемъ и часто бесѣдовалъ великій Лейбницъ, диво своего вѣка, математикъ и философъ, историкъ и филологъ. Царь совѣтовался съ нимъ объ устройствѣ государства, слушалъ его сужденія обо всѣхъ предметахъ человѣческихъ знаній и звалъ его въ Россію. Лейбницъ не могъ согласиться. Царь опредѣлилъ ему пенсію и просилъ вести съ нимъ переписку. Лейбницъ всегда съ восторгомъ говаривалъ о Царѣ. Mirabar in tanto principe non tantum humanitatem, sed et notitium rerum et juditium acre, писалъ объ немъ Лейбницъ.

Но мирныя занятія надлежало смѣнить бранными тревогами. Царь радостно поспѣшилъ на поприще битвъ, гдѣ флотомъ и войскомъ, еще разъ въ виду Европы, онъ хотѣлъ сразиться съ соперникомъ, девять лѣтъ возмущавшимъ его спокойствіе, побѣжденнымъ на долинахъ Малороссіи, встрѣтившимъ его опять въ степяхъ Бессарабіи и теперь ожидавшимъ его на рубежахъ своей родной земли. Какой рядъ событій въ *шестнадцать лѣтъ*, съ тѣхъ поръ, когда Карлъ XII-й, побѣдитель Даніи, громилъ Рускихъ на Ингерманландскихъ берегахъ, какой рядъ событій провелъ чуднымъ путемъ Царя къ берегамъ Швеціи, съ флотомъ Русскимъ, Англійскимъ, Голландскимъ и Датскимъ!

Походъ Карла XII-го въ Норвегію былъ неудаченъ. Недостатокъ продовольствія и трудность войны среди дикихъ скалъ, лѣсовъ и болотъ Норвегіи, при невозможности везти тяжелую артиллерію, когда Карлъ XII-й увѣрился наконецъ въ дѣйствительности угрожав-

шей ему высадки союзниковъ въ Швецію, заставилъ его воротиться, съ потерею 4000 человѣкъ, погибшихъ болѣе отъ трудностей похода и недостатковъ, нежели отъ битвъ, ибо Датчане заперлись въ крѣпостяхъ и почти не сражались, хотя флотъ ихъ находился у Норвежскихъ береговъ и войско Датское перевезено было въ Норвегію. Карлъ XII-й учредилъ главную квартиру свою въ Лундѣ. Всегдашняя дѣятельность его была изумительна при видѣ опасности и одушевила всѣхъ: 40,000 человѣкъ, худо вооруженныхъ, полуголодныхъ, но готовыхъ умереть и предводимыхъ *Карломъ XII-мъ*, составили ограду Швеціи. Но противъ нихъ былъ *Русскій Царь*. Казалось, послѣдняя борьба Петра и Карла должна было представить Европѣ великое явленіе, прибавить яркую страницу въ жизни того и другаго. Не такъ рѣшила судьба. Мѣлкая интрига связала руки двухъ исполиновъ.

Кромѣ всегда медленнаго и нестройнаго хода дѣлъ тамъ, гдѣ рѣшеніе зависитъ отъ мно-

гихъ участниковъ въ дѣлѣ и гдѣ сталкиваются разные своекорыстные разсчеты, безуспѣшное возвращеніе Карла XII-го изъ Норвегіи особенно ободрило Датчанъ. Англія и Голландія не видѣли большихъ выгодъ въ стягченіи судьбы Короля Шведскаго. Царь не довѣрялъ своимъ союзникамъ. Наконецъ новое недоумѣніе открылось между всѣми союзниками, какъ увидимъ далѣе, и — не безъ причины. Все довело къ тому, что предпріятіе, столько лѣтъ готовимое Царемъ, коего, казалось, онъ достигъ уже послѣ столькихъ препятствій, кончилось сборами и раздоромъ воюющихъ державъ.

Черезъ Шверинъ Царь прибылъ въ Ростокъ и праздновалъ здѣсь память Полтавской побѣды съ Герцогомъ Мекленбургскимъ, Шереметевымъ и Вейде, осматривая свое войско и Русскія галеры. Отсюда отправился онъ на легкомъ гукорѣ въ Копенгагенъ, но слыша, что въ море крейсируютъ непріятельскіе корабли, остановился у острова Фальстера, ко-

жидаясь прихода нѣсколькихъ галеръ своихъ. Іюля 5-го загремѣли привѣтомъ великому посѣтителю пушки съ Копенгагенской крѣпости. Король Датскій выѣхалъ на встрѣчу ему. Войско Датское стояло въ строю. Царь остановился у знакомаго ему купца Эттингера. Іюля 12-го выѣзжалъ онъ на встрѣчу своей супругѣ, съ Королемъ и Дворомъ его. У Короля былъ въ сей день столъ, и при окончаніи его, осушивъ драгоцѣнный золотой бокалъ за здоровье Царицы, Король просилъ ее принять бокалъ на память.

Среди пировъ, увеселеній и изъявленій дружества Царь скоро замѣтилъ охлажденіе Датскаго правительства къ предположенному дѣлу. Главнымъ руководителемъ интриги противъ него являлся Ганноверскій министръ, графъ Бернсторфъ, урожденный Мекленбургецъ, не скрывавшій ненависти къ Царю за союзъ его съ Мекленбургскимъ Герцогомъ. Отправивъ эскадры Англійскую и Голландскую по требованію Царя, король Георгъ по-

ручилъ управленіе дѣломъ Бернсторфу. Іюля 17-го пришли остальные Русскіе корабли. Англійская и Голландская эскадры уже давно были готовы. Ждали Датской эскадры, медлившей у Норвежскихъ береговъ. Царь рѣшился между тѣмъ осмотрѣть Шведскій берегъ, и на трехъ шнявахъ плылъ около Шведскаго прибрежья отъ Гельзинборга до Карлскроны. Іюля 27 всѣ моряки пировали на коряблѣ Царскомъ въ память Гангудской битвы. Наконецъ явился Датскій флотъ. Царь спѣшилъ перевозомъ войскъ изъ Помераніи, а между тѣмъ положено было выйдти въ море, и для очищенія его отъ Шведскихъ кораблей идти до острова Борнгольма. Возникло недоразумѣніе о томъ, кто долженъ принять начальство надъ соединеннымъ флотомъ союзниковъ. Ни Датскій, ни Англійскій адмиралы не хотѣли уступить сей чести. Англійскій адмиралъ первый предложилъ, что ради высокаго званія начальство должно предоставить Е. Ц. В., Русскому Царю, столь знаменитому своими по-

знаніями въ морской службѣ. Предложеніе принято всѣми единодушно. Адмиралы съѣхались на корабль царскій и просили великаго повелителя своего удостоить ихъ чести начальства, согласясь на общее предложеніе. Августа 5-го на кораблѣ *Ингерманландъ* возвѣялся царскій штандартъ при громѣ пушекъ со всего флота, состоявшаго изъ 26-ти Русскихъ, 19-ти Датскихъ, 19-ти Англійскихъ и 25-ти Голландскихъ, а всего 89 кораблей. Англійскими кораблями командовалъ адмиралъ *Норрисъ*, Голландскими *Граве*, Датскими *Гилденлеве*; на Русскомъ флотѣ были командирами *Сиверсъ* и *Шельтингъ*, подъ начальствомъ вице-адмирала Петра Михайлова. Можно вообразить себѣ наслажденіе Царя, когда онъ видѣлъ грозныя силы морскія и лучшіе Европейскіе флоты подъ своимъ начальствомъ, особливо, когда послѣ примѣрныхъ маневровъ, гдѣ каждый старался отличиться искуствомъ. по общему признанію Русскіе моряки не уступили никому изъ своихъ товарищей. Како-

го отца не радуетъ похвала его дѣтямъ, а флотъ Русскій былъ любимое дитя великаго Царя, имъ созданный, имъ возведенный на столь высокую степень совершенства!

Знаменитое для Русскаго флота событіе ознаменовалъ Царь медалью, на коей былъ изображенъ Нептунъ, ѣдущій въ колесницѣ и держащій четыре флага, съ надписью: *Владычествуетъ четырьмя — при Борнгольмѣ.*

Между тѣмъ время проходило и безплодныя почести не могли удовлетворить Царя. Онъ самъ отправился въ Стральзундъ, желая поспѣшить перевозомъ войскъ. Коммендантъ Стральзундскій долго разговаривалъ съ своимъ гостемъ, пока съ удивленіемъ не узналъ, что видитъ передъ собою Царя Русскаго. Царь возвратился на флотъ, и безпрестанно былъ оскорбляемъ непослушаніемъ, медленностью и спорами Датчанъ. «Богъ вѣдаетъ, что за мученье съ ними,» писалъ онъ Апраксину. «Самое надобное время пропускаютъ и какъ будто чужое дѣло дѣлаютъ.»

Они и не хотѣли *ничего дѣлать*. Царь возвратился въ Копенгагенъ, занимался обозрѣніемъ Датскихъ береговъ, осматривалъ столицу Датскую, посѣщалъ ея заведенія, и только 29-го Августа дождался перваго отряда войскъ своихъ. Сентября 4-го пришелъ послѣдній отрядъ, но Царь уже видѣлъ тогда, что предпріятіе совершенно разрушилось. Подъ непріятельскими выстрѣлами, такъ, что одпимъ изъ нихъ повредило оснастку корабля, на коемъ былъ Царь, еще разъ осмотрѣлъ онъ Шведскій берегъ и убѣдился въ сильномъ укрѣпленіи его. Казаки сошли на берегъ и добыли языка, напавши на Шведскій караулъ ночью. Показанія плѣнныхъ убѣдили Царя, что Карлъ XII-й возбудилъ мужество своего войска. Онъ опредѣлилъ, что если нельзя будетъ отразить выхода непріятельскаго на берегъ, то отступая, Шведы должны все жечь, уничтожать и истреблять. Когда прибыло Руское войско, оказалось, что у Датчанъ нѣтъ въ сборѣ хлѣба и никакихъ другихъ запа-

совъ. Царь не удержалъ своего гнѣва и негодованія. Сентября 1-го на общемъ совѣтѣ флотскомъ опредѣлено, что за упущеніемъ времени и неимѣніемъ запасовъ высадку слѣдуетъ отложить до навигаціи будущаго года. Царь сообщилъ рѣшеніе Датскому Королю и оскорбился его неловкою хитростью: желая прикрыть свое вѣроломство и обвинить во всемъ Царя, Король и Бернсторфъ заспорили, утверждали, что высадку откладывать не должно, и Царь принужденъ былъ опровергать ихъ мнѣніе. Ему говорили, что береговыя укрѣпленія Шведскія неважны—«Поѣдемъ и посмотримъ — я ужъ видѣлъ ихъ и готовъ еще разъ прогуляться съ вами подъ Шведскими ядрами,» отвѣчалъ Царь. На возраженіе, что запасы найдутся у Шведовъ, Царь отвѣчалъ, что «на Шведскомъ берегу столъ накрытъ, но за нимъ сидятъ 40,000 хозяевъ, которые не допустятъ незваныхъ гостей обѣдать, пока гости не выгонятъ ихъ.» На расположеніе войскъ въ землянкахъ при осадѣ Шведскихъ крѣпо-

стей Царь замѣтилъ, что «тѣмъ погубятъ людей хуже всякой баталіи. «Датчане обѣщали подвозъ хлѣба. «Благодарю,» говорилъ Царь, «давно уже слышу такія обѣщанія и вѣрю имъ, да жаль, что солдатъ обѣщаніями сытъ не бываетъ и солдатскій желудокъ требуетъ готовыхъ магазейновъ.»

Споры разгорячались. Дошло до того, что Датчане изъявили опасеніе противъ Царя и войскъ его, и просили защиты Англичанъ и Голландцовъ на случай непріязненнаго покушенія Царя, когда въ пылу негодованія онъ сказалъ, что «съ 25,000 войска и 25 кораблями не побоится онъ всей Даніи съ ея флотомъ и войскомъ, и что ему стоитъ только протянуть руку черезъ Зундъ, то Карлъ XII-й напомнитъ Даніи Травендаль.» Царь прожилъ однакожъ въ Копенгагенѣ до 16-го Октября. Король Датскій наконецъ согласился съ нимъ. Высадку отложили. Положено было Русскому войску возвратиться въ Померанію. Начаты переговоры о высадкѣ на слѣдующій

годъ, хотя и Царь и Король были увѣрены, что объ ней думать болѣе нечего. Царь при себѣ отправилъ войска свои обратно, угостилъ на флотѣ моряковъ, дружески простился съ ними при повтореніи тостовъ на вѣчную дружбу, отпустилъ свой флотъ въ Ревель и еще нѣсколько дней прожилъ въ Копенгагенѣ. Время посвящено было прощальному веселью. Всѣ разстались, по видимому, друзьями. Черезъ городъ Рескіельдъ и проливъ Бельтскій Царь достигъ Фридрихштата, осмотрѣлъ тамошнюю крѣпость и Октября 3-го прибылъ въ Любекъ. Всюду встрѣчали его съ почестями и пушечною пальбою; чиновники и жители выходили на встрѣчу ему. Онъ проѣхалъ въ Померанію. Можно было полагать, что отсюда поспѣшитъ онъ въ Россію, тѣмъ болѣе, что его поразило въ то время горестное событіе въ его семействѣ. Но Царь продолжалъ путь свой въ Пруссію, оставивъ Царицу въ Шверинѣ. Въ Гавельсбергѣ ожидалъ его Король Прусскій. «Кризисъ политической лихорадки

ранѣе весны послѣдовать не можетъ,» писалъ Царь Апраксину, «но здѣсь не безполезно однакожь провелъ я нѣсколько дней.» Только здѣсь неожиданно узнали, что Царь намѣренъ посѣтить Голландію и останется тамъ на всю зиму. Передъ отъѣздомъ его Король Прусскій подарилъ ему богатый янтарный кабинетъ. Царь поплылъ по Эльбѣ, останавливался въ Бойценбургѣ, гдѣ находился тогда Шереметевъ, и 20-го Ноября прибылъ въ Альтону. Съ Гамбургомъ шли тогда переговоры о выдачѣ измѣнника Войнаровскаго, племянника Мазепы. Старый гетманъ назначалъ его своимъ преемникомъ, отправилъ его путешествовать за границу, и Войнаровскій, умный и прекрасный собою, отличался образованіемъ. Вмѣстѣ съ Мазепою бѣжалъ онъ въ Турцію и по смерти дяди наслѣдовалъ его остальныя богатства. Онъ ссудилъ тогда Карлу XII-му въ займы болѣе 200 тысячь талеровъ, награжденъ былъ чиномъ полковника, и подъ именемъ *графа Войнаровскаго* путеше-

ствовалъ по Европѣ, вездѣ принятый въ лучшемъ обществѣ. Слыша, что онъ находится въ Гамбургѣ и собирается отсюда ѣхать въ Швецію, Царь потребовалъ выдачи бѣглеца и Войнаровскій былъ ему выданъ правителями Гамбурга. По повелѣнію Царя, измѣнника увезли въ Якутскъ и онъ умеръ тамъ въ ссылкѣ. Академикъ Миллеръ видѣлъ его въ Якутскѣ, лѣтъ черезъ двадцать послѣ его отправленія изъ Россіи. Войнаровскій уже одичалъ тогда въ лѣсахъ Сибирскихъ, и въ немъ нельзя было замѣтить никакихъ слѣдовъ его прежняго образованія.

Довольный послушаніемъ Гамбургцовъ, Царь согласился дать имъ разныя льготы по торговлѣ, посѣтилъ Гамбургъ и проѣхалъ въ Бременъ, гдѣ встрѣтили его большимъ торжествомъ. На щитѣ горѣла надпись: *Избавитель нашъ посѣтилъ насъ*. Ноября 30-го Царь вступилъ въ предѣлы Голландіи. Его ожидалъ посолъ его въ Гагѣ, князь Куракинъ. Осмотрѣвши Амерсфортскія табачныя фабрики,

Царь безъ свиты поѣхалъ далѣе, черезъ Утрехтъ и Нимвегенъ, гдѣ случилось съ нимъ забавное приключеніе. Остановясь въ простомъ трактирѣ, онъ ночевалъ, и изумился, когда на другой день, за легкій ужинъ и ночлегъ, трактирщикъ потребовалъ съ него 100 червонцовъ. «Любезный другъ!» сказалъ ему Царь ласково, «мы съѣли у тебя яичницу и кусокъ сыра—не ужели яицы у васъ такъ дороги?»—«Не яицы дороги, а цари, которые скрытно путешествуютъ,» отвѣчалъ, смѣясь, трактирщикъ. «Я заплатилъ бы тысячу червонцовъ, еслибы я былъ Русскій Царь, хотя ихъ съ меня потребовали бы за одно яичко.» Царь велѣлъ выдать ему деньги. Декабря 6-го прибылъ Царь въ Амстердамъ. На другой день пріѣхала его свита, состоявшая изъ канцлера Головкина, вице-канцлера Шафирова, князя В. Л. Долгорукаго, П. А. Толстаго, князя Куракина, И. И. Бутурлина и гофмаршала Шепелева. Штаты прислали депутацію поз-

*

дравить Царя. Онъ расположился въ Голландіи на всю зиму.

Правда, ему можно было пожелать увидѣть еще разъ достопамятности Голландіи и взглянуть на нихъ опытнымъ взоромъ знатока. Могло быть утѣшительно ему явиться великимъ монархомъ, побѣдителемъ и героемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за 20 лѣтъ прежде видѣли его юношею, пламеннымъ на ученье, матросомъ, плотникомъ, *Питеромъ-басомъ*, но нѣтъ сомнѣнія, что болѣе важныя соображенія были причиною путешествія Царя. Можемъ угадывать ихъ. Мы упоминали, что къ прежнимъ причинамъ неудовольствій между союзниками присоединилось въ 1716 году еще новое недоумѣніе. Обьясняемъ его.

Мы говорили о баронѣ Герцѣ, министрѣ Голштинскомъ, и его смѣлой, хитрой политики. Дополняя изображеніе сего дипломата, приведемъ здѣсь слова Вольтера: «Никто не могъ быть гибче, отважнѣе, обильнѣе на средства въ затрудненіи, обширнѣе въ замыслѣ

предпріятій, дѣятельнѣе въ ихъ исполненіи. Никакой проектъ не страшилъ Герца, никакое средство не казалось ему недостойнымъ вниманія, и равно расточалъ онъ подарки, обѣщанія, клятвы, истину и ложь. Онъ объѣздилъ Швецію, Францію, Англію, Голландію, всюду испытывая пружины огромной машины, которую хотѣлъ привесть въ движеніе. Онъ былъ способенъ столкнуть съ мѣста ветхую Европу и таилъ обширный замыслъ. Что Карлъ XII-й былъ среди своего войска, то Герцъ былъ въ дипломатическомъ кабинетѣ, и неудивительно, что онъ пріобрѣлъ надъ Карломъ XII-мъ такую власть, какой не пріобрѣталъ ни одинъ изъ его прежнихъ министровъ.» По возвращеніи Карла XII-го изъ Турціи Герцъ немедленно явился къ нему, и скоро умѣлъ увлечь, обольстить, ослѣпить его своими смѣлыми планами и овладѣть умомъ его. «Герцъ,» говоритъ Гейеръ, «былъ созданъ для обширныхъ проектовъ, хотя и не для великихъ дѣлъ, столько же неистощимый насредства, сколь-

ко неразборчивый на выборъ ихъ, умъ обширный, рожденный для пособій въ трудное время, и именно такой человѣкъ былъ надобенъ, дабы овладѣть умомъ Карла XII-го.» Увлекаемый духомъ брани, Карлъ XII-й не покорялся Герцу, пока неудачи въ Стральзундѣ и въ Норвегіи не образумили его. Всѣ замѣтили, что онъ сдѣлался съ тѣхъ поръ нерѣшителенъ, недовѣрчивъ къ самому себѣ. Герцъ явился къ нему, какъ демонъ интриги. Излагая финансовыя мѣры, спасительныя въ бѣдственномъ положеніи Швеціи, онъ изумилъ Карла XII-го открытіемъ плана, какой основалъ на личномъ изученіи современной Европейской политики. Планъ сей заключался въ слѣдующемъ: Утрехтскій и Раштадтскій трактаты измѣнили отношенія Европейскихъ государей, унизили могущество Франціи, усилили Императора пріобрѣтеніями въ Италіи и Нидерландахъ, и лишили Испанію власти ея въ Италіи, передавши Сицилію Герцогу Савойскому. Испанія, управляемая хит-

рымъ кардиналомъ Алберони, хотѣла въ одно время возстановить власть свою въ Италіи и обладать Франціею, гдѣ властвовали тогда развратный Дюбуа и безразсудный Регентъ королевства, именемъ малолѣтняго короля Людовика XV-го. Испанія (или лучше сказать Алберони) готова была воспользоваться войною Императора съ Турками, но ее страшила Англія. Положеніе короля Георга было затруднительно, ибо множество приверженцовъ претендента на Великобританскій престолъ, потомка Стуартовъ, страшили его, когда Англія не терпѣла его, Нѣмца, чуждаго ей по характеру и образованію. Герцъ умѣлъ оцѣнить высокій умъ и предпріимчивость Царя. Только въ немъ видѣлъ онъ государя, достойнаго быть не врагомъ, но другомъ Карла XII-го. Алберони уже составилъ тогда свой тайный заговоръ во Франціи противъ Регента. Герцъ переговорилъ съ нимъ и съ приверженцами Стуартовъ въ Англіи и Голландіи. Они не сомнѣвались, что за уступку Ливоніи, Эс-

тоніи и Ингерманландіи, Царь согласится заменить въ Польшѣ ничтожнаго Августа Станиславомъ. Положили, что Карлъ XII-й примирится съ Царемъ, заключитъ съ нимъ дружескій союзъ, и въ одно время Испанія, Франція, по низверженіи Регента и объявленіи опекуномъ королевскимъ Короля Испанскаго, Швеція, Польша и Россія объявятъ войну Императору, Англіи и Даніи. Полагали оставить Пруссію неутральною, и въ одно время Испанцамъ войдти въ Италію, Французамъ въ Нидерланды, Рускимъ въ Норвегію и Данію. Карлъ XII-й долженъ былъ принять начальство надъ войскомъ, которое будетъ перевезено въ Шотландію, возстановитъ тамъ потомка Стуартовъ и низвергнетъ короля Георга. Такой проектъ могъ увлечь Карла XII-го. Сколько битвъ представлялъ онъ въ будущемъ, и сколько надобно было смѣлости и отваги совершить его! Всего труднѣе было убѣдить Короля Шведскаго на миръ съ Царемъ, но однажды убѣдившись, что миръ сей не уни-

зитъ его, Карлъ XII-й горячо устремился къ исполненію плана, который могъ уничтожить всѣхъ враговъ его и дѣлалъ его рѣшителемъ судебъ Европы. Герцъ, перешедшій въ службу Шведскую, возведенъ былъ въ достоинство перваго министра королевскаго и получилъ неограниченное полномочіе отъ Короля. Надлежало передать мысль Герца Царю.

Не смѣемъ думать, чтобы Царь вполнѣ одобрилъ и принялъ планъ Герца, но всѣ подробности, и самыя послѣдовавшія потомъ событія, заставляютъ насъ угадывать, что Царь и не отвергъ его. Миръ съ Швеціею укрѣплялъ ему всѣ его завоеванія. Дружба Карла XII-го, достоинствъ коего не могъ онъ не сознать, льстила его самолюбію. Георга Англійскаго, Августа Польскаго и Фридриха Датскаго не могъ онъ не презирать, не могъ и не питать къ нимъ тайной непріязни. Съ Императоромъ была у него постоянная холодность. Чего не могла выиграть Россія при новомъ порядкѣ дѣлъ, когда Царь являлся рѣшителемъ судебъ

Европы, управляя посредствомъ Герца волею и мечемъ Карла XII-го? Герцъ предлагалъ Царю укрѣпить могущество Россіи супружествомъ одной изъ дочерей его съ Испанскимъ принцомъ, другой съ Королемъ Французскимъ, третьей съ наслѣдникомъ Шведскаго престола. Соглашаясь, на всѣ сіи предположенія, какъ глубокій политикъ, Царь не увлекся однакожь краснорѣчіемъ предпріимчиваго министра Шведскаго, и не только не допустилъ къ себѣ Герца, но и всѣ переговоры съ нимъ производилъ лейбъ-медикъ царскій Арескинъ, Шотландецъ, Папистъ, жаркій приверженецъ Стуартовъ. Шевалье Фоларъ, извѣстный своими «Комментаріями на Полибія,» былъ посредникомъ между Герцомъ и герцогомъ Целламаромъ, Испанскимъ посломъ въ Парижѣ. Графъ Гилленборгъ, Шведскій посолъ, велъ переговоры въ Англіи, а герцогъ Ормондъ былъ главою Стуартистовъ въ Голландіи.

Такъ, скрытно, невѣдомо никому, готовилось

все для событій неожиданныхъ Европою. По крайней мѣрѣ, то несомнительно, что Царь принялъ предложенія Герца о мирѣ съ Швеціею, и можемъ полагать, что новое расположеніе Царя къ Карлу XII-му было замѣчено его союзниками, сдѣлалось одною изъ причинъ раздора съ Даніею, и пребываніе Царя въ Голландіи имѣло цѣлью не одно любопытство, но тайны обширной политики. Къ несчастію Герца, случай преждевременно разрушилъ всѣ его планы.

Какъ ни тайно производились переписка, переговоры, даже приготовленія (ибо Алберони уже готовилъ флотъ и войско, а Стуартисты собирались въ Шотландіи и Нидерландахъ), шпіоны хитраго Діобуа поймали нить заговора и передали ее въ Голландію и въ Англію. Подозрѣвали, но еще не смѣли говорить, и тѣмъ болѣе не знали всего, когда прибило бурею къ берегамъ Норвегіи небольшое судно, на коемъ ѣхалъ переодѣтый курьеръ съ письмами Гилленборга изъ Англіи. Взятыя у него

по подозрѣнію бумаги были переданы Датскому Королю, отъ него пересланы въ Англію, и вся интрига заговора раскрылась.

Властители Англіи, Франціи, Даніи, Польши, Императоръ содрогнулись отъ ужаса, видя, какъ близки были они къ величайшей опасности. Люди, которые не отказались бы отъ подобнаго предпріятія, еслибы только имѣли для того средства и были увѣрены въ успѣхѣ, изъявили великодушное негодованіе; кричали о безславіи, какое причиняетъ сану королей участіе Карла XII-го въ интригѣ его дипломата—даже не побоялись нарушить неизмѣнныхъ условій права народнаго, въ силу коихъ лицо посланника всегда бываетъ неприкосновенно. Герцъ былъ арестованъ въ Голландіи, Гилленборгъ въ Лондонѣ. Король Англійскій напечаталъ перехваченныя письма и многія изъ найденныхъ у Гилленборга бумагъ. Царь со всѣхъ сторонъ услышалъ упреки и негодованіе своихъ мнимыхъ друзей. Его укоряли въ согласіи на миръ съ Швеціею

(укоряли тѣ, кто мирился нѣкогда въ Травендалѣ и Альтранштадтѣ, и кто еще такъ недавно велъ тайные переговоры съ Герцомъ!), и особенно въ участіи, какое принялъ онъ въ интригѣ Герца.

Тутъ могли однакожь подозрѣвать, но прямой улики не было. Не думая разувѣрять въ желаніи мира съ Швеціею, Царь почелъ долгомъ оправдать себя въ участіи, какое приписывали ему въ интригѣ Алберони и Герца. Онъ протестовалъ при Англійскомъ Дворѣ черезъ резидента своего, опровергая обвиненіе, на него взводимое, и писалъ ко всѣмъ своимъ союзникамъ, отвергая подозрѣніе на него, какъ недостойную клевету. Наружность прежнихъ отношеній его не измѣнялась. Обвинители принуждены были умолкнуть, но, кажется, тайная мысль оправдаться особенно предъ Французскимъ Дворомъ рѣшила тогда Царя посѣтить Парижъ и лично познакомиться съ Регентомъ Франціи.

Среди запутанныхъ интригъ дипломатиче-

скихъ, Царь, какъ всегда, занимался обозрѣніемъ всего любопытнаго, новаго, незамѣченнаго имъ прежде. Онъ принималъ въ службу свою офицеровъ, художниковъ, ремесленниковъ, десятками отправляя ихъ въ Россію; закупалъ предметы художествъ и ремеслъ, модели, машины, и по прежнему чуждался пышности и великолѣпія, дружась съ простолюдинами, изучая нравы народа. «Благодарю васъ, но я плохо васъ понимаю,» отвѣчалъ онъ на витіеватую рѣчь депутатовъ Голландскихъ, «говорите со мною просто: я учился по Голландски между плотниками.» (Ik bedank u, maar ik heb u niet verstaan; ik leerde mijn Hollandsch bij den scheepsbouw, doch deze taal leerde ik nooit). Января 2-го Царь праздновалъ рожденіе сына, нареченнаго *Павломъ*. «У меня родился *солдатенокъ* Павелъ,» писалъ Царь—«рекомендуйте его офицерамъ подъ начальство, а солдатамъ въ товарищи.» Царевичъ скончался на другой день послѣ рожденія.— Царь, съ супругою, оправившеюся послѣ ро-

довъ, былъ въ Гагѣ, Лейденѣ, Роттердамѣ, откуда 24-го Марта, оставя Царицу на время въ Голландіи, отправился во Францію черезъ Антверпенъ, Гентъ, Брюгге и Дюнкирхенъ.

Въ бытность свою въ Голландіи Царь снова работалъ на Остъ-Индской верфи, и дружески гулялъ два раза съ старыми Сардамскими друзьями, представивши имъ свою *хозяйку Катерину Алексѣевну*. Они увѣряли Царя, что хотя онъ теперь немного перемѣнился, но все еще въ немъ видны прежнія ухватки славнаго, лихаго плотника. «Царь хочетъ съ тобою видѣться,» сказали старику Кисту, у котораго нѣкогда Царь нанималъ домикъ. Ik geet den brui van den Czaar, отвѣчалъ съ досадою Кистъ, hij is mij nog huur schuldig (Убирайтесь вы съ Царемъ—онъ мнѣ долгу не платитъ)!» Царь расхохотался, захотѣлъ узнать о *неоплатномъ долгѣ своемъ*, пошелъ къ Кисту, узналъ, что дѣйствительно забылъ доплатить ему бездѣлку за квартиру,

наградилъ его за процѣнты серебрянымъ кубкомъ и помирился съ нимъ за кружкою пива. Посѣтивъ церковь Меннонистовъ, къ сектѣ коихъ принадлежали старикъ Кальфъ и другіе пріятели Царя, онъ просилъ показать ему, какъ говорятся у нихъ проповѣди. Кальфъ взошелъ на каѳедру, подумалъ и сказалъ: Denk wel, spreek wel en doe wel in de vreeze des Heeren (*Думай добро, говори добро и твори добро, по слову Божію*)!—«Вотъ вся наша проповѣдь!» примолвилъ онъ, обращаясь къ Царю. «Я желалъ бы,» отвѣчалъ ему Царь, «чтобы всѣ проповѣди были такъ кратки и такъ понятны.» Друга своего Витсена Царь засталъ на одрѣ смерти. Старика Рюйша встрѣтилъ онъ словами: «Здравствуй, мой старый учитель!» Царь купилъ тогда у Рюйша его богатый анатомическій кабинетъ, за 30,000 гульденовъ, съ тѣмъ, чтобы Рюйшъ открылъ найденную имъ тайну бальзамированія тѣлъ и приготовленія препаратовъ анатомическихъ. Кабинетъ Рюйша донынѣ составляетъ укра-

шеніе нашей Кунстъ-Камеры, а тайну бальзамированія и препараціи, по кончинѣ Рюйша, Царь открылъ своему лейбъ-медику Блюментросту, отъ коего была она въ послѣдствіи обнародована. Изъ другихъ пріобрѣтеній Царя замѣчательнѣйшія были: Лидерсовъ минцъ-кабинетъ, купленный за 5000 рейхсталеровъ, и кабинетъ естествознанія славнаго Себа (за него было заплачено 15,000 гульденовъ). Царь пріобрѣлъ много картинъ Фламандской школы, коими положено было основаніе богатому собранію ихъ, находящемуся нынѣ въ Эрмитажѣ. Нерѣдко приходилъ онъ на аукціонъ съ пріятелемъ своимъ, живописцомъ Кесселемъ, и не жалѣлъ денегъ на покупку какой нибудь картины Теньера, или Вувермана, и особенно Фанъ-Деръ-Верфа и Зило, своихъ любимыхъ живописцовъ. Въ нынѣшнюю бытность свою въ Голландіи Царь не носилъ матроской куртки, но нарядъ его не былъ однакожь щегольской, и состоялъ изъ сѣраго кафтана, широкой коженой портупеи съ кор-

тикомъ, небольшаго парика и круглой поярковой шляпы. Царь казался блѣденъ; въ немъ уже не видно было прежней юношеской красоты, но глаза его горѣли огнемъ, движенія были живы, рѣчи скоры и быстры. Черные усы его придавали ему видъ нѣсколько суровый, но онъ былъ ласковъ, любезенъ, и не отказывался выпить и погулять съ пріятелями. Въ Антверпенѣ принялъ онъ въ Русскую службу Англійскаго контръ-адмирала Паддона и писалъ объ немъ Апраксину: «Кажется, человѣкъ добрый и *не говорунъ*, и не старъ, а служилъ много.» Царь не терпѣлъ болтуновъ, и среди самой разгульной бесѣды любилъ разговоръ поучительный.

Въ Дюнкирхенѣ встрѣтили его съ большими почестями. Встрѣчи приготовлены были повсюду на пути, но Царь отказывался отъ нихъ, отъ богатыхъ обѣдовъ и роскошныхъ помѣщеній, говоря: «Я солдатъ, и доволенъ, если у меня есть хлѣбъ, да вода.» Въ Кале увидѣлъ онъ великана, Французскаго кресть-

янина Никола, нанялъ его и отослалъ въ Россію. Никола до смерти своей былъ при Царѣ любимымъ гайдукомъ (скелетъ и чучела его донынѣ цѣлы въ Кунстъ-Камерѣ). Въ Дюнкирхенѣ Царь долго и внимательно смотрѣлъ на ученье Французскихъ войскъ. Въ Аббевиллѣ учился онъ красить сукна въ алый цвѣтъ. Утромъ 26-го Апрѣля онъ прибылъ въ Парижъ.

Царь вообще не любилъ Французовъ, Французскаго образованія, и даже Французскаго языка. Онъ говаривалъ, что «Голландскій языкъ нуженъ для Рускихъ на морѣ, Нѣмецкій на землѣ, а безъ Французскаго можно обойдтись.» (Какъ съ тѣхъ поръ измѣнились времена!) Великолѣпный Дворъ Людовика XIV-го не былъ образцомъ Русскаго Двора, и въ преобразованіяхъ, какія совершалъ Царь, весьма немногое взято было имъ изъ Франціи. Но, жадный познанія всего замѣчательнаго, Царь не оставилъ осмотрѣть въ Парижѣ и усвоить себѣ, что казалось ему полез-

но и свойственно Россіи. Впрочемъ, ежедневно осматривая мастерскія, онъ только одинъ разъ былъ въ театрѣ, и Французамъ странно было видѣть Русскаго Царя, ходящаго пѣшкомъ по Парижскимъ улицамъ, въ его сѣромъ кафтанѣ, иногда съ аршиномъ въ рукѣ, хотя они удивлялись его уму, проницательному взгляду и рѣзкимъ замѣчаніямъ.

Лувръ былъ назначенъ для жительства Царя, но онъ отказался отъ такого великолѣпнаго помѣщенія и занялъ hôtel de Lesdiguère принадлежавшій маршалу Виллеруа. Три дня Царь не могъ выѣхать изъ дома, обремененный безпрестанными визитами. Первый посѣтилъ его Регентъ Франціи. Малолѣтный король Людовикъ XV-й (ему было тогда семь лѣтъ) пріѣзжалъ къ Царю съ большою свитою. Царь встрѣтилъ его у кареты и на другой день посѣтилъ его въ Тюльери. Король встрѣтилъ Царя внизу крыльца, окруженный всѣмъ своимъ Дворомъ. Гвардія Королевская была подъ ружьемъ. Поцѣловавши Короля, Царь

взялъ его на руки и внесъ въ комнаты, говоря: «У меня теперь на рукахъ вся Франція.» Король проговорилъ Царю заученное привѣтствіе: «Дай вамъ Богъ, Государь, счастливаго и славнаго царствованія,» отвѣчалъ ему Царь. «Можетъ быть, мы будемъ нѣкогда полезны другъ другу.»

Весь Май мѣсяцъ Царь провелъ въ Парижѣ, ежедневно разъѣзжая по городу и его окрестностямъ. Онъ посѣтилъ арсеналъ, литейный дворъ, Гобеленевскую фабрику, зеркальный заводъ, ботаническій садъ (и тогда уже славный), коллегіумъ Мазарина, главныя ученыя, благотворительныя и военныя заведенія. Регентъ, герцогиня Беррійская, адмиралъ д'Этре, графъ Тулузскій, герцогъ д'Антенъ угощали Царя. Посѣтивъ Инвалидный Домъ, Царь засталъ инвалидовъ за обѣдомъ, налилъ себѣ стаканъ вина, выпилъ, говоря:» Ваше здоровье, товарищи!» и обнялъ одного изъ старыхъ воиновъ. Инвалиды привѣтствовали его громкимъ восклицаніемъ. Онъ посѣтилъ Версаль

(и говорилъ потомъ, что она *голубь съ орлиными крыльями*), Мёдонъ, Фонтенебло, аббатство Сенъ-Дени, Тріанонъ. Особенно понравилось ему Марли, съ его превосходными фонтанами. Царь подробно разсматривалъ механизмъ водопроводовъ, и потомъ устроилъ по образцу ихъ Петергофскіе фонтаны, даже назвалъ одно отдѣленіе Петергофскаго сада *Марли*. Посѣтивъ учебныя заведенія Экуенскія, Царь хотѣлъ видѣть знаменитую Ментенонъ; былъ и у вдовы изгнаннаго Англійскаго короля Іакова, жившей въ Кальо. Живописцы Нотуаръ и Ригодъ испросили у Царя позволеніе написать его портреты. Въ Сорбонской Академіи предложили ему, что онъ совершитъ великій подвигъ, споспѣшествуя соединенію Восточной и Западной Церквей. Царь отозвался, что онъ не вмѣшивается въ духовныя дѣла, но что члены Сорбонны могутъ писать о томъ Русскому духовенству. Они не замедлили воспользоваться позволеніемъ Царя, и получили отвѣтъ умный и уклончивый, что Рус-

ское духовенство усердно желаетъ соединенія, но не можетъ рѣшиться на переговоры о томъ безъ вселенскихъ патріарховъ, полагая впрочемъ, что сіе великое дѣло должно предоставить волѣ Божіей, ведущей ко благу человѣковъ и матерь всѣхъ христіанъ Церковь. Царь долго бесѣдовалъ съ математикомъ Вариньономъ и астрономомъ Пижо (у котораго купилъ приборъ инструментовъ за 2000 талеровъ), и присутствовалъ при глазной операціи, произведенной окулистомъ Вольгузомъ. Приглашенный въ собраніе Академіи, Царь своими руками поправилъ показанную ему карту Каспійскаго моря и показалъ обширныя свѣдѣнія въ географіи и математикѣ. Фонтенель привѣтствовалъ посѣтителя рѣчью. Академія просила Царя удостоить ее принятіемъ званія члена ея. Царь отвѣчалъ, что онъ почтетъ себѣ за честь такое почетное званіе. Въ Петербургъ прислали ему дипломъ и онъ велъ постоянныя ученыя сношенія съ Фонтенелемъ и другими академиками. Смотря на

бюстъ Ришелье, Царь произнесъ: «Онъ былъ великій человѣкъ.» Другіе увѣряли, будто Царь сказалъ: «Еслибы Ришелье былъ живъ, я отдалъ бы ему половину моего царства за то, чтобы онъ научилъ меня управлять другою.» Французское остроуміе придумало потомъ, что Царь могъ дать полцарства Ришелье потому, что выучившись управлять своею половиною, онъ отнялъ бы у Ришелье отданную ему другую. Пріятно изумленъ былъ Царь, когда посѣтивъ монетный дворъ, и смотря, какъ оттискивали медали, онъ взялъ оттиснутую въ глазахъ его медаль и увидѣлъ на ней свой портретъ, съ изображеніемъ славы, восходящаго солнца и надписью изъ Виргилія: Vires acquirit eundo (*Шествуя пріобрѣтаетъ силы*). Царя просили принять сію медаль на память. Регентъ поднесъ ему нѣсколько превосходныхъ Гобенелевскихъ, тканыхъ картинъ. Въ Фонтенебло Царь смотрѣлъ ученье Французской гвардіи и знаменитыхъ королевскихъ мушкетеровъ. Система славнаго

лава занимала тогда Францію. Царь старался получить подробныя свѣдѣнія объ ея сущности и долго бесѣдовалъ съ знаменитымъ основателемъ Миссисипской Компаніи. Ни слова не упоминая о Герцѣ, Царь дружески разстался съ правителемъ Франціи. Щедро одарены были Царемъ всѣ бывшіе при немъ, и 9-го Іюня оставилъ онъ Парижъ. Путь его былъ черезъ Суассонъ, Реймсъ, Намуръ и Литтихъ въ Спа, гдѣ прожилъ онъ болѣе мѣсяца, употребляя тамошнія цѣлебныя воды и бесѣдуя съ барономъ Люберасомъ о коллегіяльномъ управленіи государствомъ. Щедро наградилъ онъ сего знаменитаго человѣка, сынъ коего съ честью находился въ царской службѣ и построилъ славный Кронштадтскій докъ. Спааскіе воды такъ помогли Царю, что изъ Голландіи прислалъ онъ мраморную доску, съ надписью, что Царь Русскій былъ въ Спа 1719 году, и оставилъ сей знакъ своей благодарности цѣлебнымъ тамошнимъ источникамъ, на память потомству. Памятникъ сей хранится

въ Спа донынѣ. Не доѣзжая до Ахена, Царь увидѣлъ близъ дороги красивый садикъ и вошелъ въ него. Узнавши, что трудолюбивый хозяинъ его былъ пасторъ, занимавшійся обработкою садика своими руками, въ часы свободные отъ его должности, Царь сказалъ, что онъ желалъ бы видѣть Русскихъ сельскихъ священниковъ также посвящающими сельскимъ работамъ свои досуги. Осмотрѣвши древности Ахена и тамошнія воды, Царь былъ приглашенъ обществомъ Городскихъ Стрѣлковъ и удивилъ ихъ своимъ искуствомъ въ поцѣльной стрѣльбѣ. Изъ Мастрихта Царь поплылъ по рѣкѣ Маасу и 20-го Іюля явился въ Амстердамѣ. Еще разъ посѣтилъ онъ Сардамъ и трогательно простился съ своими стариннымн друзьями—до свиданія за гробомъ. Кальфъ напутствовалъ его при разставаніи словами: *Богъ да благослоеитъ тебя, царь Петръ*! Въ Амстердамѣ купилъ тогда Царь двои часы, коими украсилъ Спаскую и Троицкую башни Кремля Московскаго. Онъ осмо-

трѣлъ подробно укрѣпленія острова Валхерена и славную крѣпость Бергъ-Опъ-Цоомскую, лучшее произведеніе Кугорна. Въ концѣ Августа простился онъ съ Голландіею. Дружескій пріемъ ожидалъ его въ Берлинѣ. Отсюда Царь спѣшилъ въ Петербургъ, хотя и останавливался еще на краткое время въ Данцигѣ, Митавѣ, Ригѣ и Ревелѣ. Изъ Нарвы отправился онъ на гальетѣ, и 10-го Октября Меншиковъ и гражданскіе и военные чиновники со слезами радости встрѣтили своего Царя въ Кронштадтѣ. Толпы народа ждали его на Невской пристани. Царь обнялъ дѣтей своихъ, выслушалъ ихъ привѣтствія и въ тотъ же день посѣтилъ верфь Петербургскую. Вечеромъ приближенные Царя пировали съ нимъ въ дружеской бесѣдѣ. Было имъ о чемъ поговорить.

Еще въ бытность Царя въ Голландіи и Франціи кончилось дѣло Герца, причинившее столько тревоги въ Европѣ. Когда Царь разсылалъ свои протесты, Карлъ XII-й и не думалъ

оправдываться въ участіи въ заговорѣ Герца и Алберони. Онъ протестовалъ только противъ нарушенія народныхъ правъ, учиненнаго арестомъ Герца и Гилленборга, и не хотѣлъ говорить ни о чемъ, пока не освободятъ ихъ. Общій протестъ дипломатовъ Европейскихъ подкрѣпилъ слова Короля Шведскаго. Герцъ и Гилленборгъ были освобождены, и Карлъ XII-й отказался отъ всякихъ объясненій, говоря, что съ вѣроломными непріятелями онъ и не думаетъ объясняться. Герцъ оказалъ удивительное присутствіе духа во время своего ареста. «Вы напрасно безпокоитесь», говорилъ онъ Голландскому генералу, пришедшему взять его.—«Кто хорошо знаетъ меня, тотъ долженъ вѣрить, что отъ меня ничего не узнаютъ такого, чего я самъ не захочу сказать!» Сидя въ крѣпости, онъ былъ веселъ, шутилъ, и горделиво являлся потомъ всюду, говоря, что долженъ гордиться, если ему удалось помѣшать хорошему аппетиту и крѣпкому сну Его Британскаго Величества. Кончилось уси-

леніемъ вражды Англичанъ и Голландцовъ противъ Карла XII-го и болѣе усиленнымъ стараніемъ Герца примириться съ Россіею. Царь уже опредѣлилъ тогда свои отношенія. Утвердивъ новыми трактатами дружбу съ Франціею и Пруссіею, онъ не скрывалъ своего негодованія противъ Англіи и Даніи. Представляя себя удовлетвореннымъ объясненіями Царя, король Георгъ прислалъ въ Амстердамъ адмирала Норриса договариваться о торговлѣ Англичанъ въ Россіи. Царь отвѣчалъ, что Король Англійскій прежде всего долженъ извиниться въ оскорбленіи, нанесенномъ ему. Столь гордый отвѣтъ произвелъ явный разрывъ между Англіею и Россіею. Голландское правительство принимало на себя посредничество примиренія, но Царь отвѣчалъ, что находитъ его не нужнымъ. Онъ видѣлъ тучи, отвсюду поднимавшіяся на политическомъ горизонтѣ Европы. Испанія уже объявила тогда войну Императору и Савоіи, и войско ея заняло Сицилію и Сардинію. Императоръ спѣшилъ по-

мириться съ Турціею (въ Пассаровицѣ, въ 1718 г.) *Четверной союзъ* (Quadruple Alliance) Императора, Франціи, Англіи и Голландіи, война въ Италіи, открытіе заговора Целламарова въ Парижѣ, паденіе Альберони увлекали вниманіе Европы. Царь понималъ, что при такихъ обстоятельствахъ можно ему не дорожить союзомъ Англіи и Голландіи. Открыто позволилъ онъ своимъ министрамъ переговаривать съ Герцомъ о мирѣ. Герцъ отправился въ Швецію и получилъ согласіе Карла XII-го. На пути въ Россію встрѣтилъ Царя Гессенъ-Кассельскій генералъ Рангъ, присланный отъ Герца съ просьбою назначить мѣсто и министровъ для переговоровъ о мирѣ. Довольный уступчивостью Карла XII-го, Царь изъявилъ свое согласіе и желаніе дружбы Короля Шведскаго. Русскимъ войскамъ, зимовавшимъ въ Помераніи, велѣно было возвращаться въ Россію. Они выступили весною 1718 года, оставя небольшой корпусъ въ Мекленбургіи.

Можно ли было подумать, видя Царя на

верху славы и почестей, вступившаго въ среду сильныхъ дѣятелей Европейской политики, надѣющагося вскорѣ окончить миромъ долголѣтнюю войну, видя его, какъ всегда, занятаго благоденствіемъ, просвѣщеніемъ, потребностями драгоцѣнной сердцу его Россіи, какъ всегда простирающаго вниманіе на всѣ подробности, можно ли было подумать, что тяжкая скорбь раздирала въ то время душу великаго, что сердце его болѣло печалью, и что вскорѣ должны были Россія и Европа увидѣть горестное позорище — *государя*, предающаго суду своего наслѣдника, *отца*, отвергающаго отъ любви своей недостойнаго сына? Мы не хотѣли прерывать нашего повѣствованія и ничего не говорили о важныхъ событіяхъ въ семействѣ Царя — бѣгствѣ изъ Россіи царевича Алексѣя въ 1716 году. Излагаемъ отдѣльно сіе достопамятное и поучительное событіе.

Дополнимъ прежде описаніе 1717 года,

столь замѣчательнаго по многимъ отношені-ямъ, очеркомъ событій въ Польшѣ.

Мы видѣли, что Царь принялъ на себя посредничество въ раздорахъ между королемъ Августомъ и его подданными. Сеймъ открылся въ Варшавѣ и царскій посолъ объявилъ рѣшеніе Царя: Августъ долженъ былъ, не только вывесть изъ Польши Саксонскія войска, но и самъ немедленно выѣхать въ Саксонію, оставя управленіе Польшею сенату и своему повѣренному. Рѣчи Посполитой и дворянству Польскому возвращались всѣ ихъ права вполнѣ, но войско коронное, вмѣсто 90,000, должно было ограничиться въ Польшѣ 17-ю, а въ Литвѣ 6000 человѣкъ. Всѣ удовлетворенія за прежнее и рѣшенія споровъ объ имѣніяхъ и конфискаціяхъ передавались сейму, безъ участія Короля, и общее прощеніе потверждалось всѣмъ, съ возвращеніемъ всѣхъ Поляковъ, дотолѣ задержанныхъ въ Россіи и Саксоніи. Многіе члены сейма видѣли, что Польша предавалась послѣ сего беззащитно волѣ Царя, но

ненависть къ Августу была такъ сильна, что лучше хотѣли сносить самовластіе иноземнаго государя, нежели покориться презираемому всѣми Королю. Условія были приняты единодушно. Августъ видѣлъ, что спорить невозможно, и согласился, такъ, что сеймъ продолжался только семь часовъ и названъ былъ *Нѣмымъ сеймомъ*, ибо на немъ никто не противорѣчилъ опредѣленію Царя *ни одним̃ъ словомъ*. Царь обѣщалъ послѣ сего немедленно вывесть войска изъ Польши. Но въ случаѣ несоглашенія, кромѣ бывшихъ въ Польшѣ, 30,000 Русскаго войска изъ Помераніи готовы были двинуться на Варшаву. Такія убѣдительныя доказательства словъ всегда бываютъ уважены. Напомнить Царю о немедленномъ исполненіи обѣщаній, и еще болѣе объ отдачѣ Риги и Лифляндіи, или устраненіи Курляндіи изъ-подъ его власти, никто не смѣлъ. Дѣло Герца, при чемъ открывалось согласіе Царя замѣнить Августа Станиславомъ, ужаснуло Августа. Онъ видѣлъ,

что объ немъ даже и не упоминаютъ въ переговорахъ союзниковъ, и осмѣлился было напомнить Царю, что если Россія приступитъ къ примиренію съ Карломъ XII-мъ, то по силѣ договоровъ обязана допустить къ переговорамъ его повѣренныхъ. Царь отвѣчалъ, что переговоры еще не начинались, а если начнутся, то «интересы Короля Польскаго не будутъ упущены.» Тогда, въ безсильной злости, среди шумныхъ оргій въ своемъ Дрезденскомъ дворцѣ, Августъ рѣшился, по крайней мѣрѣ, обезпечить себя захвативъ Станислава, какъ захватилъ онъ нѣкогда Іакова Собіескаго. Нѣсколько искателей приключеній, коимъ обѣщали хорошую плату, пробрались въ Цвейбрикъ, но были тамъ пойманы, пьяные, въ трактирѣ. Заговоръ открылся. Станиславъ имѣлъ наслажденіе заплатить врагу великодушіемъ: онъ простилъ преступниковъ и отпустилъ безъ всякаго наказанія.

РАЗСКАЗЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ.

За мое отечество и людей живота своего я не жалѣлъ и не жалѣю, то могу ли тебя, непотребнаго, пожалѣть! Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный...

Слова Петра Великаго.

Il parait qu'il résulte de tout ce que J'ai rapporté que Pierre le Grand fut plus roi que père, qu'il sacrifia son propre fils aux intérêts d'un fondateur et d'un législateur, et à ceux de sa nation qui retombait dans l'etat dont il l'avait tirée, sans cette sévérité malheureuse...

Вольтеръ.

И судъ Царевича порука за Петра!

Воейковъ.

Мы видѣли, что царевичъ Алексѣй былъ единственное дитя отъ первой супруги Царя, Евдокіи Лопухиной (прочія дѣти его скончались въ младенчествѣ). Алексѣй родился въ 1690 году, когда Царю было 18-ть лѣтъ.

Отвергать ли, какъ клевету на провидѣніе, мысль тѣхъ наблюдателей, которые, указывая на страницы всеобщей исторіи, говорятъ, что у людей великихъ дѣти всегда бываютъ люди ничтожные? Если и не непреложную истину, то психологическую и физіологическую задачу составляетъ однакожь сей, почти всегда и всюду повторяющійся фактъ. Можемъ изъяснить его самою сущностью генія, поставля-

ющею дѣтей его въ особенныя отношенія. Выходя изъ условій человѣческой природы, тѣмъ не менѣе мѣряетъ онъ другихъ на свою природу; увлекаемый своимъ назначеніемъ, онъ все сосредоточиваетъ въ самомъ себѣ, и всегда и всюду дѣйствуетъ самъ, думая, что ему помогаютъ другіе. Только въ минуту паденія геніяльнаго человѣка, или по кончинѣ его, видятъ, что онъ одухотворялъ другихъ собою, оживлялъ весь окружавшій его механизмъ, коснѣющій мгновенно, едва духъ генія кончитъ свое дѣло, или прейдетъ въ лоно предвѣчнаго отца. Такъ смотритъ геній на дѣтей своихъ, ослѣпляясь кромѣ того любовью отцовскою. Самъ «туне пріявшій» даръ Божій, онъ всегда мечтаетъ, что сынъ будетъ достойнымъ преемникомъ дара его; увлеченный исполненіемъ собственнаго назначенія своего, онъ забываетъ о приготовленіи себѣ преемника: или не требуетъ ничего, или требуетъ болѣе, нежели онъ дать можетъ, когда при томъ не должно ли и здѣсь допустить повторенія закона противопо-

ложностей, безпрерывно видимаго въ природѣ и исторіи?

Царевичъ Алексѣй не былъ лишенъ тѣлесныхъ силъ и душевныхъ дарованій. Наружностью походилъ онъ на своего великаго родителя, былъ юноша прекрасный, высокій ростомъ, стройный, съ черными огненными глазами, одаренъ умомъ и способностями. Но образованіе и нравственность его въ младенчествѣ были пренебрежены и здѣсь скрывался первый источникъ гибели. Оправдаемъ великаго Царя: могъ ли онъ, 18-ти лѣтній юноша, понимать важныя обязанности отца, и увлеченный своими подвигами, надзирать за воспитаніемъ сына, безпрерывно уѣзжая изъ Москвы, совершивъ два похода подъ Азовъ и наконецъ полтора года путешествуя за границею?

Такимъ образомъ, всѣ первые годы жизни своей царевичъ Алексѣй провелъ подъ особеннымъ надзоромъ сперва бабки своей, царицы Наталіи, страстно его любившей, потомъ ма-

тери своей, царицы Евдокіи. Только послѣ Стрѣлецкаго возмущенія въ 1698 г. Царь убѣдился, что враги, не менѣе Стрѣльцовъ опасные, таились въ его собственномъ семействѣ. Мы видѣли, что онъ отвергъ и сослалъ въ монастырь свою супругу, и что кромѣ царевны Софіи, явнымъ врагомъ его оказалась другая сестра, принявшая тогда монашество. Вообще все семейство царское, окруженное старовѣрами и ханжами, непріязненно смотрѣло на дѣла Царя и нововведенія, какъ на бусурманство, разрушеніе православія, по словамъ старовѣровъ, и введеніе *Нѣмецкихъ* нравовъ въ Россію. Мы видѣли бывшія послѣ того явныя возстанія. Многіе, не смѣя бунтовать, повиновались, но осуждали Царя, говорили о гибели, какую готовитъ онъ Россіи, роптали, буйствовали тайно. Среди такихъ бесѣдъ, въ кругу суевѣрныхъ женщинъ, ханжей и старовѣровъ, слыша рѣчи и жалобы ихъ, царевичъ Алексѣй провелъ первые восемь лѣтъ своей жизни, въ нѣгѣ, потворствѣ, невѣжествѣ, лелѣемый

безразсудною любовію материнскою. Могъ ли Царь отторгнуть его отъ матери? Первые годы жизни Царя развѣ не также протекли подъ надзоромъ женщинъ? Но велика была разница между Наталіею и Евдокіею, и кромѣ того Петръ, какъ будто родился съ призваніемъ къ просвѣщенію, величію и славѣ. Не таковъ былъ Алексѣй, лѣнивый, безпечный не терпѣвшій ученья и воинскихъ занятій, ненавидѣвшій *Нѣмцовъ,* бывшихъ друзьями отца его съ первыхъ лѣтъ младенческихъ. Царь бралъ съ собою сына въ лагери, путешествія, походы, пріучалъ къ воинскимъ и огненнымъ потѣхамъ. Припомнимъ, какъ явился онъ однажды съ нимъ на пиръ Лефорта, и говорилъ, что сынъ его будетъ нѣкогда другомъ сына его друга. Царевичъ Алексѣй возвращался къ матери, и всѣ добрыя впечатлѣнія изглаживалась подъ тлетворнымъ вліяніемъ примѣра царицы Евдокіи и людей, окружавшихъ ее. Царь велѣлъ учить сына. Ученье шло плохо. Царевича извиняли слабостью здоровья. Не же-

лая, можетъ быть, даже не смѣя открыть Царю лѣности и неохоты сына его къ ученью, отъ Царя все таили. Зло болѣе и болѣе усиливалось.

По возвращеніи изъ путешествія и удаленіи супруги своей, Царь увидѣлъ несчастное образованіе и вредное направленіе наклонностей сына своего. Онъ думалъ, вѣроятно, что все еще можетъ быть исправлено, но поздно уже было искоренять, что слилось съ первыми идеями, первыми впечатлѣніями и понятіями отрока. Алексѣю совершилось девять лѣтъ. Страсти рано развились въ немъ. Удаленіе матери оставило въ сердцѣ его неизгладимое негодованіе, и не только ко всѣмъ дѣламъ отцовскимъ, но даже и къ отцу закоренѣла въ немъ ненависть на всю жизнь. Здѣсь присоединились еще два несчастныя обстоятельства: одно, что воспитанный среди женщинъ и ханжей, Царевичъ пріучился къ скрытности и притворству; другое, что тайные враги Царя видѣли въ Алексѣѣ средство со временемъ от-

мстить за себя, и скрытныя внушенія Царевичу, что Богъ предоставляетъ ему разрушить всѣ бусурманскія (какъ они называли) нововведенія отца и возвратить Россіи православіе, отмстить за мать, искоренить *окаянныхъ Нѣмцовъ*, противоборствовали порывамъ добра, если мысль добрая и тревожила иногда душу Царевича.

Всѣ старанія Царя обратились послѣ сего въ пагубу, и несчастный Алексѣй сдѣлался жертвою неумолимой судьбы, увлекавшей его въ погибель.

Царь удалилъ отъ сына своего всѣхъ дотолѣ окружавшихъ его и окружилъ его избранными, вѣрными людьми. Къ несчастію, долго не могли найдти достойнаго наставника Царевичу. Первый гофмейстеръ его, Нейгебауеръ, ученый Нѣмецъ, былъ пьяница и негодяй бѣшенаго нрава, такъ, что въ 1704 г. его выслали изъ Россіи за непристойные поступки. Только въ 1702 году опредѣлили къ Царевичу надзирателя достойнаго, барона

Гизена. Мужъ ученый и добродѣтельный, Гизенъ приложилъ всевозможныя заботы къ исполненію возложенной на него обязанности. Царь самъ надзиралъ за воспитаніемъ сына, продолжая, кромѣ наукъ, пріучать его къ занятіямъ воинскимъ, къ морской службѣ, къ дѣламъ государственнымъ. Въ поѣздкѣ Царя въ Архангельскъ и Соловецкій монастырь, переѣздѣ оттуда къ Нотебургу и при взятіи сей крѣпости, Царевичъ былъ съ отцомъ, записанный сержантомъ въ гвардію. Онъ находился съ Царемъ при взятіи Нарвы, сопровождалъ его нѣсколько разъ въ Польшу. Царь поручалъ ему разныя дѣла, приказывая присутствовать въ совѣтѣ боярскомъ и въ засѣданіяхъ разныхъ коммиссій. Мы видѣли, съ какою заботливостью помнилъ онъ о здоровьи сына передъ Полтавскою битвою, и призвалъ его тогда въ Воронежъ, желая еще разъ съ нимъ видѣться.

Такъ протекло около десяти лѣтъ. Уже Алексѣй былъ благовидный юноша, но зло

возрасло, овладѣло имъ и было неизцѣльно. Душевный и тѣлесный развратъ рѣшительно погубилъ въ сіи годы несчастнаго Царевича.

Ученіе царевича Алексѣя производилось безпорядочно. Гизенъ въ 1705 г. посланъ былъ за границу съ дипломатическими порученіями, а по возвращеніи занятъ другими дѣлами. Въ его отсутствіе Алексѣя опять окружили и увлекли враги Царя, сообщники его матери, ханжи и суевѣры. Царевичъ пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія, хорошо говорилъ по Нѣмецки, но не терпѣлъ ученья. Страсти его развились и усилились. Онъ предался разврату и пьянству. И кто же потакалъ ему! Двое Нарышкиныхъ, приставленные къ нему Царемъ, многіе изъ самыхъ близкихъ къ Царю особъ, нѣкоторые изъ духовенства — даже сестра Царя, царевна Марія Алексѣевна, преданная суевѣрію и невѣжеству? Все было скрываемо отъ Царя подъ личиною притворства и лицемѣрія.

Но взоръ Царя проникалъ сквозь личину

притворства, понималъ лицемѣріе и разгадывалъ душу сыновнюю. Вспомнимъ жизнь и дѣла Петра съ 1700 до 1709 года. Могъ ли онъ самъ неусыпно надзирать за сыномъ своимъ среди тогдашнихъ событій, среди войны, смятеній, преобразованій? Новыя причины пагубы прибавились въ то время ко всѣмъ прежнимъ.

Одною изъ нихъ было супружество Царя съ царицею Екатериною, усилившее ненависть Царевича къ отцу, при мысли, что и кромѣ него будутъ у Царя наслѣдники. Царь поручалъ иногда надзоръ за сыномъ Меншикову, неспособному къ такому занятію, увлеченному другими дѣлами и нетерпимому Царевичемъ.

Будемъ откровенны и не скроемъ извѣстія современниковъ, будто бы Екатерина не любила своего пасынка и Меншиковъ не старался возстановить согласія въ семействѣ Царскомъ— человѣкъ съ дарованіями безспорными, но не-

умѣренный честолюбецъ и хитрый придворный.

Проницая душу сына, Царь старался узнавать истину, узнавалъ ее, и думалъ примѣромъ своимъ и кроткими убѣжденіями обратить его къ добру. Но иногда, видя упорство, непослушаніе, лицемѣрство Царевича, пылкій во всѣхъ движеніяхъ, онъ гнѣвался, осыпалъ его упреками — даже возлагалъ на него отцовскую руку, угрожая лишеніемъ наслѣдства и проклятіемъ.

Гнѣвъ и строгость родителя только ожесточали сердце Царевича. Онъ переступилъ последній шагъ — нерѣдко угрозы его среди развратныхъ друзей показывали, что онъ готовъ былъ забыть долгъ сына и обязанности подданнаго.

Кажется, что послѣ Полтавской битвы отецъ и сынъ примирились, и царевичъ Алексѣй, искреннимъ или притворнымъ раскаяніемъ, вымолилъ прощеніе и пріобрѣлъ любовь Царя. Думая, что путешествіе за гра-

ницею, пребываніе при Дворахъ государей и супружество съ достойною подругою изъ принцессъ Европейскихъ укрѣпятъ раскаявшагося въ добродѣтели, Царь отправилъ Алексѣя путешествовать. По волѣ отца, онъ выбралъ себѣ невѣсту. Бракъ совершился. Царь оставилъ Царевича за границею, препоручивъ ему надзоръ за войскомъ, бывшимъ тогда въ Помераніи, и вскорѣ горестно убѣдился несчастливый родитель въ неисправимыхъ порокахъ своего *единственнаго сына* и *наслѣдника престола*. Оставаясь на волѣ за границею, Царевичъ предался пьянству и распутству, возненавидѣлъ свою супругу и потерялъ къ ней всякое уваженіе, когда не прошло еще и года послѣ свадьбы. Пріѣздъ разгнѣваннаго родителя заставилъ его опомниться. Лицемѣрное раскаяніе еще разъ убѣдило Царя щадить виновнаго, если уже и не обмануло его тщетными надеждами. Послѣ похода въ Голштинію, когда Царь велѣлъ Алексѣю отправиться въ Россію, супруга Царевича не хотѣла

ѣхать съ нимъ. Царь принужденъ былъ посѣтить Вольфенбиттель только для того, что хотѣлъ возстановить согласіе между сыномъ и невѣсткою и уговорить ее не дѣлать гласнымъ ея несчастнаго супружества. Ручательство Царя за сына и новое лицемѣрство Царевича убѣдили несчастную принцессу примириться съ супругомъ. Она разсталась съ родными. Царь по два года былъ въ Финляндіи. Царевичъ оставался въ Петербургѣ. Здѣсь увѣрился горестный родитель въ ужасной истинѣ, что сынъ его погибъ безвозвратно.

Уже до того увлеченъ былъ Алексѣй въ бездну разврата, что потерялъ стыдъ передъ людьми и страхъ передъ родителемъ. Влюбленный въ какую-то красивую Чухонку Афросинью, онъ явно жилъ съ нею, не только презиралъ свою супругу, но говаривалъ, что недолго остается ему терпѣть, и что по смерти отца онъ расплатится съ тѣми, кто навязалъ ему на шею *Нѣмецкую чертовку*. Рож-

деніе дочери не смягчило сердца его. Супруга Царевича была беспрерывно больна, терзаясь неутѣшною горестью. Мы уже говорили, что она родила сына въ 1715 году. Царь находился тогда въ Шлиссенбургѣ, и слыша, что невѣстка его безнадежна, спѣшилъ къ ней. Она собрала силы передать державному дѣду двухъ сиротъ своихъ, и умерла, лобызая руки его, обливая ихъ слезами и умоляя за своего недостойнаго супруга. Ей было только 20 лѣтъ. Горестное супружество ея продолжалось четыре года. Царь горько плакалъ надъ бездыханнымъ тѣломъ добродѣтельной невѣстки. Она была великолѣпно похоронена въ Петропавловскомъ соборѣ. Царевичъ не присутствовалъ на ея похоронахъ.

Истощивъ убѣжденія и угрозы, Царь запретилъ сыну являться на глаза его. Царевичъ жилъ на своей Ижорской дачѣ, сказывался больнымъ, не ѣздилъ въ Петербургъ и проводилъ дни и ночи въ пьяныхъ, буйныхъ бесѣдахъ съ служителями и простолюдинами,

ибо никто не смѣлъ явиться къ нему, кромѣ тайныхъ сообщниковъ его, скрытно посѣщавщихъ недостойнаго сына отца великаго и готовившихъ въ немъ страшное орудіе мести врагамъ и гибели отечества.

Пусть безпристрастіе разсмотритъ изложенную нами исторію царевича Алексѣя и обвинитъ его великаго родителя.

И когда простой гражданинъ могъ бы, не страшась осужденія людей, суда совѣсти и наказанія Божія, отвергнуть чадо столь непотребное, Царь еще не до конца ожесточалъ свое сердце, еще не терялъ надежды на раскаяніе, если уже не на исправленіе виновнаго. Возвратясь съ похоронъ невѣстки, онъ написалъ письмо къ сыну — безсмертный памятникъ краснорѣчія, изливающагося изъ растерзаннаго родительскаго сердца. Слова каплютъ въ немъ слезами и кровью душевныхъ ранъ.

Царь говорилъ въ началѣ письма о трудахъ своихъ въ Шведской войнѣ и возведеніи ими

и оружіемъ Русскимъ отечества, при Божіемъ покровительствѣ, на верхъ побѣды и славы. «Но если я смотрю на то, что должно послѣ меня быть,» продолжалъ Царь, «то не столько радости въ настоящемъ, сколько печали и скорби въ будущемъ чувствую, ибо, ты, сынъ мой, отвергаешь все, что можетъ учинить тебя царемъ достойнымъ. Не можешь ты извинить себя недостаткомъ ума и слабостью тѣла. Упрямая воля твоя отвергаетъ даръ Божій. Ты не хочешь изучать науки военной, но можно ли быть царю не воину? Войны безъ причины вести не должно, но и царствовать нельзя безъ познаній воинскихъ, ибо они суть охраненіе и защита государствъ. Не довольно царю имѣть искусныхъ полководцовъ, но ему самому надобно руководить ими. Царь примѣръ подданнымъ. Какъ, не зная основаній какого либо дѣла, можешь ты указывать другимъ? А для всякаго познанія воли и охота потребны паче силъ. Король Французскій Людовикъ XIV-й рѣдко самъ на войнѣ

бывалъ, но онъ войнами себя прославилъ, ибо онъ былъ мудрый государь и воинъ мужественный. Дѣла сами собою правиться не могутъ. Обрати вниманіе на слова мои и разсуди объ нихъ. Я человѣкъ и подлежу смерти. Кому же оставлю насажденіе мое, уже отчасти, при помощи Божіей, возрастающее? *Тебѣ*, когда ты рабъ лѣнивый, закопавшій талантъ свой въ землю! Знаю злой и упрямый нравъ твой. Сколько разъ я тебя бранивалъ, и даже бивалъ, и вотъ ужъ сколько лѣтъ почти не говорю съ тобой, но все безполезно. Ты ведешь безпечную жизнь, не думая о томъ, что изъ того будетъ. Прискорбно размышляя обо всемъ, и видя что ничемъ тебя къ добру склонить не могу, пишу тебѣ въ послѣдній разъ, внимай мою послѣднюю волю: хочу еще немного ждать не обратушься ли ты на добро, но мое рѣшеніе уже принято и при дальнѣйщемъ упорствѣ твоемъ и отрѣжу тебя, какъ членъ антоновымъ огнёмъ пораженный, я лишу тебя наслѣдства. Не думай что

ты у меня одинъ сынъ и что я только стращаю тебя. Клянусь тебѣ Богомъ, что слово свое исполню. За мое отечество и людей моихъ я не жалѣлъ и не жалѣю живота моего, то могу ли тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный.»

Что отвѣчалъ Царевичъ?

«На письмо ваше, родитель мой, ничего донести не могу, кромѣ того, что если вамъ угодно лишить меня наслѣдства, будь воля ваша. Даже прошу тебя о томъ, ибо вижу себя непотребнымъ, лишеннымъ памяти и отъ разврата ослабѣвшимъ душевными и тѣлесными силами. Для правленія царствомъ потребенъ не такой, какъ я, гнилой человѣкъ. Дай Богъ вамъ здоровья, но по кончинѣ вашей а престола искать не буду, въ чемъ даю вамъ Бога порукою.»

«И такъ изъ письма моего только одни слова о лишеніи наслѣдства понялъ ты, сынъ мой,» отвѣчалъ Царь. «Ты предоставляешь

моей волѣ, что и безъ того всегда въ волѣ моей состоитъ, но гдѣ отвѣтъ на то, что отъ твоей воли зависитъ? О чемъ всего болѣе говорилъ я, о гнѣвѣ моемъ на тебя, обо всемъ, что я старался вразумитъ тебѣ — нѣтъ отвѣта. Вижу, что гнѣвъ отцовскій мало тебя трогаетъ, и такъ между нами все кончено. Если ты при мнѣ боязни не изъявляешь, что безъ меня станешь дѣлать? Ты клянешься, но могу ли ковѣрить клятвамъ твоимъ? Найдутся люди, которые возбудятъ тебя нарушить ихъ. Ни труды, ни скорби мои не возраждаютъ твоего участія. Ты ненавидишь дѣла мои, и все что дѣлаю и для народа моего не щадя живота, ты раззоришь по смерти моей. Нѣтъ? я не могу тебя оставить такъ, какъ ты есть. Или измѣни нравъ свой и покайся нелицемѣрно, или будь монахъ. Безъ того не могу оставаться спокоенъ, особливо нынѣ, чувствуя мое слабѣюще здоровье. Отвѣчай немедленно, или я поступлю съ тобою, какъ съ злодѣемъ,»

Царевичъ отвѣчалъ немедленно:

«Милостивѣйшій государь батюшка! Письмо ваше я получилъ, на которое больше писать за болѣзнью моею не могу, кромѣ того, что желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ *Алексѣй*.»

Долгъ царя, гнѣвъ отца, пылкость характера, все уничтожалось передъ любовью родительскою. Собираясь въ то время надолго отправиться за границу, Царь рѣшился на послѣдній опытъ убѣжденія. Ожесточенный сынъ внезапно увидѣлъ передъ собою огорченнаго имъ родителя. Онъ ожидалъ грозы, гнѣва, проклятія — увидѣлъ нѣжность, кротость, милосердіе. Заставши сына своего лежавшимъ въ постелѣ, больнымъ, какъ говорилъ о себѣ Царевичъ, тихо, кротко началъ говорить съ нимъ великій родитель его, не принималъ просьбы его о вступленіи въ монашество, не слушалъ клятвъ его, что онъ уступаетъ престолъ юному брату своему, ибо царевичъ Петръ обрадовалъ за три мѣсяца

передъ тѣмъ Царя и отечество своимъ рожденіемъ. Царь далъ еще Алексѣю полгода сроку на разсмотрѣніе и рѣшеніе, обѣщая въ случаѣ раскаянія и перемѣны возвратить всю свою любовь сыну преступному.

Преступному, говоримъ, ибо дотолѣ только губившій надежды на него родителя и отечества, Алексѣй перешелъ тогда предѣлъ, за которымъ любовь родителя должна была уступить мѣсто правосудію царя: онъ таилъ уже мысль бунта и мятежа, и отсрочку данную ему, употребилъ на совершеніе замысла, внушеннаго злодѣями отечества и врагами его великаго родителя. Совѣсть Алексѣя уже молчала. Полгода прожилъ онъ въ своей Ижорской дачѣ, рѣдко показывался людямъ, являясь въ общество казался дикимъ, безобразнымъ, пилъ и развратничалъ въ обществѣ своихъ низкихъ собесѣдниковъ. Изъ Копенгагена, гдѣ тогда находился, Царь писалъ Алексѣю, что срокъ, данный ему на размышленіе, прошелъ, и требовалъ отвѣта, говоря,

что если онъ словами и снисхожденіемъ его убѣдился на добро, то долженъ немедленно пріѣхать къ нему и доказать исправленіе свое на дѣлѣ.

Царевичъ извѣстилъ Меншикова, что по приказанію родителя ѣдетъ къ нему въ Копенгагенъ. Меншиковъ выдалъ ему деньги на дорожные расходы. Въ Ригѣ Царевичъ досталъ еще денегъ, но онъ не явился къ Царю. Слышно было, что Алексѣй проѣхалъ черезъ Кенигсбергъ. Здѣсь пропали слѣды его и неизвѣстно было куда онъ отсюда укрылся. Узнали, что любовница его Афросинья и нѣсколько друзей его отправились въ слѣдъ за нимъ. Неизвѣстность не могла продолжиться. Царь узналъ, что бѣглецъ скрывается во владѣніяхъ Императора. Изъ Кенигсберга проѣхалъ онъ въ Вѣну.

Планъ Царевича былъ основанъ, кажется, на открывшейся тогда интригѣ Герца. Полагая, что Императоръ, своякъ его, раздраженъ противъ его родителя, онъ полагалъ,

что въ Вѣнѣ найдетъ себѣ сообщниковъ и обѣщаніемъ всякихъ пожертвованій купитъ себѣ помощь и покровительство. Слышно было, что Русскія войска, тяготясь походами и пребываніемъ въ чужихъ земляхъ, гдѣ оставили ихъ на зиму, восмушались. Сообщники Царевича увѣрили, что если только онъ пришлетъ манифесты свои въ Россію, народъ возстанетъ за него. Царевичъ всему повѣрилъ. Отъ разврата до преступленія одинъ шагъ.

Ужасна была сердцу родительскому минута, когда онъ извѣстился о злоумышленіи сына, ибо что кромѣ злаго умысла могло заставить Алексѣя рѣшиться на бѣгство? Снисхожденіе и нерѣшительность, послѣ оскорбленія, нанесеннаго родителю, послѣ умысла противъ царя, явно открывавшагося въ поступкѣ Алексѣя, снисхожденіе и нерѣшительность были нарушеніемъ царскаго долга. Царь страшился, что въ поступкѣ сына могъ скрываться обширный заговоръ. Вѣроломная поли-

тика враговъ могла также воспользоваться злонамѣренностью Алексѣя.

Немедленно послалъ Царь вѣрныхъ исполнителей своей воли, П. А. Толстаго и А. И. Румянцова, представить Императору о нарушеніи народныхъ правъ укрывательствомъ сына его и объявить Царевичу непремѣнную волю отца о возвращеніи въ Россію.

Министры императорскіе хитрили нѣсколько времени, утверждая, что мѣстопребываніе Царевича имъ неизвѣстно. Потомъ оправдывались, что Императоръ не могъ отказать въ убѣжищѣ своему родственнику, умолявшему спасти его отъ незаслуженнаго и несправедливаго гнѣва отцовскаго.

Посланные Царя требовали свиданія съ Царевичемъ, увидѣли его и услышали буйныя, неистовыя рѣчи. Онъ говорилъ, что не боится отца своего, что Императоръ дастъ ему войско, что много найдется ему защитниковъ въ Россіи.

То былъ голосъ, или безумнаго ослѣпленія,

или безнадежнаго отчаянія. Царь настоятельно возобновилъ требованіе выдачи ему сына. Алексѣй переѣхалъ между тѣмъ изъ Вѣны въ Тироль и наконецъ укрылся въ Неаполь, гдѣ жилъ скрытно въ замкѣ св. Эльма. Толстой и Румянцовъ преслѣдовали его. Кто могъ его защитить? Гдѣ могъ онъ укрытсься отъ проклятія отцовскаго, и если уже оно не страшило его, отъ преслѣдованія могущаго Царя Россіи? Покровители бѣглеца отступились отъ него. Мѣсто буйнаго хвастовства заступила въ немъ малодушная робость. Царевичъ прислалъ родителю униженное письмо, умоляя о прощеніи.

Царь полагалъ, что здѣсь уже прекратились предѣлы отцовской власти и что онъ не властень болѣе простить сына.

«Всегда непослушный и презиравшій волю мою, обольстивъ меня клятвою во имя Бога и надеждою на раскаяніе при разстованьи, что ты дѣлаешь?» писалъ Царь сыну своему (изъ Спа, 10-го Іюля). «Но возвратись не

страшась гнѣва моего, и я клянусь тебѣ, что не только не возложу на тебя наказанія, но приму тебя въ любовь мою паче прежняго, или трепещи моего гнѣва.» Пощадить жизнь преступника могъ отецъ, но лишить его средствъ вредить отечеству долженъ былъ Царь. Уже давно былъ рѣшенъ въ умѣ Царя важный вопросъ о томъ, долженъ ли онъ отвергнуть Алексѣя отъ наслѣдія престола. Мы видѣли письма Царя съ береговъ Прута, гдѣ волѣ избранныхъ сыновъ отечества передавалъ онъ избраніе *достойнѣйшаго*. Въ 1715 году, разговаривая съ посломъ императорскимъ, откровенно высказалъ онъ, что почитаетъ преступленіемъ обязанностей царскихъ передачу престола наслѣднику недостойному. Онъ говорилъ о томъ царевичу Алексѣю, когда у него не было еще другаго сына. Но въ 1718 г. Царь радовался прекраснымъ трехълѣтнимъ младенцемъ, царевичемъ Петромъ, и отрѣшеніе Алексѣя отъ наслѣдства не представляло уже никакого сомнѣнія послѣ его

бѣгства. Царь хотѣлъ совершить дѣло столь важное торжественно, въ виду всей Россіи, не оставляя его семейство тайною, ибо въ тамомъ случаѣ крамола и возмущеніе могли открыть Алексѣю путь къ престолу по кончинѣ родителя, при малолѣтствѣ брата. Монашеская келья назначалась удѣломъ Алексѣя.

Получивъ извѣстіе, что Толстой и Румянцовъ везутъ Царевича въ Россію, Декабря 15-го Царь, со всемъ Дворомъ, Сенатомъ, знатнѣйшими военными и гражданскими чиновниками и духовенствомъ, отправился въ Москву.

Уже семь лѣтъ не видали Царя древняя столица и радостно встрѣтило его. Никто не замѣчалъ въ немъ смущенія. Внимателенъ по прежнему, милостивъ, доступенъ каждому былъ Царь. Какъ прежде, онъ весело провелъ праздникъ, даже славилъ Христа о святкахъ, посѣщая съ своими приближенными многихъ простыхъ гражданъ. Въ новый годъ, послѣ обѣдни и молебна въ Успенскомъ со-

борѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ былъ пиръ у Царя; вечеромъ сожгли богатый фейерверкъ. Но вскорѣ Москва увидѣла великое и печальное зрѣлище — отца, царя, судію, рѣшающаго жребій сына, подданнаго, преступника.

Февраля 4-го, нѣсколько полковъ заняли ворота Кремля и Китая города. Въ Кремлевскій дворецъ собрались духовенство, чиновники, почтенные люди. Среди нихъ явился Царь. За нѣсколько дней до того Алексѣй привезенъ былъ въ Москву и содержался подъ стражею въ Преображенскомъ дворцѣ, куда никого къ нему не допускали. Въ мундирѣ, но безъ шпаги и шляпы, введенъ былъ Царевичъ въ собраніе. Онъ упалъ на колѣни передъ отцомъ, подалъ ему повинную и умолялъ о прощеніи. Царь началъ говорить, среди глубокаго безмолвія всѣхъ присудствовавшихъ. Онъ уже не укорялъ сына. Безъ гнѣва сказалъ онъ, что сдержитъ свое слово и сохранитъ жизнь раскаявшемуся, но что по-

милованіе должно ему искупить чистосердечнымъ признаніемъ, открытіемъ всѣхъ своихъ замысловъ и всѣхъ участниковъ въ позорномъ бѣгствѣ его. «Милуя тебя,» продолжалъ Царь, «мы объявляемъ тебя уже недостойнымъ престола, и какъ ты самъ уже отрекался отъ него, лишаемъ тебя наслѣнія властью царскою и отцовскою, и передаемъ наслѣдство престола брату твоему, царевичу Петру» — Алексѣй отвѣчалъ, что покорятся волѣ своего родителя и государя, признавая вполнѣ его провосудіе и свое не достоинство. — «Присягни!» счазалъ Царь. Преклонивъ колѣно передъ крестомъ и евангеліемъ, Алексѣй громко прочиталъ слѣдующую присягу:

«Исповѣдую передъ св. евангеліемъ, что понеже я за мое прегрѣшеніе противъ моего государя и отца, Е. Ц. В.. лишенъ мнѣ принадлежащаго права наслѣдства, я оное, ради моего прегрѣшенія и неспособности, признаваю за праведное. И того ради обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ, тріипостас-

нымъ Богомъ и судомъ Его, что я волѣ моего государя и отца во всемъ повиноваться хочу, и наслѣдства въ государствѣ никогда, ни въ какое время, ни какимъ образомъ искать, желать и принимать не буду, признавая за истиннаго, законнаго наслѣдника брата моего, царевича Петра Петровича, въ чемъ цѣлую святый крестъ и евангеліе.»

Тогда прочитанъ былъ царскій манифестъ гдѣ изъяснены были всѣ дѣла и преступленія, бѣгство Царевича, клеветы его на родителя, позоръ, нанесенный имъ царю и царству Русскому. «Яко государь самодержавный,» говорилъ Царь, «лишаемъ мы его Алексѣя наслѣдства престола Всероссійскаго, хотя бы ни единой *персоны* изъ *фамиліи* нашей не осталось, и объявляемъ наслѣдникомъ сына нашего Петра, хотя еще и малолѣтна суща, заклиная сына нашего Алексѣя родительскою клятвою, ни въ которое время наслѣдства себѣ не претендовать и не искать.» Манифестъ заключался требо-

ваніемъ присяги отъ всѣхъ подданныхъ Царя.

Присутствующіе присягнули въ исполненіи воли царской. При благовѣстѣ на Иванѣ Великомъ, Царь, царевичъ Алексѣй и всѣ бывшіе во дворцѣ отправились въ соборъ. Какія противоположныя чувства наполняли душу Царя, когда за *двадцать семь лѣтъ* прежде онъ шелъ въ сей древній храмъ благодарить Бога за дарованіе ему сына первенца! Преступникъ, отвергнутый отцомъ и отечествомъ, былъ теперь сей первенецъ Царя. — Въ соборѣ и на площади народу читаны были манифестъ царскій и отреченіе Царевича. Народъ приводили къ присягѣ. Царевичъ произнесъ клятву, что откроетъ родителю все, что только будетъ угодно ему знать, и въ подтвержденіе клятвы, очищеніе души и тѣла и начало жизни богоугодной пріобщился св. тайнъ. Его отвезли въ Преображенское. Москва въ трепетномъ благоговѣніи ожидала слѣдствій печальнаго событія въ семействѣ царскомъ.

Царь учредилъ особенную Коммиссію, коей предоставлено было изслѣдованіе дѣла Царевича. Розыскъ начался требованіемъ отъ него отвѣта на нѣсколько вопросовъ. «Говори», писалъ Царь сыну, «говори сущую правду, какъ на исповѣди. Всякая ложь и укрывательство составятъ вину твою, и тогда обѣщанное тебѣ прощеніе будетъ не въ прощеніе.»

Царевичъ отвѣчалъ на предложенные вопросы и сказалъ имена нѣсколькихъ участниковъ—Александра Кикина, Никифора Вяземскаго, духовника своего, двухъ князей Долгорукихъ; утверждалъ, что причиною побѣга былъ страхъ отцовскаго наказанія, но никогда не мыслилъ онъ возстать противъ отца и возмущать царство, располагая только прожить въ чужихъ земляхъ до кончины отцовской, и что у Императора просилъ онъ только убѣжища, хотя его и принудили въ Вѣнѣ написать письма къ Сенаторамъ и духовенству, которыя писалъ онъ прямо набѣло,

и сколько помнитъ содержаніе ихъ, письма сіи заключали въ себѣ извѣстіе объ немъ, безъ всякаго возмутительнаго предлога. Царевичъ объявилъ себя не знавшимъ ни чьихъ и никакихъ умысловъ противъ Царя, и снова клятвами увѣрилъ, что никто къ зломышленію и побѣгу его не подговаривалъ.

Но уже изъ первыхъ допросовъ разныхъ обвиненныхъ Царевичемъ людей явились противорѣчія. Очныя ставки, улики, письма, бумаги, и наконецъ пытка нѣкоторыхъ обвиненныхъ раскрыли запирательство и притворство Алексѣя. Царь увидѣлъ и убѣдился, что дѣйствительно заговора не было, но что много было людей, поощрявшихъ сына его къ сопротивленію волѣ отцовской. Ему говорили, что онъ долженъ повиноваться по неволѣ, но если и постригутъ его въ монахи, онъ можетъ въ послѣдствіи сложить съ себя клобукъ и уничтожить всѣ сдѣланныя отцомъ его распоряженія. Наконецъ его убѣдили бѣжать къ Императору, просить помощи и

явиться въ Россію съ войскомъ, въ твердой надеждѣ, что тогда многіе возстанутъ въ помощь ему. Открылось, что еще болѣе было число людей, знавшихъ объ умыслѣ Царевича и прикрывавшихъ его преступнымъ молчаніемъ. Собственное признаніе Алексѣя подтвердило, что онъ писалъ возмутительныя письма изъ Вѣны, убѣждая духовенство и вельможъ заступиться за его невинныя страданія. Наконецъ узнали, что многіе изъ духовенства утверждали его въ упорствѣ противъ воли отцовской и въ ненависти къ отцу, даже на исповѣди внушая ему богопротивныя мысли, и что Царевичъ былъ намѣренъ по вступленіи на престолъ, при жизни, или послѣ смерти отцовской, погубить казнью главныхъ его сподвижниковъ и возстановить въ Россіи прежніе обычаи.

Всѣ сіи страшныя подробности открывались постепенно, только при явныхъ уликахъ и среди безпрерывныхъ ухищреній и запирательствъ Царевича. Тогда только при-

знался онъ, что послалъ возмутительныя письма, когда любовница его Афросинья представила ихъ черновыя, и тогда только сказалъ, что послалъ ихъ по собственному побужденію, а не по принужденію Императора, когда сіи письма прислали изъ Вѣны неразпечатанныя, ибо они и не были отправлены по назначенію, хотя ихъ взяли у Царевича, обѣщая переслать въ Россію. Скрывая истину и стараясь обмануть, каждое признаніе сопровождалъ Алексѣй страшными клятвами и униженною мольбою о помилованіи. Низкое малодушіе и закоснѣлое ожесточеніе сердца открывались въ подробностяхъ каждаго обстоятельства и показывали Царю въ какую бездну злосчастія могла погрузить Россію кончина его, еслибы бѣгство Царевича не открыло опасности.

Скорбь разтерзала сердце Царя, когда по слѣдствію открылось, что дѣла и умыслы Царевича знали и поощряли мать его, бывшая царица Евдокія, и тетка, царевна Марія

Алексѣевна. Слѣдствіе раскрыло, что Евдокія самовольно сложила съ себя обѣтъ инокини; ходила въ монастырѣ, гдѣ заключили ее, въ свѣтской одеждѣ; приказывала поминать себя на ектеніяхъ царицею; имѣла соблазнительную связь съ генералъ-маіоромъ Глѣбовымъ, и хвалилась, что сынъ ея когда нибудь расплатится за всѣ обиды. Ростовскій епископъ Досиѳей не только зналъ безчинія Евдокіи, но подкрѣплялъ ихъ ложными видѣніями и лживыми предвѣщаніями, увлекшими старую, закоснѣлую суевѣрку, царевну Марію Алексѣевну, передававшую ихъ Алексѣю. Изувѣръ и невѣжда, старый бояринъ, князь Сибирскій, и другіе, были также увлечены ими (*).

Оставляемъ печальныя подробности, гдѣ раскрывались невѣжество, суевѣріе, злоба, развратъ, малоуміе и малодушіе подсудимыхъ.

(*) Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова (2-е изданіе), т. VII, стр. 42—48.

Первое рѣшеніе Царя произнесено было по дѣлу его бывшей, преступной супруги: она сослана подъ крѣпкую стражу въ Ново-Ладожскій монастырь. Царевна Марія осуждена была на вѣчное заточеніе въ Шлиссельбургъ. Епископъ Досиѳей, по лишеніи сана архіерейскаго, казненъ, вмѣстѣ съ Глѣбовымъ, Кикинымъ и Вяземскимъ. Кикинъ, чудовище злобы и коварства, главный зачинщикъ и сообщникъ Царевича, съ юныхъ лѣтъ находился при Царѣ, но исполненный скрытнаго суевѣрія и тайнаго разврата, покушался нѣкогда на жизнь Царя. Пистолетъ, направленный имъ въ спящаго государя, у коего былъ онъ деньщикомъ, два раза осѣкался. Кикинъ содрогнулся, разбудилъ Царя, показалъ ему пистолетъ и сказалъ: «Я присланъ къ тебѣ отъ Бога возвѣстить, что Богъ хранитъ жизнь твою!» Царь выслушалъ его признаніе и отвѣчалъ: «Пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ — за раскаяніе твое, я прощаю тебя.» Кикинъ остался по прежнему въ милости у

Царя и въ возмездіе приготовилъ новое страшное злодѣйство. «Скажи мнѣ, Кикинъ,» спросилъ у него Царь, когда судъ обрекъ его на казнь, «скажи, что побуждало тебя, при твоемъ умѣ, быть такимъ нераскаяннымъ злодѣемъ, и за что ты ненавидѣлъ меня?» — «Что ты говоришь объ умѣ моемъ?» отвѣчалъ хладнокровно Кикинъ. «Умъ любитъ просторъ, а у тебя было ему тѣсно.»

Марта 5-го совершилась въ Москвѣ казнь преступниковъ. Марта 18-го Царь выѣхалъ, съ супругою, Дворомъ и всѣми чинами, свѣтскими и духовными, въ Петербургъ. Царевича везли за нимъ, ибо слѣдствіе по дѣлу его еще не было кончено. Оно продолжалось до 14-го Іюня. Тогда Царь собралъ въ залу Сената духовенство, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Всѣхъ особъ, находившихся здѣсь, было до 145. Царевича ввели въ собраніе и прочитали ему выписку изъ всего дѣла. Царь обратился къ сыну своему и спросилъ: признаетъ ли онъ за истину все, что

ему читали, и не имѣетъ ли чего прибавить въ свое оправданіе? Алексѣй отвѣчалъ, что все читанное есть сущая истина, и что онъ проситъ только помиловать его. По знаку Царя вывели сына его. Онъ былъ отвезенъ въ крѣпость, гдѣ содержался съ самаго привоза его въ Петербургъ.

Царь не могъ простить виновнаго, и клятва, данная ему, пощадить его жизнь, не существовала болѣе, ибо лицемѣрство и упорство Царевича продолжались до самыхъ послѣднихъ уликъ его. Жизнь Царевича могла быть источникомъ бѣдствій по кончинѣ Царя, ибо какіе заклепы обителей и какіе затворы крѣпостей могли удержать Алексѣя, еслибы продлилась жизнь его до того горестнаго часа, когда Россія утратила бы его великаго родителя? Исправленія ожидать Царь уже не могъ. Но неужели неумолимый судія рѣшался показать свѣту страшный примѣръ правосудія надъ сыномъ своимъ? Въ благоговѣніи умолкаемъ передъ тайною души великаго монар-

ха, увѣренные въ томъ, что чистосердечное раскаяніе обезоружило бы правосудіе Царя. Раскаяніе очищало передъ нимъ всякое преступленіе, и оно ли не умолило бы его милосердовать, еслибы рядомъ съ нимъ предстала передъ тронъ царскій любовь родительская! По рѣшеніе дѣла, столь тяжкаго сердцу отцовскому и долгу царя, великій родитель Алексѣя не смѣлъ принять на свою отвѣтственность передъ Царемъ Царей. Когда преступникъ былъ выведенъ изъ собранія, Царь велѣлъ читать два указа, коими судъ и рѣшеніе судьбы Царевича передавалъ онъ рѣшенію духовенства и чиновъ государственныхъ, собраніе коихъ обращалось въ *Судъ государственный*.

«Вы знаете преступленія сына моего,» говорилъ Царь. «По законамъ божественнымъ и человѣческимъ я властенъ наказать его, но страшусь погрѣшить, тѣмъ болѣе, что далъ ему клятву пощадить его. Укрывательство истины разрѣшаетъ меня отъ клятвы, но какъ

человѣкъ, страшусь грѣха. Судите и рѣшите вы, но *судите не въ угоду мнѣ, не опасаясь, что если вы осудите на легкое наказаніе, то тѣмъ учините мнѣ противное, въ чемъ я клянусь вамъ именемъ Божіимъ. Забудьте также, что преступникъ сынъ государя вашего. Не смотря на лицо, изреките истину, не погубите душъ вашихъ и души моей, да будутъ совѣсти наши чисты въ день Страшнаго Суда, и отечество наше да избудетъ бѣдъ.»*

На другой день начались засѣданія Суда государственнаго. Они продолжались десять дней. Судъ дополнилъ нѣкоторыя подробности, казавшіяся недостаточными. Представлены и соображены были выписки изъ Священнаго Писанія и законовъ государственныхъ. Приступили къ сужденію и *единогласный* приговоръ Суда былъ — *смерть.*

Духовенство заключило свой приговоръ мольбою о помилованіи виновнаго. «Не *приговоръ*, но *судъ* изрекаемъ мы,» говорили духовные пастыри, «ибо кто можетъ насъ по-

ставить судіями тѣхъ, иже нами обладаютъ? Да творитъ Царь, еже ему будетъ угодна предъ очима Божіима, но — *милость хвалится на судѣ.* Не самъ ли Господь помиловалъ грѣшную блудницу? Не щадилъ ли Давидъ преступнаго Авессалома? Сердце Царево въ рукѣ Божіей.» — Приговоръ подписали 3 митрополита, 5 епископовъ и 6 другихъ духовныхъ особъ.

«Какъ подданные, со слезами повергаемъ приговоръ нашъ у престола царя», говорили свѣтскіе судіи. «Намъ ли судить сына государя и царя нашего? Но мы исполняемъ волю его, и объявляя мнѣніе наше съ чувствомъ совѣсти христіанина, уповающаго непостыдно предстать предъ великій, праведный и нелицемѣрный судъ Божій, повергаемъ сужденіе наше власти, волѣ и милосердію монарха нашего.»

Царь прочелъ приговоръ, повелѣлъ призвать Царевича въ собраніе суда и прочитать ему рѣшеніе. Несчастный Царевичъ содрог-

нулся, услышавъ смертный приговоръ, затрепеталъ и лишился чувствъ.

Спѣшили помочь ему, старались успокоить, утѣшить его. Говорили, что онъ можетъ еще надѣяться на милосердіе родителя. Царевича отвезли въ крѣпость и извѣстили Царя о сильномъ впечатлѣніи, какое произвело на виновнаго объявленіе приговора. Царь былъ смущенъ, но твердъ, и не отвѣчалъ на слова. Тогда явились къ нему съ извѣстіемъ, что Царевичъ впалъ въ болѣзнь тяжкую. Терзаемый судорогами, онъ вопилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, плакалъ, умолялъ призвать къ нему родителя, да испроситъ онъ прощеніе его въ страшный часъ кончины. Царь забылъ все, поспѣшилъ въ темницу несчастнаго сына, увидѣлъ слезы его, услышалъ рыданія и мольбы его, и рыдая самъ, обнялъ его и смѣшалъ слезы скорби отцовской съ слезами раскаянія сыновняго, изрекая ему прощеніе и благословляя возвратиться къ жизни и добродѣтели. Поздно было желаніе

великаго. Царевичъ умолялъ отца не оставить сиротъ его. Царь удалился. Никакія пособія медицины не могли спасти жизни Алексѣя. Съ трепетомъ преступника покидалъ онъ міръ, пріобщился святыхъ тайнъ, не могъ успокоиться и умолялъ еще разъ позволить ему получить родительское благословленіе. Царь спѣшилъ къ нему, но часъ судебъ Божіихъ совершился — Алексѣй, прощенный судомъ человѣческимъ, прешелъ предъ судъ Божій. Посланный извѣстилъ Царя о кончинѣ сына его. Слезы потекли изъ глазъ горестнаго отца. Онъ укрылъ ихъ въ уединеніи отъ всѣхъ своихъ приближенныхъ.

Іюня 28-го въ Троицкомъ соборѣ выставлены были бренные останки усопшаго Царевича въ великолѣпномъ гробѣ. Народъ прощался съ погибшею надеждою отца отечества.

Іюня 30-го перенесли гробъ въ Петропавловскій соборъ, и при собраніи Двора, духовенства, войска и народа, земля сокрыла въ

нѣдрахъ своихъ гробъ Алексѣя, орошенный горькими слезами Петра Великаго.

Что рѣшался учинить Царь: хотѣлъ ли — спрашиваемъ съ невольнымъ трепетомъ — исполнить приговоръ суда, или хотѣлъ смягчить его — даже готовилъ прощеніе сыну? — Извѣстно Единому, иже вся вѣдаетъ, Тому, въ чьей рукѣ сердца царей и судьбы Коего непостижимы человѣку.

Царевичъ Алексѣй скончался на 28-мъ году отъ рожденія, черезъ три года по кончинѣ супруги его.

Разборъ мѣры участія многихъ обвиненныхъ въ дѣлѣ Царевича продолжался до конца 1718 года. Казнь постигла однакожь немногихъ преступниковъ. Князь Сибирскій, князь Львовъ и одинъ изъ Нарышкиныхъ были высланы изъ столицы. Князь Вас. Влад. Долгорукій сосланъ въ Казань, лишенный чина и ордена, не смотря на просьбы князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго помиловать его. Митрополитъ Кіевскій, вызванный по дѣлу Царе-

вича въ Петербургъ, и сильно подозрѣваемый, отравилъ себя ядомъ и умеръ въ Твери. Къ нему писалъ Царевичъ письма изъ Вѣны, и смерть его подтвердила подозрѣнія, что ему трудно было оправдаться (*).

Царевна Марія Алексѣевна скончалась въ Шлиссельбургскомъ заключеніи черезъ пять лѣтъ, въ 1723 году.

Евдокія пережила своего великаго супруга, и послѣ десятилѣтняго заточенія въ Ладожскомъ монастырѣ, а потомъ въ Шлиссель, бургской крѣпости, увидѣла внука своего, сына Алексѣева, на престолѣ, и вскорѣ потомъ на смертномъ одрѣ. Еще прежде кончины внука удалилась она добровольно въ Московскій Вознесенскій монастырь и скончалась там въ 1731 году на 62 году отъ рожденія. Внукъ возвратилъ ей титулъ царицы, и желая изгладить позоръ суда, лежавшій на памяти родителя его, объявилъ судъ

(*) Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова, т. VI, стр. 244. Исторія Малой Россіи, соч. Бант. Кам., т. III, 157

и приговоръ надъ царевичемъ Алексѣемъ несправедливымъ. (*) Всѣ печатные экземпляры приговора и манифесты по дѣлу Царевича велѣно было отбирать и жечь, какъ будто указомъ царскимъ можно уничтожить событія прошедшаго, такъ же невозвратныя для воли человѣческой, какъ будущее недоступно человѣку!

(*) Обзоръ главн. происшествій въ Россіи, съ кончины Петра Великаго, соч. А. Вейдемейера, ч. I, стр. 59, 2-го изданія.

РАЗСКАЗЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

СМЕРТЬ КАРЛА XII-ГО. ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ВОЙНЫ СЪ ШВЕЦІЕЮ.

1718—1719 г.

Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани!

Жуковскій.

Братъ мой Карлъ! какъ мнѣ жаль тебя!

Слова Петра Великаго.

Событія, тревожившія западную Европу въ 1718 году, были неожиданными слѣдствіями причинъ, начавшихся въ 1716 году. Уничтожая замыслы Алберони въ Италіи, союзники, какъ будто забыли о Герцѣ и покровителѣ его, Королѣ Шведскомъ. Франція даже защищала Карла XII-го, а король Георгъ предлагалъ ему миръ. Сбивчивые разсчеты политики произвели сіи слѣдствія. Герцъ спѣшилъ воспользоваться недоразумѣніемъ союзниковъ и совершить планъ свой, вполнѣ одобряемый Карломъ XII. Основаніемъ его были миръ и союзъ съ Царемъ. Всего труднѣе было уговорить Карла XII-го на уступки, необходимыя для ми-

ра и союза. Но Герцъ такъ умѣлъ овладѣть волею Короля Шведскаго, что онъ не противился ни въ чемъ своему министру. Самовластію Герца все повиновалось. Гордый временщикъ унижалъ сенатъ, дворянство Шведское, сестру Короля и ея супруга. Финансовыя мѣры, принятыя Герцомъ, привели на время къ мнимому обилію денегъ въ казнѣ, но пагубныя въ основаніи, онѣ совершенно раззоряли Швецію, угрожали гибелью въ будущемъ и возбуждали ненависть народа къ изобрѣтателю нихъ. Герцъ выпустилъ въ оборотъ мѣдную монету (mynt-tecken), которую велѣно было принимать въ цѣнѣ серебра, и монету нисшаго достоинства (monnaie de détresse), которую народъ назвалъ *Герцовыми талерами* (Görtz-dalrar). Все золото и серебро приказано было вносить въ казну на обмѣнъ сихъ денгъ. Ропотъ народный противъ министра-грабителя едва не перешелъ въ бунтъ, тѣмъ болѣе, что при всеобщей бѣдности, Герцъ жилъ великолѣпно и сыпалъ деньгами, соглашаясь при

томъ, вмѣсто сбереженія капиталовъ, на всѣ безразсудныя предпріятія Карла XII-го. Онъ зналъ, что успѣхъ загладитъ все. Но нелегко было достигнуть успѣха, ибо едва удалялся Герцъ, враги успѣвали вредить ему своими наговорами и увлекали Короля. Кромѣ того Карлъ XII-й не могъ въ бездѣйствіи дожидаться окончанія переговоровъ съ Россіею: ему надобно было, хоть гдѣ нибудь и съ кѣмъ нибудь, драться. Онъ не могъ вспомнить безъ досады о неудачѣ своей въ Норвегіи. Герцъ принужденъ былъ наконецъ согласиться на безразсудный походъ, въ коемъ безъ пользы губилъ Король Шведскій войско, запасы, деньги, кровь и слезы своего народа. По крайней мѣрѣ, походъ сей удалялъ Карла XII-го отъ враговъ Герца, когда ему надобно было поспѣшить на конгрессъ, куда Царь посылалъ своихъ министровъ. Герцъ не смѣлъ послать никого вмѣсто себя, предчувствуя неуступчивость Царя, и страшась, что раздражатъ тѣмъ Карла XII-го.

Еще до отъѣзда въ Москву Царь назначилъ своихъ министровъ для переговора съ Швецiею. Главнымъ считался генералъ-фельдцейгмейстеръ *Брюсъ*, но дѣйствительнымъ производителемъ дѣла былъ *Остерманъ*. Сей необыкновенный человѣкъ, въ послѣдствiи бывшiй правителемъ Россiи и умершiй въ ссылкѣ въ Березовѣ, «величайшiй политикъ своего вѣка,» какъ говорилъ объ немъ Фридрихъ Великiй, былъ сынъ Нѣмецкаго пастора и прiѣхалъ въ Россiю 18-ти лѣтъ, въ 1704 году, опредѣлясь секретаремъ къ вице-адмиралу Крюйсу. Въ 1718-мъ году онъ былъ уже министромъ Царя и его довѣренною особою. Царь проникъ въ простомъ писарѣ великаго дипломата. Современники говорили, что Остерманъ *никогда и никому не глядѣлъ въ глаза, могъ плакать, когда ему было угодно, и говорить два часа откровенно, но такъ, что слушавшiй его, по окончанiи разговора не понималъ, что хотѣлъ онъ вывѣдать отъ Остермана и что говорилъ ему Остерманъ.* Пять языковъ зналъ

Остерманъ столь хорошо, какъ свой природный Нѣмецкій языкъ, и выучился говорить и писать по Русски въ два года. Мѣсто конгресса назначено было на островѣ Лофенѣ, одномъ изъ Аландскихъ острововъ. Первая конференція происходила 12-го Мая. Герцъ, взявшій съ собою Гилленьорга и секретаря Стамбке, людей подручныхъ и безсловесныхъ, началъ хитростями, но вскорѣ оцѣнилъ достойнаго соперника въ Остерманѣ. Смотря на ихъ переговоры, можно было подумать, что они съѣхались усилить раздоръ и начать войну безпощадную. Россія требовала отдачи всего занятаго ею и союзниками и мира общаго. Швеція хотѣла все возвратить и непремѣннымъ условіемъ включала войну противъ союзниковъ царскихъ. Герцъ горячился и кричалъ. Остерманъ *говорилъ откровенно* и плакалъ. Упрямство Царя приводило однакожь въ отчаяніе Герца: кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи, Ингерманландіи, Выборга и Кегсгольма, Царь включалъ въ условіе отдачу Штетина Прусскому

Королю, допущеніе неутралитета Пруссіи и удовлетвореніе Мекленбургскаго Герцога Висмаромъ. Въ замѣну за то указывали Швеціи на Норвегію и Ганноверъ. «А Императоръ что скажетъ?« спрашивалъ Герцъ.—«Странно, если вы боитесь, что вступятся за Ганноверъ, когда прежде вы хотѣли свергнуть Ганноверскаго Курфирста съ Англійскаго престола,» отвѣчалъ ему Остерманъ.

Пока продолжался дипломатическій бой, Карлъ и Петръ равно нетерпѣливо ожидали мира, хотя Герцъ и Остерманъ заклинали ихъ подождать. Герцъ испугался, слыша, что Царь выводитъ въ море флотъ, думая войною подкрѣпить свою настойчивость. Зная вспыльчивый нравъ Карла XII-го, Герцъ клялся, что такая мѣра разрушитъ все дѣло. Царь послалъ сказать Остерману, что онъ готовъ уступить Швеціи Ригу и Выборгъ. Остерманъ просилъ и умолялъ его не спѣшить, увѣряя, что при поспѣшности все пропадетъ, ибо послѣ сей уступки съ Королемъ Шведскимъ невоз-

можно будетъ сладить. Царь послушался, но вышелъ однакожъ въ море Іюля 6-го съ 23-мя линейными кораблями. Походъ былъ только морскою прогулкою, ибо Царица и дочери Царя были съ нимъ на флотѣ. Царь встрѣтилъ на морѣ и проводилъ въ Кронштадтъ купеческіе корабли. Переговорамъ не было конца. Скучая замедленіемъ ихъ, Царь отпустилъ Царицу и дочерей въ Петербургъ, а самъ приблизился къ Аландскимъ островамъ. Посолъ Прусскій явился къ нему и заключилъ съ нимъ новый союзный договоръ. Герцъ рѣшился ѣхать къ Карлу XII-му. Остерманъ поѣхалъ къ Царю. Черезъ нѣсколько дней они опять съѣхались на Лофенъ—Швеція уступала и миръ утверждался. Условія его были слѣдующія:

Швеція отдавала Россіи всѣ Остъ-Зейскія области и весь Балтійскій берегъ отъ Курляндіи до Выборга, Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, и въ Финляндіи Кексгольмъ. Россія прекращала войну, возвращала Шве-

ціи плѣнныхъ и обѣщала разныя льготы по торговлѣ, предоставляя Шведскому Королю мириться съ союзниками Царя по своей волѣ и обѣщая не заступаться за нихъ.

За что же были столь огромныя уступки Швеціи? Тайный договоръ пояснялъ уступчивость Карла XII-го. Швеція кромѣ того уступала еще Пруссіи Штетинъ, а Мекленбургу Висмаръ, но Россія ручалась за то, что Пруссія заключитъ послѣ сего съ Швеціею миръ и останется неутральною. Швеція хотѣла воевать съ Даніею и принудить ее возвратить Голштинскому Герцогу всѣ захваченныя ею земли, а также всѣ занятые Датчанами Шведскія области въ Германіи, и сверхъ того, за военные убытки, Норвегію. Англійскій Король долженъ былъ отдать Швеціи Бременъ и Верденъ. Короля Августа предположено было низложить съ Польскаго престола и на его мѣсто возвести Станислава. Царь не только утверждалъ всѣ сіи распоряженія Карла XII-го, но обѣщалъ свой флотъ для

перевозки войскъ Шведскихъ въ Германію, 20,000 войска для войны съ Георгомъ, и 20,000 для занятія Саксоніи, если Августъ рѣшится противиться.

Только въ одномъ еще спорили: Царь не только не хотѣлъ воевать съ Даніею, но даже не давалъ кораблей своихъ для перевоза въ Данію Шведскихъ войскъ, и вспомогательныя Русскія войска, дѣйствующія противъ королей Георга и Августа, не соглашался обратить на Данію. Другое условіе было, что сперва Швеція утвердитъ уступки Россіи, а потомъ заключитъ съ нею трактатъ о союзѣ и войнѣ. Тщетно убѣждалъ Герцъ, вспоминалъ объ измѣнахъ Даніи, говорилъ, что Король Шведскій оскорбится недовѣрчивостью къ нему. Царь былъ непреклоненъ.

Герцъ принужденъ былъ еще разъ ѣхать къ Королю Шведскому. Чего боялся онъ, то сбылось: Карлъ XII-й вспыхнулъ негодованіемъ, слыша, что Царь еще споритъ послѣ столькихъ уступокъ. Но что было еще страшнѣе

Герцу, Мюльнеръ, врагъ его, во время отсутствія временщика вошелъ въ довѣренность Короля и успѣлъ склонить его къ миру съ королемъ Георгомъ. Разсерженный Карлъ XII-й говорилъ, что онъ не боится Царя; что ему надоѣло сидѣть и ждать; что онъ немедленно начинаетъ войну съ Даніею безъ помощи Царя, мирится съ Англіею и покажетъ, что Царь ему не нуженъ. Всѣ сіи извѣстія, полученныя отъ Герца, встревожили Царя. Онъ обѣщалъ уменьшить свои требованія, и желая угодить Карлу XII-му, отпустилъ къ нему друга его, стараго фельдмаршала Рейншильда. Немедленно возвратился Царь съ флотомъ своимъ въ Кронштадтъ, стараясь тѣмъ показать Королю Шведскому свою довѣренность и свое уваженіе.

Средства были придуманы удачно. Пріѣздъ Рейншильда, девять лѣтъ страдавшаго въ плѣну, тронулъ сердце Карла XII-го, а удаленіе Русскаго флота доказывало искреннее желаніе мира и дружбы со стороны Царя. Король

позволилъ Герцу окончить переговоры, и съ своей стороны, желая чѣмъ нибудь угодить Царю, отпустилъ въ Россію старыхъ Русскихъ генераловъ, Автонома Головина и князя Юрья Трубецкаго, полоненныхъ подъ Нарвою и проживпшхъ въ Шведскомъ плѣну восмнадцать лѣтъ. Герцъ не могъ только удержать Карла XII-го отъ похода въ Норвегію, хотя и увѣрялъ, что Царь весною соединитъ свои войска съ Шведскими, и гораздо выгоднѣе и славнѣе будетъ кампанія въ Ганноверѣ и Саксоніи, нежели гибельная и безплодная зимняя война въ Норвегіи, уступку коей, безъ похода туда, легче рѣшить въ Копенгагенѣ. Карлъ XII-й ни чему не внималъ. Герцъ простился съ нимъ — не предчувствуя, что уже не увидятся болѣе въ здѣшнемъ мірѣ, и спѣшилъ на Лофенъ. Какъ знакъ особеннаго уваженія, какое уже питалъ тогда Карлъ XII-й къ Царю, можно привесть, здѣсь случившееся тогда, замѣчательное событіе. Въ числѣ плѣнныхъ Русскихъ находился въ Швеціи Новго-

городскій купецъ Иголкинъ, захваченный при началѣ войны. Послѣ побѣга князя Долгорукаго Рускихъ содержали гораздо строже прежняго. Иголкинъ, можетъ быть, подозрѣваемый въ умыслѣ, или подозрительный своею отвагою и умомъ, находился въ тюрьмѣ. Услышавъ однажды, что два Шведскіе солдата, стоя на часахъ, ругаютъ Царя, Иголкинъ не вытерпѣлъ, просилъ ихъ замолчать, жаловался на нихъ офицеру, и съ насмѣшкою отвергнутый имъ, не захотѣлъ перенесть позора и ругательствъ на помазанника Божія. Необыкновенно сильный, внезапно бросился онъ на солдатъ, выхватилъ ружье у одного изъ нихъ, закололъ обоихъ ругателей и предалъ себя въ руки прибѣжавшихъ на крикъ Шведовъ безъ сопротивленія. «Я исполнилъ долгъ мой,» говорилъ Иголкинъ и не думалъ оправдываться. Не знали что съ нимъ дѣлать и донесли о поступкѣ его Королю. Вмѣсто гнѣва, онъ сказалъ съ удивленіемъ: «Среди такихъ варваровъ нашелся такой герой!»

Иголкинъ не только былъ освобожденъ отъ суда и наказанія, но отправленъ къ Царю, и Карлъ XII-й велѣлъ сказать притомъ, что возвращаетъ ему вѣрнаго подданнаго, какихъ у него конечно немного. Сѣдовласый Иголкинъ былъ представленъ Царю въ Петербургѣ. Со слезами обнялъ его Царь, наградилъ щедро, и всегда заѣзжая къ нему въ гости, когда ѣхалъ черезъ Новгородъ, называлъ его *дѣдушкою*.

Видя знаки дружбы со стороны Шведскаго Короля, слыша объ интригахъ Мюллерна и Англичанъ, и рѣшась наконецъ предать вѣроломнаго союзника мщенію Карла XII-го, Царь согласился на все, о чемъ еще спорили до тѣхъ поръ. Положено было обще воевать Данію. Обрадованный царскимъ согласіемъ, Герцъ спѣшилъ къ Королю, дружески разставшись съ Русскими министрами и обѣщая вскорѣ прислать согласіе Карла XII-го.

Исполненный надеждъ, торжествуя, что достигъ наконецъ желанной цѣли предпріятій,

казавшихся мечтою несбыточною, имѣя въ рукахъ средства поколебать Европу, мечтая о великихъ перемѣнахъ, какія готовилъ въ стольких Европейскихъ государствахъ, Герцъ поспѣшно ѣхалъ въ лагерь Короля Шведскаго. Нетерпѣливо ждалъ извѣстій отъ него Царь, также достигшій своей цѣли, принудившій врага сознать его силу и величіе, готовившій измѣненія въ судьбахъ Европы. Возвратясь съ флотомъ въ Кронштадтъ Сентября 2-го, онъ оставался въ Петербургѣ, работая на верфи адмиралтейской, присутствуя въ Сенатѣ и позднею осенью посѣтивъ еще разъ Кронштадтъ. Во время сей поѣздки, Царя и спутниковъ его, въ числѣ коихъ было нѣсколько иностранныхъ пословъ, захватила жестокая буря. Легкій буеръ Царскій заливало волнами; всѣ бывшіе съ царемъ просили его пристать къ берегу. Онъ стоялъ самъ на кормѣ и говорилъ, что бояться нечего. Одинъ изъ посланниковъ обратился наконецъ къ Царю и съ важнымъ видомъ представилъ

ему, что если Е. Ц. В. угодно не жалѣть ни своей, ни подданныхъ своихъ жизни, то онъ, посланникъ, лицо дипломатическое, за безопасность коего ручается Царь, протестуетъ за свою жизнь, и конечно, Король, государь его, не оставитъ требовать за погибель его удовлетворенія. «Полноте, г-нъ посланникъ,» отвѣчалъ Царь, смѣясь, «вѣдь если мы утонемъ, такъ утонемъ всѣ, а тогда и королю, государю вашему, требовать удовлетворенія будетъ не съ кого!» Царь увидѣлъ однакожь невозможность достигнуть Кронштадта и присталъ въ Петергофѣ. Веселый ужинъ наградилъ сопутниковъ его за всѣ опасности и за весь страхъ. Протестъ посланника долго потомъ смѣшилъ Царя.

Среди сихъ разнообразныхъ занятій и ожиданія желанной вѣсти Царя поразило извѣстіе вовсе неожиданное: Карла XII-го уже не было на свѣтѣ. Нашлась наконецъ роковая пуля изъ безчисленныхъ пуль, свиставшихъ около него въ теченіе 20-ти

лѣтъ, считая съ 1700 года, когда онъ спрашивалъ на берегахъ Даніи: что это такое свиститъ вокругъ него — нашлась, и *Нoября 30-го 1718 года*, поразила Шведскаго героя, пущенная, какъ многіе говорили рукою предателя!

Въ Сентябрѣ Карлъ XII-й повелъ войско свое въ Норвегію. Армфельдтъ, съ легкимъ корпусомъ изъ 7000 человѣкъ, перешелъ черезъ снѣговыя горы Норвежскія изъ Вестро-Ботніи и достигъ Дронтгейга, когда самъ Карлъ XII-й, съ 18,000 и осадною артиллеріею, занялъ Фридрихсгаллъ на югѣ Норвегіи. Не имѣя возможности получить помощь изъ Даніи, защитники Норвегіи по прежнему укрывались въ крѣпостяхъ, ожидая что холодъ, голодъ и недостатки всякаго рода, лучше оружія побѣдятъ непріятелей. Но Карлъ XII-й тѣшился опасностями. Онъ осадилъ Фридрихсгаллскую крѣпость, ключъ къ столицѣ Норвежской, Христіаніи. Солдаты его замерзали въ траншеяхъ — онъ ложился на

землѣ, завернувшись въ плащъ свой, и засыпалъ спокойно—ѣлъ хлѣбъ и воду и отдавалъ мясо и другіе припасы слабымъ и больнымъ. Шведы изумляли непріятелей отвагою и терпѣніемъ. Крѣпость была стѣснена со всѣхъ сторонъ. День и ночь громили ее артиллеріею. Датчане видѣли, что еще нѣсколько дней и они принуждены будутъ сдаться.

Ноября 30-го, въ 9 часовъ вечера, Карлъ XII-й пошелъ осматривать осадныя работы. Онъ былъ недоволенъ нѣкоторыми и приказалъ немедленно передѣлать ихъ. Мегре, Французъ, управлявшій осадою, отвѣчалъ Королю, что чрезъ недѣлю крѣпость сдастся. «Увидимъ!» сказалъ Карлъ XII й, и остановился противъ крѣпостнаго бастіона, откуда непріятель производилъ безпрерывную пальбу. Ночь была темная. Звѣзды ярко сіяли на небѣ. Огонь выстрѣловъ освѣщалъ окрестность. Мегре видѣлъ, что Карлъ XII-й облокотился на парапетъ и внимательно смотрѣлъ на работы. Недалеко отъ него стоялъ Французъ Сикье, адъ-

ютантъ Герцога Гессенъ-Кассельскаго, присланный къ Королю за полученіемъ какихъ-то приказаній. Въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе находился графъ Шверинъ, распоряжавшій работниками, и отдавалъ приказанія графу Поссе и Кулберту, Шведскимъ офицерамъ. Выстрѣлы непріятельскіе могли долетать до парапета, но Король не думалъ остерегаться отъ нихъ. Говорить ему, чтобы онъ поберегся, былъ тщетный трудъ, и когда же спрятался онъ отъ пуль и ядеръ? Вдругъ Сикье и Мегре увидѣли, что Карлъ XII-й повалился на парапетъ. — Бросились къ нему — онъ былъ мертвъ. Картеча ударила его въ високъ — одинъ глазъ у него ввалился, другой почти выскочилъ изъ своего мѣста. Умирая, Карлъ XII-й удержался на ногахъ, схватился за ефесъ шпаги своей и рука его окостенѣла на вѣрномъ товарищѣ его жизни. Voilà la pièce finie (*вотъ и кончилась комедія*)! сказалъ Мегре. Позвали Шверина. Онъ приказалъ скрыть смерть Короля отъ солдатъ. Надѣли на голо-

ву покойника парикъ, завернули его въ плащъ и велѣли нести. Все было спокойно въ лагерѣ. Солдаты, встрѣчавшіеся съ несущими тѣло, не думали, что убитый былъ ихъ Король. Имя Карла XII-го еще правило войскомъ и Швеціею, когда для него уже все было кончено. Онъ умеръ, какъ желалъ умереть, осматривая нѣкогда Люценское поле — умеръ на 37-мъ году жизни—герой, побѣдитель, властитель судьбы царствъ, бѣглецъ, плѣнникъ, донъ Кихотъ въ Турціи, образецъ солдата — урокъ царей... Сколько мыслей возбуждаетъ гробница Карла XII-го, гдѣ мирно почилъ не знавшій мира въ жизни.... «Комедія кончилась»...

«Ахъ! братъ Карлъ! какъ мнѣ жаль тебя!» воскликнулъ Царь, когда въ Петербургъ пришло извѣстіе о смерти Короля Шведскаго. Слезы потекли изъ глазъ его. Онъ не могъ говорить. Усомнимся ли, что въ сіи грустныя мгновенія пролетѣла передъ нимъ память о столькихъ годахъ, проведенныхъ въ борьбѣ

съ Карломъ XII-мъ, о непостижимой судьбѣ провидѣнія, раскрывшей между ними могилу, когда они протягивали другъ другу руку на миръ и союзъ? Мы вѣримъ, что мысль о разрушеніи надежды на миръ, о новыхъ трудахъ, коими надлежало купить его, была уже послѣдовавшею за тѣмъ мыслью Царя..

Царь не обманулся, если предвидѣлъ, что послѣ сего миру не быть, ибо смерть Карла XII-го, ниспровергая весь порядокъ дѣлъ, открыла просторный путь интригѣ и развязала свирѣпыя страсти, удерживаемыя дотолѣ именемъ Карла XII-го. Едва только вѣсть о смерти Короля передана была Герцогу Гессенъ-Кассельскому, онъ созвалъ генераловъ и главныхъ офицеровъ. Увы! немногіе изъ нихъ плакали о Карлѣ XII-мъ. Немного оставалось среди нихъ его старыхъ товарищей. Для большей части людей, окружавшихъ Карла XII-го, подвиги его были преданіемъ. Въ глазахъ ихъ Карлъ XII-й являлся только искателемъ приключеній въ Турціи, упрям-

цомъ, губившимъ безполезно свое отечество, и наконецъ унижавшимся передъ Рускими и царемъ ихъ. Вражду къ Рускимъ 20-ти-лѣтняя война обратила въ какую-то народную ненависть. Впрочемъ въ Швеціи гораздо болѣе думали о томъ, кому теперь достанется корона Шведская. Крамола и своекорыстіе зашипѣли, испуганныя дотолѣ мечемъ Карла XII-го. Хитрый Фридрихъ такъ искусно умѣлъ расположить умы, что вмѣстѣ съ объявленіемъ о смерти Короля войско услышало о восшествіи на престолъ принцессы Ульрики Элеоноры. Сикье (его обвиняли потомъ въ смерти Карла XII-го, и хотя не уличили, но подозрѣніе осталось на его памяти) посланъ въ Стокгольмъ съ извѣстіемъ къ Ульрикѣ Элеонорѣ, а полковникъ Баумгартенъ поѣхалъ на встрѣчу Герца, съ повелѣніемъ отъ имени Короля захватить его, гдѣ встрѣтитъ, и отвезти подъ стражею въ крѣпость Удевадскую. Кроткая Ульриха Элеонора заплакала, услышавъ о смерти брата, призвала сенаторовъ,

объявила имъ печальную вѣсть, и не замѣчала, что они спѣшили, не изъявлять ей свое усердіе, но распорядиться арестомъ друзей и сообщниковъ Герца и объявленіемъ о немедленномъ собраніи сейма. Забывая, что надобно спасать отечество, олигархи Шведскіе хотѣли прежде всего воспользоваться замѣшательствомъ дѣлъ, унизить власть королевскую, уничтожить права другихъ сословій и захватить себѣ бразды правленія, забывая о войнѣ, мирѣ и союзахъ. Фридрихъ прискакалъ въ Стокгольмъ, приказавъ снять осаду Фридрихсгалла и предоставляя войско Шведское судьбѣ его. Рейншильдъ принялъ начальство и вывелъ Шведовъ въ отечество, преслѣдуемый Датчанами, бросивъ пушки, обозы, даже оставя больныхъ. Еще несчастнѣе было возвращеніе Армфельдта: 4000 человѣкъ погибло у него при обратномъ переходѣ отъ Дронтгейма.

Не смотря на хитрости Фридриха и объявленіе Ульрики Элеоноры королевою, дѣло

о Шведскомъ наслѣдствѣ далеко еще не было рѣшено. По собраніи сейма члены его смѣло заговорили о томъ, *кому* быть государемъ Швеціи, племяннику или сестрѣ покойнаго Короля? Ульрика Элеонора не смѣла возражать. Карлъ XII-й не оставилъ завѣщанія. «Найдется голова, на которую какъ нибудь надѣнутъ по смерти моей корону!» отвѣчалъ онъ, когда ему предложили учредить порядокъ наслѣдства. Фридрихъ принужденъ былъ молчать и Ульрика Элеонора смиренно объявила, что она предаетъ сужденію сейма рѣшеніе вопроса о наслѣдствѣ, хотя голосъ народа и войска отдавалъ ей престолъ. Она оставила собраніе, и прежде выбора сейму предложили, что покойный король Карлъ XI-й захватилъ насильно права Шведскаго народа въ 1693 г., и что прежде всего надобно возвратить ихъ, ибо дѣла Карла XII-го, и бѣдственное состояніе, до какого доведена ими Швеція, показываютъ гибельныя слѣдствія настоящаго образа правленія. Послѣ

продолжительныхъ споровъ утвердили новую конституцію государства, совершенно отнимавшую, не только волю будущаго короля, но даже и право несогласія его на рѣшенія сената и сейма, гдѣ большинство голосовъ рѣшало всѣ дѣла, и гдѣ притомъ вся власть сосредоточивалась въ олигархіи немногихъ. Фридрихъ такъ жадно искалъ хоть какой нибудь власти, такъ боялся, что сообщники Герцога Голштинскаго поспѣшатъ на все согласиться, что предупредилъ ихъ своимъ согласіемъ. Ульрика Элеонора явилась на сеймъ, присягнула предварительно въ принятіи конституціи, если выборъ падетъ на нее, и была *избрана сеймомъ*, получивъ *титулъ*, но не *власть* королевы, ибо такова была сущность новыхъ постановленій, источникъ золъ, погубившихъ въ Швеціи то, что еще уцѣлѣло послѣ бѣдствій, претерпѣнныхъ ею при Карлѣ XII-мъ, сдѣлавшихъ изъ наслѣдниковъ Карла XII-го жалкое орудіе немногихъ честолюбцовъ, захватившихъ власть,

и подъ видомъ свободы уничтожившихъ достоинство королей и права другихъ сословій.

Удивительно ли послѣ сего, что начало правленія кроткой Ульрики Элеоноры было ознаменовано кровавою расплатою съ человѣкомъ, ненавистнымъ Шведской аристократіи, Фридриху и духовенству Шведскому. Даже голосъ народа присоединялся къ голосу враговъ Герца, ибо благоговѣя передъ Карломъ XII-мъ, особливо когда могила примирила съ нимъ современниковъ, народъ приписывалъ всѣ бѣдствія Швеціи Герцу. На все готовы были согласиться, все соглашались отдать и одобрить, но только Герца надобно было разтерзать. Захваченный на пути въ Норвегію, Герцъ такъ былъ пораженъ неожиданною перемѣною обстоятельствъ, что нѣсколько дней казался обезумѣвшимъ, молчалъ и почти ничего не ѣлъ. Увидя, что жребій его уже опредѣленъ невозвратно, онъ рѣшился умереть героемъ, и съ минуты его рѣшенія никто не замѣтилъ въ немъ ни одно-

го мгновенія слабости. Хладнокровно слушалъ онъ вопли и ругательства черни, когда везли его въ Стокгольмъ, смѣялся, когда его судили, шутилъ, слыша, что на него взводятъ клеветы и небылицы, и жалѣлъ только о томъ, что его «худо кормятъ, готовя на убой.» Въ темницѣ своей писалъ онъ стихи и сочинилъ себѣ эпитафію: Fides erga regem et ducem, mors regis, mors mea *(Вѣрность моя къ государю и смерть его причиняютъ смерть мнѣ)*. Послѣдніе дни Герцъ посвятилъ благочестивымъ занятіямъ, забывая обо всемъ земномъ. «Что вы плачете, друзья мои?» говорилъ онъ слугамъ своимъ, идя на казнь. «Вѣдь надобно же было когда нибудь намъ разстаться!» Спокойно глядѣлъ Герцъ съ эшафота на толпы народа, покрывавшія площадь. «Не сказать ли имъ нѣсколькихъ словъ?» спросилъ онъ у своего духовника. «Нѣтъ! думай только о небѣ!» отвѣчалъ ему духовникъ. Герцъ замолчалъ. Кладя голову на плаху онъ остановился на мгно-

веніе. «Упейся, Швеція, кровью того, кто хотѣлъ тебѣ добра и славы!» сказалъ онъ, легъ на плаху, и съ одного удара голова его отвалилась отъ туловища.

Между тѣмъ въ Стокгольмѣ праздновали коронованіе Королевы (Марта 17-го). Одни спѣшили захватить чины и почести, не видя страшнаго урока въ ничтожности ихъ, совершившагося передъ глазами. Другіе окружили Королеву интригами и крамолами. Смерть Карла XII-го привела въ движеніе умы Европейскихъ политиковъ въ Англіи, Германіи, Даніи, Франціи. Швеція сдѣлалась жертвою внутреннихъ крамолъ и внѣшнихъ интригъ. Каждый хотѣлъ воспользоваться чѣмъ могъ, и прежде всѣхъ успѣлъ въ томъ король Георгъ.

Раскрытіе тайнъ Аландскаго конгресса изъ бумагъ Герца и признаній Гилленборга, который первый выдалъ своего благодѣтеля и друга, показало опасность усиленія могущества Россіи, и съ мыслью о пріобрѣтеніи,

что только можно было пріобрѣсть отъ Швеціи, все вооружилось противъ Царя, вопія объ его непомѣрномъ честолюбіи и вѣроломствѣ противъ союзниковъ. Каждый предлагалъ Швеціи помощь противъ Россіи — даже Пруссія. По обыкновенію, принимая систему противную той, которой слѣдовалъ предшественникъ, правители Швеціи не только не думали мириться съ Царемъ, но войну съ нимъ считали государственною необходимостью, мечтали принудить его къ миру, надѣясь на обѣщанія и помощь Императора, Султана, Франціи и Польши.

Царь все зналъ и оставался спокоенъ, сколь ни тяжекъ былъ ему преходившій 1718 годъ — годъ смерти царевича Алексѣя. «Возлагая печаль на Господа,» какъ говорилъ онъ при всѣхъ несчастныхъ событіяхъ, гдѣ видѣлъ неотвратимое силами человѣческими наказаніе Божіе, Царь не упускалъ ничего, что могло споспѣшествовать успѣху тамъ, гдѣ умъ и сила рѣшали дѣло. Не страшась Карла XII-го

и готовый на союзъ съ нимъ, онъ готовился и по смерти его подкрѣплять требованіе мира оружіемъ, вполнѣ понимая безсиліе наслѣдниковъ Карла XII-го, если они вздумаютъ бороться съ Россіею. Царь былъ увѣренъ, что рано или поздно Швеція должна будетъ кончить миромъ — уступить онъ ничего не хотѣлъ. Но его огорчало, что интрига протянетъ еще нѣсколько времени въ безполезной непріязни, поддерживаемой своекорыстіемъ однихъ и безсовѣстностью другихъ, а Царь начиналъ дорожить временемъ. *Сорокольтніе* труды царствованія уже утомляли его, онъ уже чувствовалъ упадающія силы свои, а еще столь много надобно было труда, еще столь многое предлежало ему исполнить.

По наружности конгрессъ Аландскій не кончился смертью Карла XII-го, хотя Герцъ былъ уже въ могилѣ, а Остерманъ уѣхалъ къ Царю. Гилленборгъ и Брюсъ оставались на Лофенѣ. Королева прислала Царю грама-

ту, извѣщая о кончинѣ брата, вступленіи своемъ на престолъ и желаніи мира. Въ Февралѣ 1719 г. явился на Лофенѣ министръ Шведскій, графъ Лиліенштедтъ. Онъ заговорилъ о *началѣ* переговоровъ. Ему отвѣчали, что переговоры уже *кончены* и Царь не отступитъ отъ условій опредѣленнаго ими мира. Шведы возражали, что великія уступки со стороны Швеціи были учинены за обѣщаніе участія въ войнѣ, которую хотѣлъ предпринять Король, но какъ нынѣ Швеція, не только войны ни съ кѣмъ не начнетъ, но старается заключить со всѣми прочный миръ, и всѣ обѣщаютъ ей помощь въ случаѣ упорства Россіи, то прежнія условія мира не годятся и Царь можетъ опасаться своимъ упорствомъ навлечь на себя общую войну. Русскій министръ пожелалъ знать: въ чемъ состоятъ измѣненія прежнихъ условій? Шведы предложили исключить изъ уступокъ Россіи Лифляндію съ Ригою и Ревельскій округъ.

Желая скорѣе кончить затрудненія, Царь

отправилъ въ Стокгольмъ бригадира Лефорта, а на Лофенъ Ягушинскаго. Лефортъ долженъ былъ отвезти отвѣтъ Царя на извѣстительную грамату Королевы и узнать расположенiе дѣлъ въ Стокгольмѣ, а Ягушинскiй стараться убѣдить Шведскихъ министровъ въ несообразности предложенiй ихъ, опасности, упорства, невозможности подтвердить свои горделивыя требованiя силою. «Скажи имъ,» говорилъ Царь, «что я медлить не стану, и если они заспорятъ, пришлю въ Швецiю *сорокъ тысячь* уполномоченныхъ, которые огнемъ и мечемъ подтвердятъ мои требованiя.»

Донесенiя Лефорта показали Царю, что если Королева и многiе благоразумные люди желали мира и готовы были уступить, то не во власти ихъ было исполнить такое желанiе. Буйная партiя олигарховъ владѣла правленiемъ Шведскаго государства и не соглашалось на миръ съ Россiею даже и потому, что миръ съ Царемъ и условiя его были представлены народу однимъ изъ главныхъ пре-

ступленій Герца, склонявшаго Короля на безславіе Швеціи. Съ такимъ мнѣніемъ соединялся вопль невѣжественной черни, равно ненавидѣвшей дѣла Герца и имя Рускихъ. Съ другой стороны дипломатическая интрига дѣйствовала неутомимо, хотя своекорыстіе помощниковъ Швеціи было слишкомъ явно. Вызываясь помогать Шведамъ противъ Россіи, Англія требовала Бремена и Вердена, Данія Стральзунда, Пруссія Штетина, и за то указывали Швеціи на Ригу, Ревель и Выборгъ, обѣщая употребить посредство Императора и Франціи, и силу оружія для убѣжденія Царя на уступку сихъ городовъ. Надлежало образумить ослѣпленныхъ, показать имъ тщету надежды ихъ на союзниковъ.

Зимою приготовлялись въ Петербургѣ флотъ, а въ Финляндіи войска. Чувствуя свое здоровье весьма разстроеннымъ, Царь рѣшился испытать употребленіе желѣзныхъ минеральныхъ водъ, открытыхъ незадолго передъ тѣмъ въ Олонецкой губерніи, близъ Кончезерскаго

желѣзнаго завода. Января 19-го 1719 г. отправился онъ на Олонецкія воды, съ своимъ семействомъ и небольшою свитою, жилъ въ маленькомъ, нарочно выстроенномъ домикѣ, распоряжая миромъ и войною, и въ минуты отдыха работая на заводѣ, или точа костяное паникадило въ Петропавловскій соборъ. Остерманъ былъ съ нимъ. Марта 3-го Царь отправился обратно въ Петербургъ, щедро наградивъ Ивана Рябоева, крестьянина, который первый излечился Олонецкими водами и сказалъ другимъ объ ихъ цѣлебной силѣ. Получивъ большое облегченіе отъ Олонецкихъ водъ, Царь приказалъ обнародовать указъ, гдѣ объяснялъ, что ни Пирмонтскія, ни Спааскія воды, по собственному его испытанію, не оказываютъ такого спасительнаго дѣйствія въ болѣзняхъ. Апрѣля 1-го Остерманъ отправился на конгрессъ, и съ нимъ поѣхалъ Прусскій министръ, баронъ Мардефельдъ, ибо Пруссія все еще называла себя *союзницею Россіи*. Іюня 9-го Царь вывелъ въ

море флотъ, состоявшій изъ 28 линейныхъ кораблей, 200 галеръ и 300 лодокъ; 25,000 войска находилось на флотѣ. Военныя дѣйствія начались еще въ Маѣ. Капитанъ Синявинъ, крейсировавшій между Эзелемъ и Гохландомъ, встрѣтилъ три Шведскіе корабля (одинъ былъ 57-ми-пушечный, два другіе о 33-хъ и 12-ти пушкахъ), напалъ на нихъ и овладѣлъ ими. «Зѣло обрадовали вы насъ добрымъ почином̃ъ,» писалъ Царь Синявину, «за что вамъ зѣло благодарствую.» Синявинъ былъ пожалованъ въ командоры. Медаль ознаменовала торжество надписью: *Прилежаніе и вѣрность превосходятъ силу.* — Царь повелъ корабельный флотъ къ Ревелю и Рогервику. Апраксинъ съ галернымъ флотомъ и войскомъ отправился въ Финляндію. Царь присоединился къ нему 26-го Іюня.

Грозныя силы Царя стояли почти въ виду Стокгольма. Королева сознавала опасность и умоляла своихъ властителей спасти отечество. Посланный отъ нея, баронъ Коотъ явился

къ Царю и видѣлъ вблизи Русскія ополченія, готовыя идти къ Шведскимъ берегамъ. Не слушая льстивыхъ привѣтствій посланнаго. Царь требовалъ одного—*мира*. Дабы ускорить переговоры, онъ отправилъ въ Стокгольмъ Остермана съ своимъ *послѣднимъ* рѣшеніемъ: онъ уступалъ, соглашался заплатить за Ригу нѣкоторую сумму денегъ, соглашался даже взять Ригу только во временное владѣніе на 40, даже на 20-ть лѣтъ. Въ то же время Апраксинъ пошелъ къ Шведскимъ берегамъ съ галерами и войскомъ. Остерманъ ничего не могъ рѣшить. Убѣдительнѣе словъ его были дѣла Апраксина. Генералъ-маіоръ Ласси подошелъ къ приморью Упланда и Гестрика, и почти цѣлый мѣсяцъ опустошалъ ихъ, пока Армфельдтъ рѣшился остановить раззореніе и выступилъ изъ Гефле съ 3000 войска и 1000 милиціи. Мѣстечки Эстъ-Гаммеръ, Лефстъ и Эрегрундъ, селенія, заводы, лѣса были опустошены и выжжены. Шведскіе отряды бѣжали, бросая ружья и пушки, едва Рус-

кіе выступали на битву съ ними. Не менѣе гибельны были дѣйствія самого Апраксина. Приставши къ берегамъ Зюдерманланда, онъ опустошилъ мѣстечки Норъ-Кепингъ, Ню-Кепингъ, Зюдеръ-Теліе, сталъ у острова Рунси въ окрестностяхъ Стокгольма, и разбилъ отрядъ Шведовъ почти подъ стѣнами Шведской столицы. Царь удержалъ дальнѣйшія опустошенія, ибо одна необходимость заставляла его губить беззащитныхъ жителей Швеціи. Онъ оправдывалъ свои поступки манифестомъ, который поручено было распространять на Шведскихъ берегахъ. Казалось, убѣжденіе было довольно сильно. Королева прислала просить мира. Царь еще разъ согласился. Въ половинѣ Августа Русскій флотъ отдалился отъ береговъ Шведскихъ и отъ Аландскихъ острововъ. Августа 30-го Царь прибылъ въ Петербургъ, и въ Троицкомъ соборѣ благодарилъ Бога за успѣхи Русскаго оружія.

Но онъ уже не вѣрилъ обѣщаніямъ Шве-

довъ, и не только не оставлялъ войны, но готовился въ слѣдующемъ году на дѣйствія болѣе важныя. Нерѣшительный отвѣтъ Шведскихъ министровъ, даже и послѣ нападенія на Швецію Ласси и Апраксина, подтвердилъ мнѣніе его. Переговоры были прерваны.

На чемъ однакожь основывались надежды Швеціи послѣ страшныхъ уроковъ, какіе испытала она отъ оружія разгнѣваннаго Царя? Но можно ли спрашивать о причинахъ тамъ, гдѣ буйство страстей, руководимое безначаліемъ, управляется пагубнымъ своекорыстіемъ, при забвеніи мысли объ общемъ благѣ?

Все пособіе, полученное Швеціею отъ союзниковъ въ 1719 году, состояло въ присылкѣ Англійской эскадры, безполезно явившейся осенью на Балтійскомъ морѣ. Адмиралъ Норрисъ, старый знакомый Царя, съ 10-ю кораблями, подходилъ къ Стокгольму, видѣлъ пепелища, дымившіяся на берегахъ Швеціи, и слѣды Русскихъ опустошеній, но не при-

ступая ни къ чему, удалился въ Англію. Тѣмъ не менѣе переговоры съ Англіею продолжались. Новыя обѣщанія были даны на слѣдующій годъ и Ноября 19-го заключенъ былъ съ королемъ Георгомъ трактатъ. Швеція уступала ему Бременъ и Верденъ. Король Георгъ обязывался заплатить ей за то милльонъ талеровъ и обѣщалъ прислать въ помощь 6000 человѣкъ войска. О Царѣ была включена въ договоръ особенная статья слѣдующаго содержанія: «Хотя Королева Шведская *употребляетъ всѣ усилія прекратить сѣверную войну*, но всѣ старанія остаются тщетны, а потому Король Великобританскій обязывается не терпѣть болѣе безполезной траты времени въ тщетныхъ желаніяхъ мира, но на слѣдующую весну выслать въ море сильное морское ополченіе, состоящее изъ военныхъ кораблей, въ помощь Швеціи, и соединенно съ флотомъ Шведскимъ дѣйствовать, дабы *остановить нападенія на Швецію*

Царя Московскаго и принудить его къ принятію условій справедливаго мира.»

И такъ *1720 годъ*, вмѣсто мира, грозилъ новою, болѣе прежняго дѣятельною войною. Увидимъ разрушеніе надеждъ Швеціи, послѣдніе удары, нанесенные ей могущею рукою Царя, и новыя отношенія, въ какія всѣ сіи обстоятельства поставили Россію.

Войска короля Георга уже сражались съ Русскими войсками, но незначительная битва между ними не относилась къ пособію Шведамъ. По внушеніямъ Бернсторфа, король Георгъ вмѣшался въ распри Герцога Мекленбургскаго съ Мекленбургскимъ дворянствомъ и приказалъ вступить 8000-му Ганноверскому корпусу въ Мекленбургъ. Герцогъ велѣлъ идти для защиты Ростока двумъ Русскимъ полкамъ изъ Шверина. Ганноверцы не хотѣли пропустить ихъ, начали стрѣлять и убили 5 человѣкъ. Раздраженные Рускіе пошли на Ганноверцовъ и заставили ихъ отступить. Царь былъ недоволенъ распоряженіями Гер-

цога и даже приказалъ своимъ полкамъ оставить Мекленбургъ. Онъ не хотѣлъ подать повода къ новой войнѣ, вмѣшиваясь въ безтолковыя распри.

Родительское сердце Царя было въ 1719 году поражено новою тяжкою скорбью. Судьбамъ Всевышняго было угодно испытать великаго горестью на могилѣ преступнаго сына и на могилѣ невиннаго младенца, надежды отечества: царевичъ Петръ скончался Апрѣля 25-го на *пятомъ* году. Онъ радовалъ отца своимъ здоровьемъ, необыкновеннымъ ростомъ, умомъ, развивавшимся въ дѣтскихъ понятіяхъ и рѣчахъ его, и унесъ въ могилу радость и упованіе отца и Россіи. Смертью его пресѣклось мужеское потомство Петра Великаго. Оставался только малолѣтный внукъ, сынъ царевича Алексѣя, и на немъ лежали всѣ надежды его державнаго дѣда.

Съ годами незамѣтно рѣдѣли ряды сподвижниковъ Царя, товарищей его жизни и его трудовъ въ теченіе тридцати лѣтъ, свидѣтелей

первыхъ опасностей его въ бунтахъ Стрѣлецкихъ, сопутствовавшихъ ему подъ Азовъ, подъ Нарву, подъ Полтаву. Въ 1717 году скончался *Князь Кесарь,* Ѳ. Ю. Ромодановскій, до конца жизни любимый Царемъ и неизмѣнимо вѣрный Царю. Въ 1719 году послѣдовали за нимъ въ могилу — старецъ *Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ* и фельдмаршалъ графъ *Б. П. Шереметевъ.* Переходъ съ войсками изъ Помераніи въ Польшу былъ послѣднимъ дѣломъ Шереметева. Больной поѣхалъ онъ изъ Польши въ Москву и оставался тамъ. Въ Октябрѣ 1718 г. писалъ онъ Царю: «Болѣзнь мою умножаетъ сомнѣніе, что В. В. можете подумать, будто я здѣсь по прихоти проживаю, но вѣрный всю жизнь мою, стану ли обманывать Царя моего на старости? Если Богъ приведетъ увидѣться, сами изволите увидѣть, какъ тяжко я боленъ.» Онъ не всталъ съ одра болѣзни. Богъ *не привелъ его увидѣться* съ Царемъ. Онъ скончался въ Февралѣ 1719 г., завѣщавая поло-

жить его въ Кіево-Печерской лаврѣ, подлѣ милаго ему, старшаго сына. Царь приказалъ перевезть бренные останки друга своего въ Петербургъ, и съ почестью похоронилъ ихъ въ Невскомъ монастырѣ. Въ 1720 г. скончался *князь Я. Ѳ. Долгорукій*. Прахъ его покоится въ оградѣ Андреевской церкви, на Васильевскомъ островѣ, и на гробницѣ его нѣтъ надписи: *Говорилъ царю правду*. Въ 1721 г. умеръ *Адамъ Вейде*, спутникъ Царя подъ Азовъ, въ старости такъ смѣло сражавшійся при Гангудѣ, и нѣкогда бывшій капитаномъ бомбардирской Преображенской роты вмѣстѣ съ Царемъ.

РАЗСКАЗЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ОКОНЧАНІЕ ВОЙНЫ И МИРЪ СЪ ШВЕЦІЕЮ. ТИТУЛЪ ИМПЕРАТОРСКІЙ.

1720—1721 г.

Всѣ ученики науку въ семь лѣтъ оканчиваютъ, а наша школа трикраты болѣе продолжалась, и слава Богу, такъ окончилась, что лучше желать невозможно!
Здравствуйте, православные, и благодарите Бога, что толикую долговременную, двадцать одинъ годъ продолжавшуюся войну прекратилъ Богъ счастливымъ миромъ!»

Слова Петра Великаго.

1720-й годъ ознаменованъ былъ въ Швеціи разными политическими событіями, весьма важными въ отношеніяхъ ея къ Россіи.

Кромѣ обѣщаннаго пособія флотомъ и войскомъ, король Георгъ сдѣлался посредникомъ между Швеціею и ея непріятелями. Голосъ его былъ дѣйствительнѣе у другихъ, нежели у Царя. Прусскій Король, столь недавно подтвердившій союзъ съ Россіею, отступился отъ нея первый. Января 21-го 1720 года Пруссія заключила трактатъ, коимъ Швеція уступила ей Штетинъ, съ островами Узедомомъ, Воллиномъ и устьемъ Одера, до впаденія рѣки Пееиы. Пруссія заплатила за то Швеціи

два милльона талеровъ, обѣщая «употребить стараніе и возможные способы склонить всѣхъ враговъ Швеціи на заключеніе справедливаго и прочнаго мира.»—Еще въ концѣ 1719 года король Августъ заключилъ тайную конвенцію, по коей прекращалъ войну противъ Швеціи перемиріемъ, безъ всякихъ съ обѣихъ сторонъ вознагражденій, съ тѣмъ только, что Станиславъ отречется отъ правъ на Польскій престолъ. Августъ обѣщалъ заплатить ему за то милльонъ злотыхъ, обѣщалъ и союзъ и помощь Швеціи, «дабы *привесть въ надлежащіе предѣлы могущество Русскаго Царя.*» Убѣжденія Англіи склонили Императора и Францію на обѣщаніе посредничества и разборъ споровъ на особенныхъ конгрессахъ. Три новые союзника Швеціи обратились къ дѣлу болѣе трудному — миру Швеціи съ Даніею, тѣмъ болѣе трудному, что ничего не хотѣли дать въ вознагражденіе Датскому Королю. Данія не оставляла оружія. Преслѣдуя Шведское войско, Датчане заняли Марштрандъ

и область Богусленъ, а въ 1719 году захватывали Шведскіе купеческіе корабли, и даже завладѣли тремя военными кораблями, послѣ небольшой битвы, гдѣ съ Датской стороны было 12 кораблей противъ 3-хъ. Но союзники нашли средство испугать Данію, когда заговорили объ удовлетвореніи Герцога Голштинскаго. Англія, Пруссія и Швеція ручались въ томъ, что вся Голштинія утвердится за Даніею. Король Датскій согласился мириться, возвратилъ Швеціи Стральзундъ и всѣ занятые Датчанами Померанскіе города, выговоривъ себѣ только Зундскую пошлину, отъ коей дотолѣ были избавлены Шведскіе корабли, и платежъ 600,000 талеровъ за убытки. Касательно Царя Король Датскій обязывался «ни прямымъ, ни окольнымъ образомъ, ни совѣтами, ни дѣйствіями *не помогать Царю Московскому*», не допуская и каперовъ его въ Датскія гавани.

Такъ отдачею областей и пожертвованіемъ своего племянника и наслѣдника, Герцога

Голштинскаго, врагамъ его, королева Ульрика Элеонора покупала миръ, пріобрѣтая въ вознагражденіе небольшую сумму денегъ и надежду на пособіе противъ Царя. Впрочемъ, тогда дѣйствовала уже не она, уступивъ Шведскій престолъ супругу своему. Уступка сія куплена была темною интригою, обманомъ и подкупомъ. Фридрихъ согласился подтвердить пагубную конституцію и тѣмъ склонилъ на свою сторону дворянство и сенатъ. Заключеніемъ мира съ Англіею, Пруссіею, Даніею и Польшею, и обѣщаніемъ пособія ихъ, онъ льстилъ народной ненависти къ Русскимъ, заставляя Шведовъ забывать, что союзъ противъ Царя покупается тяжелыми пожертвованіями. Деньгами, полученными отъ Англіи и Пруссіи, и небольшимъ денежнымъ пособіемъ Франціи, Фридрихъ успѣлъ удовлетворить нетерпящимъ нуждамъ государственнымъ. На сеймѣ 1719 г. отвергли его избраніе, даже укоряли, что коварство Фридриха не только несправедливо лишаетъ Гер-

цога Голштинскаго наслѣдія Шведскаго престола, но даже и родоваго владѣнія его. Фридрихъ обѣщалъ утвердить наслѣдство Шведскаго престола послѣ себя Герцогу Голштинскому. Оставалось еще препятствіе: Фридрихъ былъ лютеранинъ. Онъ немедленно перешелъ въ реформатское исповѣданіе, и на сеймѣ 1720 года его избрали и утвердили королемъ Шведскимъ. Непостижимо иногда честолюбіе человѣческое. Такими хитростями, ухищреніями, униженіемъ купить титулъ *короля безъ власти*, не имѣя возможности быть ни славнымъ, ни полезнымъ, не обладая дарованіями государственными, дабы умирить смуты и отвратить бѣдствія извнѣ!

Надлежало приступить къ дѣламъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ было заключеніе мира съ Царемъ. Фридрихъ надѣялся устрашить его обѣщаніями своихъ союзниковъ, покровительствомъ Императора, посредничествомъ Франціи, пособіемъ Англичанъ. «Бѣдный Царь!» говорилъ смѣясь Арведъ Горнъ, одинъ изъ

сенаторовъ Шведскихъ, «посмотрите, сколько государей на него вооружилось! Они съѣдятъ его!» — Шутка была справедлива. Не смотря на непріязненное положеніе, въ какомъ находились противъ Россіи Англія, Швеція и король Августъ, не взирая на обѣщаніе пособій Пруссіею, отреченіе Даніи и посредничество Императора и Франціи, Царь хорошо видѣлъ и вполнѣ понималъ ничтожность средствъ, коими хотѣлъ защищаться отъ него преемникъ Карла XII-го, котораго не боялся Царь, когда также нѣкогда всѣ союзники оставили Россію и вся Европа была противъ него. А такова ли была *тогда* Россія, какою была она *въ 1720 году*!

Всего болѣе опасался Царь не Швеціи и ея союзниковъ, но Султана, и не потому, что боялся войны съ Турціею. Зная основанную на серальской интригѣ, безразсудную политику Оттоманскую, онъ опасался, что неожиданное движеніе Турковъотвлечетъ часть Русской арміи, когда набѣги Татаръ будутъ па-

губы южной Россіи. Къ счастію, дипломатическія сплетни Европейцовъ въ Царьградѣ были безуспѣшны, и Царь успокоился, когда Султанъ подтвердилъ миръ съ Россіею на вѣчныя времена, на прежнемъ основаніи (Марта 21-го 1720 года). Неудачная война Турковъ съ Императоромъ была главною причиною миролюбія Оттомановъ.

Мы видѣли, что съ самаго восшествія на престолъ императора Карла VI-го охладѣла дружба Царя съ Австріею. Побѣгъ царевича Алексѣя, и покровительство, оказанное ему въ Вѣнѣ, еще болѣе утвердили Царя въ непріязни къ Императору. Не принимая посредничества имперіи, Царь не уважалъ безполезныхъ возгласовъ Карла VI-го, увѣренный въ томъ, что они ни къ чему не ведутъ Въ 1720 году непріязнь дошла до того, что царскому резиденту велѣно было выѣхать изъ Вѣны. Царь протестовалъ, и выслалъ изъ Россіи Іезуитовъ, не боясь союза, заключеннаго Императоромъ съ королями Георгомъ и Августомъ.

Совсемъ другія отношенія старался поддержать Царь съ Франціею, зная, что союзъ и дружба съ нею Императора и Англіи были ненадежны. Онъ не только не упрекалъ Регента за союзъ съ Швеціею и помощь ей деньгами, но охотно принималъ посредство Франціи, стараясь только раздружить Регента съ королемъ Георгомъ. Царь отправилъ даже особеннаго посла въ Парижъ, князя Вас. Лук. Долгорукаго, и велѣлъ ему стараться объ укрѣпленіи дружбы и союза. Въ тайномъ наставленіи ему приказано было между тѣмъ переговаривать и съ непріятелями Регента, ибо правитель Франціи былъ ненавидимъ Дворомъ и народомъ, приписывавшими ему и кардиналу Дюбуа униженіе Франціи, войну съ Испаніею, бѣдствія системы Лава, терзавшей въ то время Францію. Царь велѣлъ возобновить переговоры о супружествѣ Людовика XV-го съ царевною Елисаветою, производя ихъ тайно отъ Регента.

Не упрекая Пруссіи измѣнчивостью ея по-

литики, Царь увѣрялъ Короля Прусскаго въ дружбѣ и переговаривалъ съ нимъ о торговлѣ.

Съ королемъ Августомъ не хотѣлъ онъ *ни о чемъ говорить,* презирая его безсильную злобу. Гораздо вѣрнѣе были отношенія, какія поддерживалъ Царь къ Полякамъ. Извѣщая Польскіе чины о мирѣ короля Августа съ Швеціею и интригахъ его въ Вѣнѣ и Царьградѣ отъ имени Польши, Царь называлъ такіе поступки нарушеніемъ правъ Рѣчи Посполитой, увѣренный, какъ говорилъ онъ, что Рѣчь Посполитая, зная его всегдашнюю дружбу и стараніе защищать ея права отъ посягательствъ короля Августа, не промѣняетъ безполезной покорности ему на дружбу вѣрнаго союзника. Царь обѣщалъ возвратить Польшѣ Курляндію, которую «только для защиты отъ притязаній Августа (по словамъ его) онъ до сихъ поръ удерживалъ.» Такія рѣчи, льстя гордости безразсудныхъ пановъ, были искрою, произведшею пожаръ. Слова Царя под-

крѣплялись подарками и указаніемъ на Русское войско, готовое вступить въ Польшу, *въ случаѣ несогласія Поляковъ на дружбу Царя.* На сеймахъ кричали противъ Августа. Рѣчь Посполитая отправила къ Царю великаго посла, воеводу Мазовецкаго, Игнатія Хоментовскаго. Царь принялъ его, какъ дорогаго гостя, возилъ на флотъ свой, и посолъ не просыпался отъ хмѣля, переходя съ пира на пиръ. Онъ поѣхалъ обратно совершенно увѣренный въ дружбѣ Царя, увѣряя его, что Рѣчь Посполитая не будетъ слушать вѣроломнаго Августа, посягающаго на права и вольность Польши. «Потомки не повѣрятъ тому, что мы видимъ,» говорилъ Хоментовскій на отпускной аудіенціи Іюня 2-го, «не повѣрятъ они, когда мы передадимъ имъ повѣсть о великихъ дѣлахъ коими прославилъ себя Царь Русскій! Чему удивляться въ тебѣ болѣе, государь: полководцу непобѣдимому, или строителю градовъ, или законодателю мудрому?»

Уничтожая замыслы короля Августа, Царь

нашелъ не менѣе вѣрное средство ужаснуть Короля Датскаго, тревожа въ то же время и новаго Короля Шведскаго. Царь старался поддержать союзъ съ Даніею въ 1718 и 1719 г., уговаривая продолжать войну. Когда Данія помирилась, онъ не спорилъ противъ уступокъ ея Швеціи, не жаловался на заключеніе отдѣльнаго мира, но отказалъ въ согласіи, когда Данія потребовала отъ него подтвержденія за нею Голштиніи, уступленной Швеціею. Царь отвѣчалъ, что Швеція не имѣла права на такую уступку и заступился за утѣсненнаго Герцога Голштинскаго, объявляя, что онъ не только не потерпитъ хищенія столь наглаго, но принимаетъ на себя защиту юнаго Герцога, и постарается возвратить ему наслѣдственныя владѣнія и утвердить за нимъ наслѣдіе Шведскаго престола. Подкрѣпляя слова дѣломъ, Царь призывалъ къ себѣ въ Россію юнаго Герцога, удалившагося изъ Стокгольма въ Вѣну, и предлагалъ ему руку старшей дочери своей, убѣжище въ

Россіи и богатое содержаніе. Обрадованный Герцогъ Голштинскій спѣшилъ въ Петербургъ. Столь искусно обдуманною политическою мѣрою Царь разрушалъ въ основаніи всѣ надежды Даніи, за которыя столь многимъ она пожертвовала. Противники Фридриха и приверженцы Герцога Голштинскаго въ Швеціи сдѣлались друзьями Царя, славили его великодушіе и возстали на сеймѣ и въ сенатѣ. Король Датскій прислалъ въ Россію посла, ссылался на свою дружбу, увѣрялъ, что Голштиніи онъ не отдастъ, и что никогда не думалъ онъ видѣть друга и союзника своего въ родствѣ съ врагомъ его. «Странно, что *врагомъ* называетъ Король Датскій своего ближайшаго *родственника*, и увѣряетъ меня въ *дружбѣ*, заключивъ *союзъ* съ Шведами!» отвѣчалъ Царь. «Супружество дѣло не преступное, и если я отдаю дочь мою за Герцога, то моя въ томъ воля и дѣло домашнее. Датскому Королю здѣсь вмѣшиваться не для чего, а что онъ хочетъ похищен-

ное имъ защищать оружіемъ—также его воля. Мы увидимъ, кто проиграетъ.»

Еще смѣлѣе говорилъ и поступалъ Царь съ королемъ Георгомъ. Не уважая ни мира его съ Шведами, ни угрозъ, ни флота, безъ отвѣта отослалъ онъ письма посла Англійскаго, бывшаго при Шведскомъ Дворѣ, и письма Англійскаго адмирала, приславшаго ихъ въ Петербургъ, говоря, что если Король Англійскій хочетъ о чемъ либо переговаривать, то можетъ прислать въ Россію посла. Англійскому резиденту Джеффрею и Ганноверскому Веберу велѣно было выѣхать изъ Россіи. Посланникъ царскій, Бестужевъ подалъ министрамъ Георга въ Лондонѣ подробный меморіялъ, излагая въ немъ вѣроломные поступки Англіи. Разгнѣванный Георгъ выслалъ Бестужева изъ Англіи.

Надлежало приниматься за оружіе. Мы видѣли, какъ мало боялся Царь Англійскаго флота. И на 1720 годъ, располагая второю высадкою въ Швецію, онъ не думалъ объ Ан-

глійскомъ флотѣ. Впрочемъ, мѣры къ защитѣ береговъ Остъ-Зейскихъ были всюду приняты. Въ Ревелѣ, Рогервикѣ, Ригѣ, Кронштадтѣ уставили крѣпости пушками, усиливъ гарнизоны и учредивъ береговую стражу. Флотъ Русскій готовился. Войско сближалось на сѣверъ.

Желая снова подкрѣпить свое здоровье употребленіемъ водъ, пользу коихъ уже испыталъ въ 1718 году, Царь отправился въ Олонецъ Февраля 29-го и пробылъ тамъ до 22-го Марта. На Петровскомъ желѣзномъ заводѣ взялся онъ своими руками за кузнечный молотъ и выковалъ полосу желѣза въ $1^1/_2$ пуда. Издѣліе державнаго кузнеца хранится въ Кунстъ-Камерѣ, съ надписью, означающею, кто и когда трудился надъ нимъ. Возвращеніе Царя въ Петербургъ было знакомъ къ усиленной дѣятельности во флотѣ и въ войскѣ, на верфяхъ и въ дипломатикѣ, тѣмъ болѣе, что король Георгъ на сей разъ хотѣлъ сдержать слово Швеціи. Флотъ Англійскій явился въ Копен-

гагенѣ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ и готовился соединиться передъ Стокгольмомъ съ Шведскимъ флотомъ. Адмиралъ Норрисъ снова прислалъ письма царскому Послу въ Даніи; ихъ возратили неразпечатанныя.

Не надѣясь на флотъ Георга, Фридрихъ хотѣлъ испытать и другія средства. Въ Маѣ генералъ - адьютантъ его, графъ Марксъ явился въ Петербургъ съ извѣстительною граматою къ Царю о восшествіи Фридриха на Шведскій престолъ и желаніи заключить *перемиріе* для дальнѣйшихъ условій о мирѣ. Царь ласково принялъ Маркса, но отвѣчалъ, что почитаетъ перемиріе не нужнымъ, ибо условія прочнаго мира давно извѣстны и остается утвердить ихъ, а отступать отъ нихъ онъ не думаетъ. Марксъ просилъ не начинать военныхъ дѣйствій. Царь отвѣчалъ, что начнетъ ихъ немедленно. Марксъ осторожно замѣтилъ о приходѣ въ Балтійское море Англійскаго флота. «Я готовъ встрѣтить его,» отвѣчалъ Царь. Онъ поѣхалъ съ Марксомъ въ Крон-

штадтъ, показалъ ему свой флотъ и укрѣпленія, и смѣясь говорилъ: «Теперь вамъ не для чего присылать сюда шпіоновъ—вы все сами видѣли. Хотите ли, я велю вамъ дать планъ Кронштадта?» Марксъ возвратился въ Швецію изумленный хладнокровною рѣшительностью Царя. Въ слѣдъ за нимъ явился въ Петербургъ Французскій посланникъ при Шведскомъ Дворѣ, маркизъ Камиредонъ, предлагая Царю посредничество. Царь отвѣчалъ, что онъ готовъ принять его, но не видитъ со стороны Швеціи никакихъ предлоговъ къ миру. Кампредонъ отправился обратно безъ успѣха.

Въ концѣ Мая двинулись наконецъ грозные защитники Швеціи: 53 корабля Шведскіе и Англійскіе приблизились къ Рогервику и потомъ подошли къ Ревелю. Строжайше было запрещено начинать противъ нихъ военныя дѣйствія. Апраксинъ послалъ спросить Норриса о причинѣ прихода Англичанъ. Норрисъ прислалъ ему письмо къ Царю. Ап-

раксинъ не принялъ письма. Оставалось сражаться съ упрямымъ Царемъ, но Англійскому адмиралу запрещено было начинать, а Рускіе не трогались. Послѣ двухъ недѣль безполезнаго плаванія около Русскихъ береговъ, Норрисъ поспѣшно удалился, ибо Фридрихъ умолялъ его поспѣшить въ Швецію: тамъ явились Русскія войска.

Пока Норрисъ спорилъ съ Апраксинымъ у Ревеля, князь М. М. Голицынъ отправился изъ Финляндіи съ галерным флотомъ, сталъ у Аландскихъ острововъ и отправилъ бригадира Менгдена въ Вестро-Ботнію съ 5000 войска. Менгденъ вышелъ близъ города Умео, занялъ его и обратилъ въ пепелъ. Кромѣ того 40 деревень, съ 1000 дворовъ, 17 мѣльницъ и болѣе ста запасныхъ, анбаровъ погибло въ пламени. Слыша о движеніи Англійскаго и Шведскаго флота отъ Ревеля, Голицынъ прекратилъ опустошеніе и отплылъ къ Финляндскимъ берегамъ. «Непріятелю не великій причиненъ убытокъ,» писалъ Царь, «но важно

то, что сдѣланъ оный передъ глазами непріятеля и его защитниковъ, и они ничему воспрепятствовать не могли.»

Фридрихъ требовалъ, чтобы Норрисъ шелъ немедленно наказать дерзость Рускихъ, но получилъ въ отвѣтъ, что Англичане не смѣютъ начинать военныхъ дѣйствій безъ особеннаго повелѣнія своего Короля. Отвѣтъ сей произвелъ такую холодность между союзниками, что Норрисъ оставилъ Швецію со всею своею эскадрою, не смотря на прежнее обѣщаніе зимовать въ Стокгольмѣ и Карлскронѣ. Швеція осталась беззащитною. Новые успѣхи Рускихъ показали до какой степени возрасла отвага ихъ и увеличилась близость опасности. Іюля 27-го князь Голицынъ напалъ съ галерами на Шведскую эскадру въ Аландскихъ схерахъ. Стѣсненные и захваченные внезапно, Шведы принуждены были бѣжать; два фрегата, отставшіе отъ другихъ, не смотря на отчаянную защиту, взяты были на абордажъ; два другіе сѣли на мѣль и Голи-

цынъ захватилъ ихъ. Число пушекъ на полоненныхъ фрегатахъ простиралось до 104, а число убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ Шведовъ до 800. Руские потеряли 80 убитыми и 250 ранеными.

Царь былъ восхищенъ побѣдою Голицына, одержанною при островѣ Гренгамѣ въ *годовщину Гангудской битвы.* «Мы одержали *викторию* въ глазахъ Англичанъ, которые взялись оборонять Швецію и флотъ Шведскій и не могли ихъ оборонить,» писалъ Царь Меншикову. Велѣно было вести Шведскіе фрегаты въ Петербургъ. Царь торжественно встрѣтилъ ихъ Сентября 8-го и ввелъ въ Неву при пушечной пальбѣ. Пиръ, угощеніе народу и фейерверкъ заключили праздникъ. Князю Голицыну пожалованы были шпага и трость, осыпанныя брилльянтами; товарищи его получили чины и медали; вѣстникъ побѣды, маіоръ Шиповъ, черезъ чинъ произведенъ въ полковники. Опредѣлено было праздновать *Гренгамскую побѣду* вмѣстѣ съ Гангудскою. Кам-

панія на 1720 годъ кончилась, но Русскіе корабли не оставляли моря, крейсировали въ виду Стокгольма, блокировали Данцигъ, пресѣкали вывозъ хлѣба въ Швецію. Король Шведскій измѣнилъ прежнюю рѣчь.

Царь послалъ въ Стокгольмъ Румянцова съ отвѣтомъ на извѣстительную грамату Короля. Посланнаго встрѣтили почетно, заговорили съ нимъ о мирѣ, и получили въ отвѣтъ, что Царь равно готовъ на миръ и на войну. Фридрихъ просилъ назначить мѣсто для переговоровъ. Царь назначилъ городъ Ништатъ въ Финляндіи. Января 12-го явился въ Петербургъ королевскій адъютантъ, графъ Далмасъ, и извѣстилъ о согласіи Короля начать переговоры, извѣщая, что Король немедленно отправитъ министровъ своихъ, графа Лиліенштедта и барона Штромберга. Царь назначалъ прежнихъ, графа Брюса и Остермана (пожалованнаго въ бароны — *второй* примѣръ сей награды; *первымъ барономъ Русскимъ* былъ Шафировъ, а послѣ Остермана возведены въ

бароны дѣти *именитаго человѣка*, Григорья Дмитріевича Строгонова, потомка знаменитаго Аники Строгонова, покорителя Сибири, на свой счетъ снарядившаго войско Ермака при Іоаннѣ Грозномъ). Но Царь просилъ не медлить присылкою Шведскихъ министровъ, и не соглашался остановить между тѣмъ военныя дѣйствія, если до начала кампаніи переговоровъ не кончатъ. Маркизъ Кампредонъ, снова пріѣхавшій въ Петербургъ, получилъ тотъ же отвѣтъ. Король Георгъ снова стращалъ присылкою флота. Царь отвѣчалъ, что онъ не боится его, и даже не надѣется, чтобы Англійскій флотъ еще разъ явился на безполезную прогулку. Кампредонъ возвратился въ Швецію и сдѣлался ревностнымъ поборникомъ Царя.

Доказывая, что онъ говоритъ то, что не медлитъ исполнять на дѣлѣ, Царь отправился изъ Петербурга, Марта 16-го 1721 года, въ Ригу, на встрѣчу Герцога Голштинскаго. Посолъ Герцога, графъ Бассевичъ находился

при царскомъ Дворѣ и видѣлъ дружеское отношеніе къ нему Царя и всего семейства царскаго. Не уважая новыхъ протестовъ Даніи, Царь привѣтливо встрѣтилъ Герцога, прибывшаго въ Ригу съ племянницею царскою, Герцогинею Курляндскою. Русскій Дворъ явился въ Европейскомъ величіи. Въ Ригѣ прожилъ Царь до половины Мая, пируя съ дорогимъ гостемъ своимъ и заставляя Бассевича вмѣсто Герцога осушать кубки. Рижане удивлялись простотѣ обхожденія Царя, уже видя въ немъ своего государя. Царь пѣшкомъ гулялъ по городу. Иногда заходилъ къ старому бургомистру Шварцу, спрашивалъ у него: изготовлено ли въ тотъ день любимое его блюдо, verlornes Huhn (ветчина съ горохомъ и брюквой), и если оно было готово, садился обѣдать съ Шварцомъ за-просто. Онъ являлся безъ свиты въ толпѣ народной, посѣщалъ мастеровыхъ и однажды самъ разнималъ драку пьяныхъ бургеровъ на улицѣ. Великолѣпная Рижская церковь св. Петра сгорѣла въ то вре-

мя. Царь былъ на пожарѣ, велѣлъ возобновить церковь на свой счетъ и купить для нея органы въ 5,000 талеровъ. Изъ Риги проѣхалъ онъ съ гостемъ своимъ въ Ревель и возвратился вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ 19-го Іюня.

Между тѣмъ дѣятельно шли дѣла дипломатическія и военныя. Апрѣля 28-го открылся Ништатскій конгрессъ. Царь удивился при извѣстіи, что Англійскій флотъ еще разъ приплылъ въ Балтійское море. Норрисъ остановился у Борнгольма. Раздраженный его появленіемъ, Царь сдѣлался недоступенъ въ переговорахъ. «Вы хотите заставить насъ подписать миръ безчестный,» говорили Шведскіе министры Русскимъ. «Скажите имъ, что два раза предлагалъ я миръ брату моему Карлу,» отвѣчалъ Царь—«одинъ разъ по неволѣ, другой разъ дружескій, а теперь заставлю Швецію мириться, и честный ли, безчестный ли для нихъ будетъ миръ, разсуждать не мое дѣло!» Кромѣ прежнихъ условій, Царь непремѣнно требовалъ утвержденія наслѣдства

Шведской короны за Герцогомъ Голштинскимъ. Шведы спорили. Царь не дождался болѣе. Съ береговъ Финляндіи огнь и мечъ перенеслись на Шведскіе берега.

На сей разъ опустошеніе было ужасно. Какой-то неизъяснимый страхъ овладѣлъ Шведами. Армфельдъ стоялъ въ Гефле съ 8000 войска, и въ глазахъ его генералъ-маіоръ Ласси жегъ, опустошалъ приморье въ теченіе 3-хъ недѣль, разгонялъ Шведскіе отряды, уничтожилъ мѣстечки Зедергамнъ, Гудиксваль, Зундваль, Гернезандъ, и покатилъ головнею все приморье до Умео на протяженіи 300 верстъ. Болѣе 4000 домовъ въ 300-хъ деревняхъ было сожжено; болѣе 40 судовъ потоплено. Тщетно вопіяли Шведскіе министры о свирѣпости войны. Царь велѣлъ Голицыну идти къ Аландскимъ островамъ съ галерами и самъ вывелъ къ Сарнвалдаю корабельный флотъ. Шведы умоляли, а не спорили. Нетерпѣливо желая мира, Царь рѣшился уступить, отказался отъ защиты Голштинскаго Герцога, и по-

слалъ Ягушинскаго на конгрессъ съ приказаніемъ уступить Выборгъ и даже Ригу взять только во временное владѣніе. Слыша о поѣздкѣ Ягушинскаго, Остерманъ догадался зачемъ онъ посланъ, велѣлъ задержать его на дорогѣ веселою пирушкою, и представилъ Шведскимъ министрамъ пріѣздъ его, какъ рѣшительное повелѣніе Царя прервать переговоры. Отправя Ягушинскаго, Царь не вытерпѣлъ, самъ поскакалъ за нимъ въ Финляндію, и не доѣхавши 3-хъ, верстъ до Дубковъ увидѣлъ вдали скачущаго курьера — то былъ Преображенскій капралъ Иванъ Обрѣзковъ: онъ привезъ Царю извѣстіе о мирѣ, подписанномъ Августа 30-го 1721 года. Царь скрылъ извѣстіе отъ окружавшихъ его, опасаясь, чтобы вѣсть о мирѣ не пришла прежде него въ Петербургъ: себѣ предоставлялъ онъ радость передать сію вожделѣнную вѣсть народу. Онъ ночевалъ въ Дубкахъ, и на легкой бригантинѣ, на другой день, пустился рано утромъ въ Петербургъ. Едва бригантина вошла въ Неву,

Царь велѣлъ палить изъ трехъ бывшихъ на ней пушекъ. Трубачи, стоя на палубѣ, оглашали берега трубнымъ звукомъ. Царь плылъ прямо къ крѣпости и вышелъ на Троицкую площадь, куда со всѣхъ сторонъ уже сбѣжался народъ, знатные и простолюдины, плѣнные Шведы, Русскіе солдаты, офицеры, духовенство. Всѣ тѣснились у пристани, всѣ предчувствовали вѣсть благодатную, когда Царь громко закричалъ, стоя на палубѣ бригантины: *Миръ, ребята, миръ!* Клики народа, пушечные выстрѣлы, звонъ колоколовъ, все смѣшалось вмѣстѣ. Царь едва могъ пройдти въ Троицкій соборъ. Тѣснились около него, ловили его руки, обнимали его ноги, цѣловали его самого и плакали въ восторгѣ. Стефанъ, митрополитъ Рязанскій, встрѣтилъ Царя у дверей собора словами: «Вниди, побѣдитель и миротворецъ!» При возглашеніи *Тебѣ Бога хвалимъ*, Царь пѣлъ съ хоромъ пѣвчихъ. Онъ палъ на колѣни и слезы лились изъ глазъ его. Выйдя изъ собора на площадь,

гдѣ уже были выкачены бочки вина и пива народу, Царь взошелъ на приготовленныя для него подмостки и держа въ рукѣ ковшикъ съ виномъ, громко провозгласилъ: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные! Богъ прекратилъ войну, которая продолжалась *двадцать одинъ годъ*, и даровалъ намъ счастливый миръ!» Кликъ народа, громъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ поставленнаго въ строй войска, и пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости, покрыли голосъ Царя.

Прекрасныя бываютъ мгновенія въ жизни избранниковъ Божіихъ, и ими, говорятъ, искупаются для нихъ годы испытаній и страданій.

Отрядъ драгуновъ съ трубачами ѣздилъ по Петербургу, возвѣщая о мирѣ и условіяхъ его. Царь и народъ радовались не даромъ. Знаменитъ былъ сей миръ, исторгнутый у непріятеля непреклонною волею Царя. Шведы уступили Россіи *Лифляндію съ Ригою*, *Эстляндію съ Ревелемъ*, *Ингерманландію съ*

Шлиссельбургомъ, часть Финляндіи съ Выборгомъ, Карелію съ Кексгольмомъ. Царь обѣщалъ за то не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швеціи. Военныя дѣйствія прекращались немедленно. Плѣнные возвращались съ обѣихъ сторонъ. Царь платилъ Швеціи за уступку Риги два милльона рублей и дозволялъ Шведамъ покупку хлѣба въ Лифляндіи. «Благодарю за трактатъ мирный,» писалъ Царь Брюсу и Остерману, «который таковъ, что еслибы намъ написать и послать Шведамъ только для подписи, то лучше придумать мы не могли бы. Такое дѣло ваше никогда забвенно не будетъ. Долго ждали мы, но за то и дождались, за что да будетъ хвала всѣхъ благъ виновнику Богу!»—«Всѣ ученики школу проходятъ съ семь лѣтъ,» писалъ Царь Долгорукому въ Парижъ, «но мы тройную школу проходили, которая, слава Богу, такъ кончилась, какъ лучше быть невозможно.»

Царь утвердилъ трактатъ. Фридрихъ ратификовалъ его 9-го Сентября, а 19-го кон-

ченъ былъ Ништатскій конгрессъ. Приступили къ исполненію статей договора. Рускіе очищали Финляндію. Плѣнныхъ свозили отвсюду въ Петербургъ. Царь отпускалъ ихъ всѣхъ съ привѣтомъ и ласкою. Многіе изъ нихъ, уже двадцать лѣтъ не видавшіе отечества, не вѣрили, что они скоро увидятъ его. Царь оказалъ многимъ Шведамъ особенную милость и почесть. Въ числѣ отличенныхъ имъ были Эреншильдъ и Левенгауптъ. Замѣтимъ, что нѣсколько тысячь Шведовъ остались добровольно въ Россіи и пребываніе ихъ вообще принесло много пользы Рускимъ, ибо принужденные чѣмъ нибудь заниматься, плѣнные упражнялись въ ремеслахъ и художествахъ, заводили школы, другіе были учителями въ дворянскихъ, даже купеческихъ домахъ, и такъ обжились въ Россіи, что охотно обмѣняли ее на свое прежнее отечество. Царь немедленно назначилъ въ Стокгольмъ посланника, М. П. Бестужева. Въ Петербургъ явился Шведскій посолъ и съ нимъ усердно помогав-

шій при переговорахъ Кампредонъ. Царь принялъ его съ большою почестью, Вскорѣ заключенъ былъ новый дружескій трактатъ съ Франціею. Ништатскій миръ возстановлялъ общее спокойствіе на сѣверѣ, ибо въ него включенъ былъ миръ Россіи съ Англіею и Швеціи съ Польшею. Объ условіяхъ хотѣли говорить въ послѣдствіи.

По повелѣнію Царя разосланъ былъ по государству указъ сенатскій, коимъ повелѣно троекратно праздновать миръ съ Швеціею, по полученіи извѣстія, вторично 22-го Октября, и въ третій разъ 28-го Января 1722 года.

Октября 22-го начался въ Петербургѣ праздникъ мира, хотя и прежде того почти весь Сентябрь мѣсяцъ прошелъ въ забавахъ и увеселеніяхъ. Сентября 10-го открылся народный маскерадъ, гдѣ особенно казался забавнымъ народу Бахусъ, окруженный пляшущими сатирами, пѣтухами, журавлями и медвѣдями. Сентября 17-го увеселяли народъ травлею льва съ медвѣдемъ; 28-го было гулянье

въ Лѣтнемъ Саду; Октября 4-го Дворъ и множество народа отправились въ Кронштадтъ, и пировали тамъ при пальбѣ съ флота и съ крѣпости.

Сознавая величіе подвиговъ Царя, вѣрные сотрудники его приготовили умилительное зрѣлище: духовенство и чины государственные единодушно положили поднесть ему отъ лица всей Россіи титулъ императора и имена великаго и отца отечества. Долго не соглашался Царь, говорилъ, что только потомство утверждаетъ царямъ имена великихъ, но онъ долженъ былъ наконецъ склониться на общее моленіе.

Въ назначенный день торжество началось молебствіемъ въ Троицкомъ соборѣ. Канцлеръ Головкинъ приблизился къ Царю, сопровождаемый всѣми знатнѣйшими людьми, и просилъ Царя отъ имени всего Русскаго государства принять подносимыя народомъ наименованія *Императора*, *Великаго*, *Отца Отечества*. «Тобой возведены мы изъ небытія въ бы-

тіе — твоя отъ твоихъ, достойному достойное воздаемъ мы»—говорилъ Головкинъ. Своды храма огласились кликомъ: *Да здравствуетъ Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій, Отецъ Отечества*!

По данному изъ церкви знаку, воздухъ восколебался отъ клика народной толпы, покрывавшей площадь, крѣпость и оба берега Невы. Выстрѣлы изъ крѣпостныхъ пушекъ и со 125-ти галеръ, стоявшихъ рядомъ на Невѣ, бѣглый огонь 29-ти полковъ, звонъ колоколовъ и звуки литавръ, трубъ, барабановъ вторили голосу народному.

«Друзья мои!» говорилъ разтроганный Императоръ окружавшимъ его, «убѣдитесь въ томъ, что не я моими слабыми силами, но Богъ все сотворилъ для насъ. Помните, что и теперь ослабѣвать въ средствахъ войны не должно и пользу общую надобно предпочитать всему.»

При выходѣ изъ церкви народъ встрѣтилъ монарха восклицаніями: *Да здравствуетъ*

Императоръ! Да живетъ несчетныя лѣта Отецъ Отечества!

Всѣ слѣдовали за Императоромъ въ Сенатъ, гдѣ былъ накрытъ столъ на тысячу человѣкъ. Императоръ объявилъ награды своимъ сподвижникамъ, чины, подарки, помѣстья. Ни чья заслуга не была забыта. Присутствовавшимъ раздали медаль, на коей изображенъ былъ Ноевъ Ковчегъ, на морѣ между Петербургомъ и Стокгольмомъ; голубь возлеталъ надъ нимъ съ масличною вѣтвью; радуга протягивалась надъ столицами Россіи и Швеціи, *союзомъ мира связуемыми въ Нпштатѣ, послѣ потопа Сѣверной Войны.* Народу объявлены были милости — прощены преступники сложены недоимки и штрафы. Жареные быки, груды калачей и фонтаны пива и вина были выставлены на площади для народнаго мупршества, когда въ Сенатѣ, при звукѣ музыки пировалъ *Русскій Императоръ.* Съ нимъ были они, вѣрные друзья, сотрудники Петра (Меншиковъ, Апраксинъ, Голицынъ,

Брюсъ, Шафировъ, Остерманъ, Крюйсъ, Синявинъ, Ягушинскій, Рѣпнинъ, герои Шлиссельбурга, Лѣснаго, Полтавы, Прута, Тоннингена, Гангуда, Гренгама, его полководцы и министры. Среди нихъ находились Герцогъ Голштинскій, послы Императора, Королей Французскаго, Прусскаго, Польскаго, Датскаго, Герцога Мекленбургскаго. Въ 9 часовъ вечера загорѣлся фейерверкъ подъ распоряженіемъ самого Императора: явился храмъ Януса, освѣщенный 20,000-ми разноцвѣтныхъ огней. Два огненные воина приблизились ко храму, затворили дверь его и подали другъ другу руки. Громъ тысячи пушекъ грянулъ въ сію минуту; нѣсколько тысячь ракетъ взлетѣло на воздухъ, и *отъ сего такой огонь сочинился, что казалось Нева загорѣлась.* На щитѣ явилось изображеніе правды, съ надписью: *Всегда побѣдитъ*! На другомъ щитѣ видны были входящій въ пристань корабль и слова: *Конецъ дѣло вѣнчаетъ*. Царь возвратился въ залу Сената. Пиръ возобновился, и

танцы увеселяли гостей до 3-хъ часовъ утра, «съ обношеніемъ бокаловъ преизряднаго Токайскаго и другихъ винъ.» Обѣды, балы, маскерады продолжались потомъ цѣлую недѣлю.

Третье празднество мира, Января 28-го, положено было отправить въ древней столицѣ, тамъ, гдѣ за 21 годъ прежде объявлена была Шведская война, и куда являлся Императоръ побѣдителемъ послѣ взятія Шлиссельбурга и Нарвы, послѣ Лѣснаго и Полтавской битвы.

Могли полагать, что Императоръ отправляется въ Москву только на торжество мира, и что полкамъ велѣно идти въ окрестности Московскія только для присутствія при великолѣпныхъ праздникахъ. Но уже новыя предпріятія были въ душѣ Императора, и онъ, какъ будто спѣшилъ осуществить ихъ, готовясь на долговременную отлучку изъ Петербурга. Съ береговъ Балтики переносился онъ тайною думою на берега Каспія, и древній Дербентъ вскорѣ долженъ былъ увидѣть то-

го, кто еще такъ недавно посѣщалъ столицу Людовика XIV-го, начальствовалъ флотами близъ Копенгагена, громилъ Шведовъ на скалахъ Скандинавскихъ.

Титулъ *Императорскій*, принятой Царемъ, былъ немедленно подтвержденъ Королемъ Шведскимъ и Королемъ Прусскимъ, а въ 1722 году Турціею и Нидерландами. Болѣе затруднились другія державы. Императоръ призналъ его только въ 1747 году, Францiя въ 1755-мъ, Испанія въ 1759-мъ, и что всего страннѣе—Польша только въ 1764 году.

Въ началѣ зимы отправились въ Москву Дворъ, духовенство, военные и гражданскіе чиновники, иностранные министры, полки гвардейскіе, Ингерманландскій, Астраханскій, Бутырскій. Въ Москвѣ готовились тріумфальныя врата, маскерады, потѣхи, фейерверки. Тысячи народа и чиновниковъ стекались туда со всѣхъ сторонъ. Ждали Императора.

Онъ выѣхалъ изъ Петербурга Декабря 10-го, сопровождаемый Герцогомъ Голштин-

скимъ, и 15-го прибылъ въ подмосковное село Всесвятское. Здѣсь у Грузинской Царицы, помѣщицы села, Императоръ прожилъ три дня. Декабря 18-го три пушечные выстрѣла возвѣстили вшествіе Императора въ древнюю столицу. Народъ покрывалъ всю дорогу до Всесвятскаго и замыкалъ улицы Московскія до Кремля съ обѣихъ сторонъ.

Началось шествіе. Его открывала часть Преображенскаго полка, за коею шли офицеры его, предводимые *полковникомъ Петромъ Алексѣевичемъ* и подполковниками Меншиковымъ и Бутурлинымъ. Далѣе шли остальные Преображенцы, полкъ Семеновскій, полки Ингерманландскій, Астраханскій, Лефортовскій, Бутырскій. Приближеніе къ прежнимъ тріумфальнымъ вратамъ возвѣщено было пушечными выстрѣлами, звукомъ трубъ, барабановъ, и кликами народа, не прерывавшимися до вступленія въ Кремль. Уватъ на Красной площади привѣтствовалъ Императора Ѳеодосій, архіепископъ Новгородскій, сло-

вами: «Дѣлателю благій! Благодать дѣлъ твоихъ превосходитъ похвалы. Прими, не хвалу, но привѣтъ сердца, и снѣдай неожиданные плоды трудовъ твоихъ, даруя насыщаться ими и сынамъ твоимъ, отецъ отечества!» Послѣ литургіи и молебствія въ Успенскомъ соборѣ Императоръ отвелъ полки въ Преображенское, гдѣ были обѣдъ во дворцѣ и угощеніе народное. Ночью Москва освѣтилась огнями. Святки были проведены въ весельи. Императоръ не забылъ своего обычая *славить Христа*. Народъ особенно изумлялся *флоту*, ѣздившему по Московскимъ улицамъ: впереди поѣзда ѣхала раззолоченная галера, гдѣ сидѣли Императоръ, генералы, министры, послы; раззолоченными веслами гребли богато одѣтые гребцы. За тѣмъ слѣдовалъ фрегатъ, съ мачтами и пушками; матросы свертывали и развертывали паруса, офицеры производили команду, пушки палили салюты, (сей фрегатъ, названный *Миротворцомъ*, хранился потомъ въ особенномъ зданіи подлѣ Су-

харевой башни и сгорѣлъ въ 1812 году). Шествіе заключалось множествомъ барокъ и шлюпокъ, въ коихъ находились семейство Императора, вельможи, чиновники и почетные люди.

Новый годъ сопровождался обыкновеннымъ празднествомъ. Января 28-го былъ назначенъ Императоромъ послѣдній день мирнаго торжества. Императоръ угощалъ избранныхъ въ Кремлевскомъ дворцѣ; народъ и войско ликовали на площади; день заключился великолѣпнымъ фейерверкомъ и катаньемъ въ саняхъ по освѣщеннымъ Московскимъ улицамъ.

Праздники прекратились, но Императоръ оставался въ Москвѣ. По вскрытіи Москвы рѣки, она покрылась судами, на коихъ готовилась плыть гвардія и Императоръ. Цѣль похода была еще тайною. Полагали, что властитель Россіи хочетъ осмотрѣть давно невидѣнныя имъ области южныя, и съ изумленіемъ узнали настоящую цѣль его предпріятія.

Предписанія, данныя Императоромъ Колле-

гіи иностранныхъ дѣлъ при отъѣздѣ изъ Москвы, показываютъ тогдашнія отношенія Россіи къ Европѣ. Еслибы Турція изъявила сомнѣніе о предпріятіяхъ нашихъ на Персію, предписывалъ Императоръ стараться протянуть время, и отвѣчать, что мы не воевать идемъ, но помогаемъ союзнику укротить бунтовщиковъ. Если въ Польшѣ умретъ Король, то поддерживать выборъ короля изъ Поляковъ, отнюдь не допуская ни какого иностраннаго принца. Съ Швеціею производить разсчеты по разнымъ подробностямъ трактата. Съ Императоромъ говорить о торговлѣ, а на случаѣ угрозы Турковъ и о союзѣ. Съ Франціею поддерживать дружескія сношенія. Съ Даніею переговаривать о сложеніи съ Русскихъ кораблей Зундской пошлины, если она возобновитъ споры о Голштиніи. Съ Испаніею договариваться о торговлѣ и послать резидентовъ въ Испанію, Португалію и Венецію. Если Король Англійскій пожелаетъ мира, соглашаться, но излагая всѣ обиды его,

и утверждая непремѣннымъ условіемъ помощь Голштиніи и выводъ Ганноверскихъ войскъ изъ Мекленбурга.

Видимъ желаніе Императора поддержать и продолжить миръ со всѣми Европейскими Государями, какъ будто его утомило десятилѣтнее испытаніе интригъ Европейской дипломатики, какъ будто онъ хотѣлъ тогда обратить свое вниманіе не на Европу, но на Азію. Такъ отложилъ онъ до времени главный изъ вопросовъ, предложенныхъ имъ политикѣ Европы — отношенія Герцога Голштинскаго къ Швеціи и Россіи. Мы видѣли, что Царь ручался Герцогу за возвращеніе Голштиніи и утвержденіе его наслѣдникомъ Шведскаго престола, обѣщая отдать ему руку своей дочери. Старанія Императора включить Герцога въ Ништатскій трактатъ были безполезны. Упорство Даніи можно было побѣдить только оружіемъ. Не ужели надлежало возобновлять едва только исчезнувшія на сѣверѣ кровавыя явленія войны? Всѣ полага-

*

ли, что Герцогъ Голштинскій долженъ будетъ отказаться отъ всѣхъ своихъ надеждъ и что Императоръ Русскій забылъ свои обѣщанія. При торжествѣ мира Герцогъ и окружавшие его являлись мрачны и невеселы. «Послушай,» сказалъ Императоръ на одномъ изъ разгульныхъ пировъ Бассевичу—«я знаю, что ты на меня сердитъ, и я точно виноватъ, что до сихъ поръ не исполнилъ моихъ обѣщаній, но я вновь обѣщаю тебѣ сдѣлать для твоего Герцога гораздо болѣе—дай время!» Хитрый министръ Голштинскій, другъ и товарищъ Герца, отвѣчалъ смѣло: «Дай Богъ, чтобы на сей разъ слова ваши были достовѣрнѣе прежнихъ вашихъ обѣщаній, а я во всю жизнь мою не прощу себѣ глупости, что повѣрилъ пустымъ обѣщаніямъ и унизилъ потомка Густава Вазы, сдѣлавши его игрушкой вашей политики.» Присутствующіе испугались смѣлости Бассевича, но онъ зналъ съ кѣмъ говоритъ. Императоръ задумался, помолчалъ и отвѣчалъ потомъ: «Хвалю рев-

ность къ твоему государю, и желаю, чтобы и мои подданные такъ ревновали о моей пользѣ. Выпьемъ за здоровье Герцога, а будущее время покажетъ, что ты не напрасно привезъ въ Россію потомка Густава Вазы.» — Въ Москвѣ Герцогъ требовалъ рѣшительнаго отвѣта на предложеніе его получить руку дочери Императора и помощь войскомъ для возвращенія его наслѣдныхъ земель. Узнавъ и полюбивъ юнаго Герцога, Императоръ отвѣчалъ, что онъ согласенъ на супружество его, но пока дѣло о возвращеніи ему родовыхъ земель не будетъ кончено, рѣшиться на то невозможно, ибо тогда *по неволѣ противъ пользы отечества принужденъ будетъ поступать, а польза отечества дороже ему, не только чего либо другаго, но и самой жизни его.* Герцогъ разстался съ Императоромъ дружески. Въ видѣ пособія, Императоръ опредѣлилъ продолжать ему выдачу денегъ, какая производилась во все время пребыванія его въ Россіи, по 3000 рублей въ мѣсяцъ. Бассевичъ

остался въ Россіи. Герцогъ хотѣлъ посѣтить Вѣну, Берлинъ и Стокгольмъ.

Увидимъ, что Императоръ сдержитъ свое слово, и благодатный союзъ потомка Густава Вазы съ дочерью Русскаго Царя сохранитъ на тронѣ Россіи потомство Петра Великаго для славы и величія земли Русской.

РАЗСКАЗЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ДѢЛА СЪ АЗІЕЮ, ВОЙНА ВЪ ПЕРСІИ.

1722 г.

Я видѣлъ Каспія сѣдаго,
Его я грозный слышалъ гласъ:
«Страшитесь, Персы, рока злаго—
Идетъ, идетъ Царь силъ на васъ!»

Дмитріевъ.

. . . Съ Востока злато соберемъ;
Гордыню усмиримъ Китая,
Какъ Кедръ, нашъ корень простирая!—

Державинъ.

Невольно останавливаемся здѣсь, на послѣднемъ рубежѣ жизни и дѣлъ Петра Великаго. Скоро увидимъ мы свѣтило Русской земли склоняющимся къ западу, и сіяющимъ послѣдними, угасающими, хотя всегда свѣтлыми лучами.

Мы обращали вниманіе на дѣла Петра Великаго, какъ государя, политика и полководца, до Полтавской побѣды. Менѣе ли является геній его во всѣхъ означенныхъ отношеніяхъ съ того времени до Ништатскаго мира? Нѣтъ! если еще не болѣе, не величественнѣе прежняго.

Какъ полководецъ, вѣрно разсчелъ великій

властитель Русской земли легкость завоеванія Остъ-Зейскихъ областей и Выборга въ минуту перваго ужаса враговъ, произведеннаго Полтавскою битвою, въ минуты увлеченія союзниковъ паденіемъ Карла XII-го. Укрѣпивъ себѣ завоеванія, онъ готовъ былъ на войну наступательную, такъ же, какъ въ 1705 году завоевавъ Ингерманландію, Нарву, Дерптъ, Шлиссельбургъ. Карлъ XII-й могъ явиться на новую борьбу. Петръ Великій уже не опасался его, обладая Ригою, Ревелемъ, Выборгомъ. Неожиданная война съ Оттоманами отвлекла его отъ предположенной имъ цѣли. Мы не скрыли ошибокъ великаго человѣка въ сей неожиданной войнѣ, но видѣли, что онъ былъ великъ въ ней, какъ полководецъ, и воспользовался тяжкимъ урокомъ, какъ мудрецъ. Пока безумствовалъ Карлъ XII-й въ Турціи, Петръ спѣшилъ отнять послѣднія средства Швеціи. Оставались еще у нея Германскія владѣнія и Финляндія. Великимъ политикомъ въ сношеніяхъ съ союзниками явил-

ся Петръ, увлекая въ войну Пруссію и Ганноверъ, уклоняя посредничество Имперіи и великимъ полководцомъ былъ онъ въ походѣ противъ Штейнбока, пока въ Петербургѣ готовились средства завоевать Финляндію. Двѣ кампаніи легко передали ему всю Финляндію, гдѣ не столько битвы, сколько самый походъ составлялъ затрудненія. Дѣло было кончено. Швеція стѣснена въ ея родныхъ областяхъ. Оставалось *предписать* ей миръ. Но Карлъ XII-й явился въ Швеціи; онъ избралъ *смерть* и *гибель*, но не *миръ*. Какъ искусно воспользовался Царь отношеніями Даніи, Пруссіи, Мекленбурга, Англіи и Голландіи, готовый сразиться съ врагомъ своимъ на дикихъ скалахъ его родины, и какъ быстро и глубоко проникъ онъ Карла XII-го, оцѣнилъ выгоды союза съ нимъ, перемѣнилъ отношенія, уступая союзниковъ ничтожныхъ за дружбу съ Королемъ Шведскимъ! Какое глубоко обдуманное распоряженіе дѣлъ видимъ мы, когда замыселъ Герца разрушается, и какая мудрая само-

надѣянность противъ тѣхъ, кто винитъ политику великаго монарха! Карлъ и Петръ готовы примириться, когда *третій урокъ* тщеты человѣческихъ замысловъ постигаетъ Петра—смерть Карла XII-го (*первымъ* урокомъ называемъ мы Нарвскую битву, *вторымъ* Прутскій миръ). Тогда *одна мысль* остается у Петра Великаго: отлагая замыслы на политику Европы, онъ хочетъ только укрѣпить Россію миромъ, устремить силы ея въ Азію и обратиться къ Турціи. Какая вѣрность разсчета и твердость въ дѣлахъ 1719, 1720, 1721 гг. Миръ у врага исторгнутъ — и какой миръ: *не прорубившій окно*, но *растворившій двери* въ Европу, коихъ уже не затворить никому, достойная мзда двадцатилѣтнихъ трудовъ генія, блестящая награда за войну, которую началъ Петръ Великій съ полуобразованною толпою *Москвитянъ*, а кончилъ повелѣвая *Европейцами*, являясь полководцомъ лучшихъ чужеземныхъ войскъ, начальникомъ Европейскихъ флотовъ, двигателемъ политики Евро-

пейской, сбирая контрибуціи съ богатыхъ городовъ Европы. За долголѣтнюю борьбу съ нимъ Швеція заплатила ему всемъ своимъ величіемъ, а Король Швеціи своею славою и жизнью. И во все сіе время вѣрная политическая система была соблюдена съ Польшею. Петръ *дописалъ* ея исторію. Преемникамъ оставалось дополнить исторію Польши *эпилогомъ*.

Мы видѣли, что въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ войны и политики Петръ находилъ силы, средства и время заниматься всѣми другими дѣлами, всѣми подробностями государственнаго управленія. Такъ и въ теченіе семи лѣтъ, протекшихъ отъ его путешествія за границу въ 1716 году до пребыванія его въ Москвѣ послѣ Ништатскаго мира въ 1722 году, все обращало его попеченіе — законы, флотъ, войско, правосудіе, финансы, хозяйство, все по прежнему, до самыхъ мѣлкихъ подробностей, какъ будто съ годами не старѣлся онъ, не оставлялъ на

время Россіи, не велъ войны, не увлекался политикою и не страдалъ тяжкою скорбью огорченнаго отца. Объемъ нашихъ разсказовъ не позволяетъ намъ входить въ подробное исчисленіе всѣхъ распоряженій и дѣйствій Петра Великаго. Мы только укажемъ, какъ указывали прежде, на главныя черты его дѣятельности.

Сіи годы ознаменованы были особенною заботою Петра Великаго касательно государственныхъ постановленій, промышленности и просвѣщенія народнаго. Прежнія учрежденія дополнялись новыми усовершенствованіями, плодомъ опыта и размышленій Царя. Онъ творилъ уже *для грядущаго*, какъ будто предчувствуя, что ему немногое оставалось въ будущемъ и что долго не дождется Россія достойнаго ему преемника.

Въ 1718 году Петръ Великій осуществилъ мысль Лейбница учрежденіемъ *Коллегій*. Такъ названы были высшія правительственныя мѣста, замѣнившія прежніе *Приказы*.

«Безпрестанныя просьбы не дают намъ покоя,» говорилъ Петръ въ своемъ указѣ, «и хотя мы вѣримъ, что всякому обида горька, но еслибы мы и не были обременены другими трудами, можемъ ли мы сами все разсмотрѣть? Во истину невозможно, не токмо человѣку, но и ангелу. Чего ради, помышляя о благѣ народа и земскомъ справедливомъ управленіи, учиняемъ мы Коллегіи, то есть, собранія, въ коихъ отъемлется прежнее самовластіе судей и все производится общимъ сужденіемъ членовъ.» Коллегіи обнимали всѣ части государственнаго управленія и въ началѣ учреждено было ихъ девять: *Военная*, *Адмиралтейская*, *Иностранныхъ дѣлъ*, *Коммерческая*, *Бергъ и Мануфактуръ* (въ послѣдствіи раздѣленныя), *Камеральная*, *Вотчинная*, *Юстицкая*, *Ревизіонная*. Предметомъ занятій ихъ были назначены войско, флотъ, дѣла внѣшнія, торговля, заводское дѣло, промышленность, доходы и расходы государственные, помѣстья, правосудіе и контроль

финансовый. Президентами Коллегій были опредѣлены *Меншиковъ*, *Апраксинъ*, *Брюсъ*, *Головкинъ*, *Я. Ѳ. Долгорукій*, *Д. М. Голицынъ*. Кромѣ частныхъ разпоряженій, Императоръ составилъ въ 1720 году подробный *Уставъ Коллегіямъ*. Въ 1721 году учрежденъ былъ *Главный Магистратъ*, коему поручались въ хозяйственный надзоръ купечество, торговля, правильное учрежденіе цеховъ и ремеслъ, судъ купецкихъ людей и дѣла ихъ. Ему подчинены были *Магистраты*, учреждаемые во всѣхъ городахъ. Въ 1722 году въ Сенатъ опредѣленъ *генералъ-прокуроръ*, «око государево,» какъ выразился Императоръ, надзиратель порядка и блюститель правосудія въ высшемъ мѣстѣ государственнаго управленія, имѣющій въ каждомъ нисшемъ присутственномъ мѣстѣ своихъ особыхъ чиновниковъ. Въ 1722 году учрежденъ былъ важный чинъ *генералъ-рекетмейстера*, коему поручалось наблюденіе за производствомъ судебныхъ дѣлъ, Онъ былъ *адвокатъ и ходатай народный*, тре-

бующій отчета отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, по жалобамъ ему подаваемымъ.

Кончина царевичей Алексѣя и Петра возбуждала тревожную думу въ душѣ Императора. Кому назначалъ онъ наслѣдіе престола, внуку своему, супругѣ, или дочери, оставалось неизвѣстно. Кажется, Императоръ самъ не могъ рѣшиться, но въ 1722 году велѣно было всѣмъ подданнымъ Императора присягнуть въ томъ что *избраніе наслѣдника зависитъ отъ воли царствующаго государя*, «кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленнаго можетъ паки отмѣнить.» Особенно изданнымъ сочиненіемъ: *Правда воли монаршей*, Царь приготовлялъ умы подданныхъ къ своему рѣшенію, но оно, повторяемъ, было и осталось неизвѣстно.

Въ томъ же году изданъ важный уставъ, о чинахъ, извѣстный подъ именемъ *табели о рангахъ*, коимъ опредѣлялись всѣ гражданскіе и военные чины, раздѣляясь на 14-ть степеней. Изъ нихъ *восемь первыхъ* давали

дворянство каждому, изъ какого званія ни происходилъ бы онъ, съ тѣмъ, что каждый природный дворянинъ, не смотря на чинъ и титулъ отца, долженъ былъ начинать службу съ самаго нисшаго чина. При объясненіи словъ: «знатное дворянство,» Императоръ пояснилъ значеніе ихъ замѣткою: *Знатнымъ считается тотъ, кто болѣе другихъ въ службу годенъ.* Такимъ образомъ нанесенъ былъ послѣдній ударъ мѣстничеству и почету родами, и рѣшительно только трудъ и заслуга опредѣляли всѣ отличія.

Наконецъ, въ 1721 году Царь вознамѣрился ввести въ коллегіяльный порядокъ управленіе духовными и церковными дѣлами въ Россіи. До тѣхъ поръ все еще льстились старовѣры, что онъ назначитъ патріарха. Съ 1700 года, какъ мы уже говорили, правленіе духовными дѣлами предоставлено было Патріаршему Приказу, подъ наблюденіемъ кроткаго архипастыря, митрополита Рязанскаго Стефана Яворскаго, имѣвшаго титулъ *Блюстителя патрі-*

аршаго престола. Нѣсколько разъ самъ Стефанъ напоминалъ о патріархѣ. Императоръ молчалъ. Осматривая однажды вмѣстѣ съ Императоромъ Московскій Успенскій соборъ, Стефанъ осмѣлился замѣтить: «Не прикажетъ ли онъ сломать патріаршее мѣсто? Вѣдь я не сижу на немъ,» прибавилъ Стефанъ. «Правда,» отвѣчалъ Императоръ, «не сидишь, да тебѣ на немъ и не сидѣть, а ломать его не надобно.» Января 25-го 1721 года изданъ былъ указъ объ учрежденіи *Духовной Коллегіи*, или *Духовнаго Соборнаго Правительства.* Императоръ говорилъ въ указѣ своемъ, что «видитъ въ духовномъ чинѣ многія нестроенія и въ дѣлахъ скудость, а къ исправленію лучшаго способа, паче соборнаго правительства, не находитъ, ибо въ одномъ лицѣ всегда не безъ страсти бываетъ, и притомъ видя пастыря духовнаго въ великой чести и славѣ, простолюдины думаютъ, что онъ есть второй государь, самодержцу равный, или еще и больше его, такъ, что не столько на самодержца,

сколько на духовнаго архипастыря смотрять». Февраля 14-го открыты были засѣданія Коллегіи. Въ нее опредѣлены президентомъ митрополитъ Стефанъ, вице-президентами архіепископы Өеодосій и Өеофанъ, совѣтниками 4 архимандрита, ассесорами 4 протоіерея и оберъ-секретаремъ игуменъ. Мысль объ устраненіи духовныхъ дѣлъ отъ власти государя такъ еще была укоренена въ умахъ, что даже въ первомъ засѣданіи Духовной Коллегіи нѣкоторые члены осмѣлились спросить у Императора: «Но развѣ чинъ патріарха уничтожается, хотя о томъ и не сказано?»—«*Я вашъ патріархъ!*» гнѣвно воскликнулъ Императоръ, ударяя себя въ грудь. Вопрошатели умолкли Долговременная привычка видѣть Церковь управляемою безъ патріарха произвела то, что народъ принялъ съ покорностью учрежденіе Духовной Коллегіи. Желая придать ей надлежащую важность, Императоръ наименовалъ ее *Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ*, уравнялъ въ достоинствѣ съ

Сенатомъ и испросилъ граматы вселенскихъ патріарховъ, коими сіе соборное управленіе Россійской Церкви признано было ими равнымъ каждому изъ вселенскихъ патріаршихъ престоловъ.

Въ 1718 году Императоръ издалъ *Уставъ воинскій*, въ 1720 году *Уставъ морской*, въ 1721 году *Регламентъ адмиралтейскій*. Сенатъ, Синодъ, Коллегіи, Магистраты, всѣ прежніе и вновь учреждаемые чины, званія и мѣста получали отъ Царя уставы и учрежденія.

Нельзя безъ изумленія читать всѣхъ сихъ уставовъ и учрежденій, надъ коими трудился самъ Императоръ. Простота, ясность, подробность, стараніе возвысить умы новыми идеями, изъяснить каждому долгъ его, предупредить злоупотребленія, видны во всѣхъ, и каждый притомъ исполненъ мыслей и наставленій, ознаменованныхъ свѣтлымъ взглядомъ и оригинальностью самыхъ выраженій. Такъ въ Военномъ Уставѣ, излагая обязанности каждаго военнослужащаго, Императоръ гово-

рилъ о начальникѣ войскъ: «Ему надлежитъ быть не только мужу великаго искуства и храбрости, но и добраго поведенія, связуя свойства воина добродѣтелью, благочестіемъ и справедливостью. *Храбрость устрашаетъ непріятеля, искуство ободряетъ подчиненныхъ, но только поведеніе привлекаетъ сердца солдатъ и офицеровъ, безъ чего не надежна побѣда.*» Такъ въ Морскомъ Уставѣ говорилъ Императоръ: «Государство, имѣющее войско безъ флота, подобно человѣку съ одною рукою.» Такъ въ уставѣ Синода изъяснялъ онъ пользу просвѣщенія, ставя его, при кротости и благочестіи, обязанностью духовныхъ пастырей. «Лживо думаютъ,» говорилъ Императоръ, «что ученіе есть вина ересей. Невѣжество всегда было причиною расколовъ. Если изъ ученыхъ бываютъ ересіархи, то не ученіе тому виною, но неразумѣніе, гордость и злоба. Кто осудитъ врачество, если врачъ отравитъ кого либо, вмѣсто исцѣленія? Святые мужи Церкви были исполнены науки и ученіе доброе въ госу-

дарствѣ и въ Церкви всякому добру корень и основаніе.» Такимъ образомъ каждое новое учрежденіе передавалось въ народъ съ желаніемъ убѣдить въ пользѣ его. Замѣтимъ три указа Императора: объ отмѣнѣ постовъ въ походѣ; о несовершеніи втораго крещенія надъ иновѣрными христіанами, при переходѣ ихъ въ православіе; о бракахъ иновѣрцовъ съ православными (1718 и 1721 г.). Полагая полезнымъ утвердить ихъ въ народѣ согласіемъ вселенскихъ патріарховъ, Императоръ вытребовалъ подтвердительныя граматы всѣхъ патріарховъ.

Распространяя промышленность, Императоръ безпрестанно заводилъ фабрики и передавалъ ихъ частнымъ людямъ, съ повелѣніемъ увеличивать и улучшать начатыя заведенія. Такъ отдалъ онъ Демидову желѣзныя заводы, Милютину шелковыя, Тамесу и Затрапезному полотняныя фабрики, надзиралъ потомъ самъ за ними, и сіи обширныя заведенія были разсадникомъ множества другихъ заведеній.

Мы сказали, что вниманіе Петра Великаго послѣ смерти Карла XII-го особенно обратилось на дѣла Азіи, хотя и прежде никогда не упускалъ онъ ихъ изъ вида. Средняя Азія (Бухарія, Хива, Зюнгорія), Китай и Персія были здѣсь главными предметами. Торговля, промышленность, богатства Азіи были безпрестанною заботою и причиною посылокъ довѣренныхъ людей для сношеній и собранія свѣдѣній. Къ прискорбію Императора экспедиція Бековича въ Хиву кончилась неудачно. Бековичъ достигъ Хивы, не смотря на трудность похода и сопротивленіе Хивинцовъ. Владѣтель Хивы, видя невозможность защищаться оружіемъ, умѣлъ обольстить Бековича мнимою покорностью, измѣнически захватилъ его и безчеловѣчно перерѣзалъ всѣхъ солдатъ и офицеровъ. Опасеніе возмездія побудило послѣ сего Хивинскаго Хана возмущать Киргизовъ и сосѣдей своихъ противъ Рускихъ, которые застроили тогда южную Сибирскую границу рядомъ новыхъ крѣпостей. Не болѣе

удачи было и въ сношеніяхъ съ Китайцами. Недовѣрчивость и гордость Китайцовъ не допускали никакихъ отношеній кромѣ небольшой торговли караванами въ Пекинъ, гдѣ Рускіе терпѣли всякаго рода притѣсненія. Императоръ рѣшился отправить въ Китай посольсво. Посломъ былъ избранъ капитанъ гвардіи Левъ Измайловъ. Онъ достигъ Пекина, 18-го Ноября 1720 года, и былъ необыкновенно ласково принятъ престарѣлымъ и хитрымъ богдыханомъ Канхіемъ. Изъявляя дружбу Императору, богдыханъ бесѣдовалъ съ Русскимъ посломъ о повелителѣ Россіи и объ отношеніяхъ между Китаемъ и Россіею, передавая свои разныя философическія замѣчанія. «Передай мое слово твоему государю,» говорилъ Канхій—«вотъ слышалъ я, что самъ онъ ходитъ по морямъ и бываетъ въ битвахъ. Но море махина великая, и бываютъ на немъ волны большія и страхъ немалый, и легко можно погибнуть, а также и въ бою смерть всегда близка къ человѣку. Такъ за чемъ же

ему, бывши государемъ великимъ и имѣя людей достойныхъ, за чемъ пускаться самому въ битвы и на море? Онъ долженъ посылать другихъ, а самъ пребывать въ покоѣ. Скажи ему, что я такъ ему совѣтую, и еще скажи, что дружбы съ нимъ никогда я не нарушу, да и какъ намъ воевать? Россія государство холодное и далекое—если я пошлю туда войско, то оно замерзнетъ и погибнетъ. А вамъ какимъ образомъ воевать съ нами? Наше государство жаркое, и люди ваши къ жару не привыкли — пошлете вы ихъ сюда, такъ они всѣ погибнутъ. Сверхъ того, еслибы мы другъ у друга что нибудь и завоевали, то на что намъ? И безъ того у насъ земли велики и пространны!» Но кромѣ добрыхъ совѣтовъ и недорогихъ подарковъ, Канхій отпустилъ Русскаго посла ни съ чѣмъ. Императоръ хотѣлъ воспользоваться позволеніемъ имѣть въ Пекинѣ духовную миссію, и рѣшился отправить въ Китай ученаго, умнаго и благочестиваго духовнаго сановника. Избранъ былъ префектъ

Московской Академіи, *Иннокентій Кульчицкій*. Императоръ лично бесѣдовалъ съ нимъ объ его назначеніи, и посвященный въ санъ епископа Иннокентій отправился изъ Петербурга въ 1721 г.—Китайцы встревожились знаменитымъ саномъ архипастыря и не допустили его въ Пекинъ. Иннокентій опредѣленъ былъ епископомъ въ Иркутскъ, жилъ и скончался тамъ, уже по кончинѣ Петра Великаго. Прославленный чудесами послѣ обрѣтенія нетлѣнныхъ мощей его, сей архипастырь причтенъ былъ Русскою Церковью, въ благословенное царствованіе Александра, къ лику святыхъ, и имя *св. Иннокентія* присоединилось къ именамъ *св. Митрофана* и *св. Димитра*, современниковъ Петра Великаго и угодниковъ Божіихъ. Императоръ не побоялся бы того, что «Китай страна жаркая и Русскій народъ къ ней необыклый.» Оскорбленія, нанесенныя Россіи Китайцами, заставляли его думать объ урокѣ богдыхану. Амуръ не выходилъ изъ памяти Императора. Но отдаленность мѣста и недо-

статокъ средствъ войны заставили его отложить до времени предпріятія противъ Китая. За то онъ не хотѣлъ медлить другимъ, болѣе подручнымъ дѣломъ.

Каспійское море, съ самыхъ первыхъ лѣтъ царствованія представлялось Петру Великому ключемъ къ Азіи, особенно въ послѣдствіи, когда онъ принужденъ былъ возвратить Азовъ Оттоманамъ. Мысль Царя состояла въ проведеніи водянаго пути къ Каспійскому морю изъ средины Россіи соединеніемъ Дона съ Волгою, когда Волга и безъ того была раздольною дорогою къ берегамъ Каспійскимъ. Царь хотѣлъ занять богатыя южныя и западныя прибрежья Каспія, устроивъ крѣпости и на восточныхъ прибрежьяхъ. Первыя открывали ему путь къ овладѣнію закавказьемъ, куда призывалъ его нѣкогда Арчилъ, и потомъ звали преемники Арчила, гнѣтомые властью Оттомановъ и раззоряемые Кавказскими народами и мятежными подданными Персіи, жителями Дагестана и другихъ Каспійскихъ областей. Богатства сихъ

областей, обильныхъ шелкомъ, виноградомъ, красильными веществами, когда легко можно было упрочить тамъ разведеніе тонко-рунныхъ овецъ, лучшихъ породъ лошадей и другихъ произведеній природы, вспомоществуемой искуствомъ человѣка, являли новыя и великія средства Русской промышленности. Торговля находила новыя пути за Кавказомъ и въ Персіи, а крѣпости на восточномъ берегу Каспія передавали Россіи обладаніе Хивою, Бухарою, Ташкентомъ и другими государствами Туркистана. Рускіе могли послѣ сего придвинуться къ самому Китаю союзомъ и зависимостью Зюнгорскаго Койтайши, и распространяясь на югъ, проникнуть въ Индію.

Всѣ сіи, столь обширныя предпріятія должно было начать утвержденіемъ власти Руской на западномъ берегу Каспійскаго моря, и среди самаго разгара Шведской войны Петръ Великій не забывалъ о томъ. Состояніе Персіи давало возможность исполнить великую мысль его. Ужасы междоусобій, возстаніе областныхъ

властителей, раззореніе отъ сосѣдей терзали несчастное Персидское государство. Петръ Великій хотѣлъ предложить Шаху помощь свою, и за то потребовать уступки западнаго Каспійскаго берега. Приготовляя средства, онъ издавна посылалъ описывать Каспійское море, развѣдывалъ пути, способы устройства флота, даже отправлялъ ученаго Шобера описать Дагестанъ и его произведенія. Въ 1715 году Волынскій (въ послѣдствіи столь извѣстный враждою съ Бирономъ и своею несчастною кончиною) былъ отправленъ посломъ въ Персію, когда Соймоновъ (также въ послѣдствіи жертва Бирона) собиралъ подробныя свѣдѣнія о Каспійскомъ морѣ. Оба доставили Царю извѣстія столь удовлетворительныя, что онъ положилъ приступить къ исполненію предпріятій своихъ немедленно. Волынскій, опредѣленный губернаторомъ, въ Астрахани, Соймоновъ въ Москвѣ, Салтыковъ въ Казани готовили перевозныя суда, когда съ Шведами шли переговоры въ Ништатѣ. Полки пошли на Волгу, какъ мы

уже говорили, зимою 1721 года. Императоръ боялся упустить благопріятныя обстоятельства, коими можно было придать благовидность походу Рускихъ.

Бѣдствія Персіи умножило тогда возстаніе Авганцовъ. Сей народъ, издревле подвластный Персіи и обитавшій въ Кандагарѣ, подъ властью храбраго хана Мирвейса успѣлъ сдѣлаться независимымъ отъ Персіи. Сынъ Мирвейса, Миръ-Махмутъ, предводя сильными Авганскими полчищами, рѣшился овладѣть самою Персіею. Сто тысячь войска, имъ предводимаго, вторгнулись въ Персидскія области. Шахъ Гуссеинъ тщетно думалъ собрать войско на защиту. Вассалы Персіи видѣли въ предпріятіи Мирвейса и сына его средства къ своей собственной независимости. Въ Дагестанѣ возстали тогда два смѣлые бунтовщика, *Сурхай*, ханъ Казыкумыцкій, и *Даудъ-Бегъ*, Черкесъ, славный разбоями. Призывая жителей во имя правовѣрія (они были Сунитской вѣры, послѣдоватєли коей ненавидятъ Персіянъ, послѣ-

доватетелей Шіитскаго исповѣданія), Сурхай и Дауд-Бегъ овладѣли Ширванью, Шамахою и другими областями Персидскими. Несчастный шахъ Гуссеинъ, осажденный Миръ-Махмутомъ въ Испагани, трепеталъ за жизнь свою, уже не помышляя о разрушеніи государства. Нѣсколько Русскихъ купцовъ были ограблены и убиты въ Шамахѣ при занятіи сего города Даудомъ. Императоръ объявилъ, что онъ не можетъ оставить безъ удовлетворенія обиды, и кромѣ того, по заключеннымъ съ Персидскимъ Шахомъ договорамъ, считаетъ своею обязанностью помочь союзнику и спасти его отъ погибели. Такимъ образомъ Рускіе являлись защитниками Персидскаго государя, а не завоевателями Персидскихъ областей. Правители Шаха въ Дагестанѣ и Шамхалъ' одинъ изъ сильныхъ тамошнихъ князей, призывали Императора, думая видѣть въ немъ спасителя Персіи. Царь Грузинскій Вахтангъ умолялъ его съ своей стороны о спасеніи отъ Турковъ. Пріобрѣтая себѣ благовидный пред-

логъ овладѣть Каспійскимъ прибрежьемъ, Императоръ не могъ опасаться непріязни Султана, если и предполагалъ, что Турцію могло встревожить появленіе Рускихъ за Кавказомъ. Дѣло казалось столь важнымъ, что Императоръ ни кому не хотѣлъ довѣрить его, и рѣшился отправиться самъ на Каспійское море, лично обозрѣть его западныя прибрежья, и опредѣлить образъ войны и защиты новыхъ завоеваній. Супруга его ѣхала съ нимъ. Онъ бралъ съ собою Апраксина, какъ адмирала, препоручая ему начальство надъ флотомъ. Кромѣ регулярнаго войска, велѣно было идти въ Дагестанъ 15,000-мъ Донцовъ и Малороссійскихъ казаковъ, соединясь съ конницею, которая изъ Астрахани отправлялась берегомъ черезъ Терки. Къ нимъ присовокуплялось еще 40,000 Калмыковъ Аюкихана. Императоръ, съ пѣхотою, артиллеріею и запасами, хотѣлъ переправиться въ Дагестанъ моремъ, пристать ниже Терковъ, и по соединеніи съ конницею, идти до устья рѣки Кура, откуда открыва-

лась возможность водянаго сообщенія съ Тифлисомъ и занятія Грузіи, когда походъ далѣе берегомъ передавалъ Рускимъ южное Каспійское приморье.

Мая 15-го 1722 года Императоръ слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, и послѣ напутственнаго молебна сѣлъ на суда, стоявшія на Москвѣ рѣкѣ, съ супругою, немногими чиновниками, гвардіею и двумя полками. Народъ покрывалъ берега. Изъ Кремля раздавались пушечные выстрѣлы, при звукѣ музыки на судахъ и колокольномъ звонѣ во всей Москвѣ. Вспоминали, что такъ отправлялся Императоръ, за 27 лѣтъ прежде, на свой *первый* воинскій подвигъ, въ походъ Азовскій — не зная, что провожаютъ его *въ послѣдній разъ* на поля брани.

Обозрѣвая свои приволжскія области въ первый разъ, Царь всюду останавливался, все осматривалъ, вездѣ вникалъ въ исполненіе повелѣннаго имъ прежде, приказывалъ вновь, не оставлялъ осмотрѣть ничего достопамятна-

го. Въ Нижнемъ Новгородѣ посѣтилъ онъ соборную церковь, спросилъ, гдѣ гробъ Козьмы Минина и поклонился ему въ землю, говоря: «Здѣсь лежитъ избавитель и спаситель Россіи.» — Долго бесѣдовалъ онъ съ любимцомъ своимъ, архіепископомъ Питирикомъ, о средствахъ обращенія раскольниковъ. Видя по Волгѣ множество судовъ стариннаго, неудобнаго устройства, давно имъ запрещенныя, строго подтвердилъ Императоръ указъ свой о постройкѣ судовъ по новому образцу. Строгановы, знаменитые своими заслугами и богатствомъ, просили позволенія угостить войско. Тогда возвелъ Императоръ родъ Строгановыхъ въ баронское достоинство. Демидовъ былъ пожалованъ въ дворяне еще въ 1718 году. Въ Казани осматривалъ Императоръ верфь, адмиралтейство, кожевенный заводъ. Къ нему явился Казанскій купецъ Михляевъ. Видя бѣдно одѣтаго старика, Императоръ думалъ, что онъ пришелъ съ какою нибудь просьбою. Михляевъ просилъ только посѣтить суконную, за-

веденную имъ фабрику. Императоръ отправился съ нимъ, увидѣлъ, что фабрика Михляева устроена лучше заведенной въ Казани казенной, и подарилъ ему казенную фабрику, говоря: «Доведи только ее мнѣ до такого же совершенства, какъ твоя.» Въ знакъ благодарности Михляевъ поднесъ Императору два блюда, наполненныя червонцами, и просилъ принять. «Тебѣ, государь, теперь деньги на войну надобны,» говорилъ онъ. И въ послѣдствіи не забывалъ Императоръ своего добраго Казанскаго старика. Въ Болгарахъ осмотрѣлъ онъ развалины сего древняго, запустѣлаго города, велѣлъ поддерживать починкою разрушавшіяся зданія и списать надписи на гробницахъ, тамъ находившихся. Въ Саратовѣ явился къ Императору 80-ти лѣтній Аюка, ханъ Калмыцкій. Онъ былъ восхищенъ привѣтомъ Императора и въ восторгѣ восклицалъ: «Теперь пора мнѣ умирать—я видѣлъ моего государя!» Іюня 15-го прибылъ Императоръ въ Астрахань, обозрѣвалъ гостиные дворы, верфь,

церкви, домы, и говорилъ съ Азіятскими купцами о торговлѣ въ Персіи и Индіи. Здѣсь Кантемиръ, бывшій при Императорѣ, перевелъ на Персидскій и Турецкій языки манифестъ, коимъ изъяснялъ Императоръ причины похода, объявляя милость и покровительство всѣмъ покорнымъ жителямъ областей, куда шли его войска, и гнѣвъ противникамъ. Іюля 18-го поплыла изъ Астрахани флотилія, составленная изъ 250-ти судовъ (въ числѣ ихъ было 3 шнявы, 2 бота, 12 гальотовъ и другихъ судовъ, а остальное лодки), на коихъ находились 20,000 человѣкъ пѣхоты, запасы и артиллерія. Десять тысячь конницы, казаки и Калмыки шли берегомъ Каспійскаго моря.

Мысль Царя, какъ мы говорили, была достигнуть устья рѣки Кура. Отсюда хотѣлъ онъ отправить войско на занятіе южнаго прибрежья Каспійскаго и располагалъ плыть по Куру до Тифлиса. Ему хотѣлось окинуть взоромъ своимъ все закавказье.

Неисправность судовъ и позднее отплытіе

изъ Астрахани явились первымъ препятствіемъ. Жаркій, непривычный Рускимъ климатъ составилъ второе затрудненіе, хотя Императоръ предписалъ правила, какъ вести себя, запретилъ ѣсть рыбу и плоды, спать на солнцѣ и на землѣ. Болѣзни истребляли солдатъ. Наконецъ бурное осеннее время и недостатки припасовъ воспрепятствовали полному успѣху. Походъ продолжился до Октября и не ознаменовался ни чѣмъ особенно достопамятнымъ. Появленія Русскихъ войскъ было достаточно уничтожать нестройныя полчища туземцовъ, вездѣ, гдѣ они осмѣливались противиться.

Флотъ остановился у Аграханскаго мыса, ниже устья рѣки Койсу. Императора перенесли на берегъ на рукахъ, ибо за мѣлководіемъ нельзя было подплыть къ берегу въ лодкѣ. Здѣсь разбили лагерь, устроили ретраншаментъ и дожидались конницы до начала Августа, ибо ее задержали трудность пути и сопротивленіе горцовъ, занявшихъ тѣснины близъ деревни Эндери, которую при-

нуждены были взять приступомъ и раззорить. На досугѣ Императоръ купалъ въ Каспійскомъ морѣ небывалыхъ на немъ людей, начавши съ *баса Головина* и себя до старика Апраксина и генерала Матюшкина, который, не боясь пуль и ядеръ, боялся воды и тѣмъ забавлялъ Императора. Оставя отрядъ въ Аграхани, Августа 6-го переправились черезъ рѣку Сулакъ. Здѣсь явились съ изъявленіемъ покорности посолъ Шамхала и Махмутъ, султанъ Аксайскій. Августа 15-го Императоръ прибылъ въ Тархи, мѣсто пребыванія Шамхала. Съ Азіятскимъ великолѣпіемъ угощалъ его Шамхалъ, и Императоръ отправилъ передовой отрядъ войска въ Дербентъ, куда призывалъ его *наипъ*, или намѣстникъ Шаха. Древній городъ сей, съ его вѣковыми стѣнами, *желѣзныя врата* Кавказа, покорялся безъ боя. При переходѣ отъ Тарховъ явился съ покорностью Буйнакскій владѣлецъ Махмутъ, но 19-го Августа Русское войско встрѣтило толпы всадниковъ Утемышскаго Султана. По-

слѣ стремительнаго удара на конницу, встрѣченные штыками пѣхоты, непріятели бѣжали; конница преслѣдовала ихъ и выжгла селенія Утемышцовъ. Августа 23-го Дербентъ встрѣтилъ Русскаго Императора. Наипъ поднесъ ему ключи города. Онъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-маіора. Нѣсколько дней осматривалъ Императоръ достопамятности города и его роскошныя окрестности. Надѣялись, что Баку покорится безъ сопротивленія, но извѣстія оттуда показали противное. Войско выступило въ дальнѣйшій походъ 30-го Августа, остановилось у рѣки Милукенчи, и здѣсь былъ предѣлъ похода Императора. Жестокая буря разбила множество судовъ, на коихъ везли тяжести, и повредила припасы. Другой транспортъ, шедшій изъ Астрахани, принужденъ былъ, за поврежденіемъ судовъ отъ бури, остановиться у Аграханскаго залива. Опасаясь недостатка въ припасахъ, Императоръ обратился въ Дербентъ и выступилъ изъ него обратно въ Россію Сентября

7-го. Утемышцы снова напали на Русское войско. Императоръ послалъ казаковъ и Калмыковъ расплатиться съ ними за дерзость, 29-го Сентября достигъ Аграхани, а 4-го Октября возвратился въ Астрахань.

Письмо Царя въ Сенатъ вполнѣ изображаетъ Персидскій походъ его: «Маршъ нашъ былъ не великъ, но только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и отъ великихъ жаровъ. Насъ всюду принимали смирно и съ пріятнымъ лицомъ, хотя сія пріятность явно говорила: *Что намъ и тебѣ, Іисусе, сыне Давидовъ!* Мы даже рады были какому нибудь случаю подраться, а особливо тѣ изъ насъ, кто еще свиста пуль не слыхивалъ. Утемышцы оказались съ нами неучтивы, и за то мы полюбовались фейерверкомъ, отдавая имъ контръ-визитъ. Можемъ сказать, что *въ здѣшнихъ краяхъ мы ногу поставили и крѣпкое основаніе на Каспійскомъ морѣ получили.*»

Императоръ былъ доволенъ походомъ сво-

имъ. Онъ удостовѣрился въ богатствахъ, какія заключали въ себѣ занятыя Рускими области, и въ легкости завоеванія всего западнаго и южнаго Каспійскаго прибрежья. Онъ понялъ притомъ образъ военныхъ дѣйствій, приличный тамошней мѣстности. Дѣйствія многочисленной арміи затруднялись продовольствіемъ и перевозомъ тягостей, и онъ положилъ имѣть въ крѣпостяхъ Каспійскихъ небольшіе гарнизоны, съ отрядами легкихъ войскъ и казаковъ, которые могли бы сражаться съ горцами и дѣйствовать въ горныхъ областяхъ. Нѣсколько полковъ и нѣсколько пушекъ могли такимъ образомъ содержать въ повиновеніи жителей, и охранять все прибрежье отъ нападеній непріятеля. Надлежало только усилить мѣлкій флотъ на Каспійскомъ морѣ. Дальнѣйшія обстоятельства должно было рѣшить время.

Всѣ сіи распоряженія заняли Императора до половины Декабря. Онъ послалъ къ Шаху Персидскому и Царю Грузинскому, представ-

ляя одному свои успѣхи и обѣщая продолжить пособіе, а другаго преклоняя къ подданству Россіи. Переговоры начаты были съ Шамхаломъ и другими Дагестантскими князьями. Осмотрѣвши теченіе рѣки Сулака, Императоръ заложилъ тамъ крѣпость, назвавъ ее крѣпостью *св. Креста*, и велѣлъ перевесть туда жителей изъ города Терковъ, находившагося на нездоровомъ мѣстѣ. Окрестности велѣно заселить тысячью семействъ Донскихъ казаковъ. Аграханскій ретраншаментъ укрѣпили, устроивъ прочную защиту въ Дербентѣ. Генералъ-маіоръ Матюшкинъ долженъ былъ отправиться весною въ Баку и занять сей городъ, а лѣтомъ распространить занятія областей далѣе на югъ. Въ Казани и другихъ мѣстахъ по Волгѣ приказано зимою строить суда и со вскрытіемъ рѣкъ плавить ихъ въ Астрахань. Винодѣлы и шелководы должны были весною отправиться изъ Астрахани въ Дербентъ и Гилянь, и заняться немедленно своимъ дѣломъ. Императоръ осмотрѣлъ Волж-

скіе рыбные *учуги*, или мѣста рыбной ловли. Индѣйцы, Армяне, Русскіе купцы были призываны къ Императору, и онъ распрашивалъ ихъ о торговыхъ путяхъ въ Азію и плаваніи по Куру (въ устьѣ коего приказывалъ заложить городъ и крѣпость), требуя совѣтовъ касательно распространенія торговли за Кавказомъ. Въ Астрахани начались также переговоры съ Турками, приславшими изъ Арзерума особеннаго посла.

Императоръ обрадовался нечаянному случаю, открывавшему средства легко завладѣть Рящемъ, главнымъ городомъ Гиляни, на южномъ берегу Каспія. Не имѣя силъ защищаться отъ полчищъ Сурхая и Дауда, тамошній Персидскій визирь прислалъ просить помощи Русскихъ. Императоръ приказалъ немедленно выбрать нѣсколько судовъ, и не смотря на бурное время, переправить въ Рящъ изъ Астрахани два батальона пѣхоты. Шиповъ, любимецъ его, вѣстникъ Ништатскаго мира, назначенный начальникомъ въ Рящъ, осмѣлился

замѣтить, что при нападеніи сильнаго непріятельскаго войска, назначенное число солдатъ недостаточно. «Стыдись, Шиповъ!» сказалъ ему Императоръ. — «Стенька Разинъ съ 500 разбойниковъ взялъ Ряцъ и держался въ немъ, а у тебя два батальона регулярнаго войска и ты боишься!» Экспедиція отправилась 6-го Ноября, и успѣхъ ея оправдалъ слова Императора.

Апраксинъ остался въ Астрахани. Императоръ отправился по Волгѣ на своемъástругѣ надѣясь еще достигнуть водою Царицына. Но недалеко отъ сего города льдомъ затерло стругъ и Императоръ принужденъ былъ ѣхать въ Царицынъ сухимъ путемъ.

Онъ остановился на пути въ Воронежѣ, памятномъ для него трудами юныхъ лѣтъ его. Уже много времени прошло, что совершенно на другіе предметы обращено было вниманіе Императора. Съ 1709 года верфь Воронежская оставалась въ запустѣніи; остававшіяся тамъ и въ Тавровѣ суда разрушились. Подробно

осмотрѣвши давно знакомыя мѣста, Императоръ, къ общему удивленію, велѣлъ возобновить Тавровскую верфь и расположилъ строеніе судовъ. Здѣсь скрывалась тайная мысль его: онъ думалъ о Турціи.

Москва ждала Императора. Вѣсти объ его походѣ въ Персію и завоеваніи *Желѣзныхъ вратъ Кавказскихъ*, Дербента, по преданіямъ, построеннаго Александромъ Македонскимъ, казались чѣмъ-то баснословнымъ. Воображеніе народа любитъ чудесное. Торжественныя врата изображали видъ Дербента, и надпись надъ нимъ говорила: «Создалъ *храбрый*—покорилъ *храбрѣйшій*» (Struxerat fortis, tenet fortior). Декабря 18-го Императоръ торжественно вступилъ въ Москву, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Онъ ѣхалъ на Персидской лошади. Передъ нимъ несли ключи Дербента. Вѣрная гвардія Императора слѣдовала за нимъ. Ѳеофанъ привѣтствовалъ его рѣчью. «Благословенъ грядый во имя Господне!» говорилъ витія, «и что другое скажемъ

тебѣ, встрѣчая тебя, коему, во имя Господне походы творящему, спутешествуетъ и предходитъ вѣдающій пути праведныхъ и правящій судьбы Израиля своего? Не Онъ ли и нынѣ явилъ на тебѣ благословеніе, исполняя слова свои: *Отверзу передъ нимъ пути, уравняю горы, врата мѣдяныя сокрушу и вереи желѣзныя сломлю*? Гряди нынѣ—здѣсь тебѣ отверзты сердца, гряди, яко исполинъ радуяся тещи путь свой!» — Торжественное молебствіе было совершено въ Успенскомъ соборѣ. Толпы народа, покрывавшія площадь, съ умиленіемъ смотрѣли на Императора, загорѣвшаго отъ пламенныхъ лучей полуденнаго солнца.

Императоръ пробылъ въ Москвѣ до конца Февраля. Безпрерывныя, разнообразныя занятія знаменовали все время пребыванія его въ древней Русской столицѣ.

РАЗСКАЗЪ
ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПОСЛѢДНІЕ ПОДВИГИ И КОНЧИНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1723, 1724, 1725 г.

Что мы видимъ, Россіяне? Что мы дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Изъ меня познайте, какое бѣдное животное человѣкъ!

Слова Петра Великаго.

Марта 3-го 1723 года Императоръ возвратился въ Петербургъ. Народъ радостно встрѣтилъ его за городомъ. Въ день пріѣзда осмотрѣлъ онъ Адмиралтейство, былъ въ Коллегіяхъ, Сѵнодѣ, Сенатѣ, на разныхъ работахъ, въ отсутствіи его производившихся безостановочно.

Петербургъ являлся уже обширнымъ, торговымъ городомъ. Городовые доходы его составляли болѣе 450,000 рублей въ годъ (въ томъ числѣ таможенныхъ денегъ было собираемо болѣе 200,000 рублей). Число кораблей, приходящихъ въ Кронштадтъ, простиралось до 525. Въ девять послѣднихъ лѣтъ,

какъ во всей Россіи, дополнялъ и улучшалъ въ Петербургѣ своемъ великій хозяинъ его все, чему положены были прежде начало и основаніе. Прежнія малыя зданія замѣнялись новыми огромными; груды хижинъ превращались въ улицы красивыхъ домовъ; верфь дѣлалась обширнымъ государственнымъ заведеніемъ; Нева была покрыта иностранными и Русскими, военными и купеческими судами. Въ 1716 году Адмиралтейство обнесли валами, обсадили деревьями и обвели рвами, почему и назвали его потомъ *Адмиралтейскою крѣпостью*. О дѣятельности работъ на Петербургской верфи можно судить потому, что въ 1718 году спущено было на немъ *два* корабля (*Нептунъ* 70-ти, *Лѣсной* 90-то пушечный), въ 1720 году *четыре* (*Фридрихштадтъ* 96-ти, *Сѣверный Орелъ* 84-хъ, *Астрахань* 66-ти, *Санктпитеръ* 86-ти пушечный), въ 1721 году *четыре* (*св. Андрей* 86-ти, *Миротворецъ* 85-ти, *св. Екатерина* 66-ти, *св. Пантелеймонъ* 66-ти пушечный). Въ 1716

году подлѣ Адмиралтейства заложили каменную церковь *св. Ісаакія Далматскаго.* Въ 1720 году на Литейной построена была лютеранская *Аннинская* церковь. Въ 1724 году кончили каменную биржу. Царь продолжалъ рыть каналы, изъ коихъ упомянемъ *о Крюковомъ* и *Адмиралтейскомъ.* Въ 1719 году въ Кронштадтѣ былъ начатъ знаменитый *каналъ Петровскій.* Заводы и фабрики, казенные и частные, умножались ежегодно; въ 1716 году были основаны Охтенскіе по ро ховые заводы, а въ 1719 году Дудергофская бумажная фабрика и шпалерная мануфактура на Литейной. На Охтѣ Царь поселилъ плотниковъ, построивъ для нихъ церковь во имя св. Іосифа Древодѣла. Въ 1723 году заложили на Васильевскомъ островѣ обширное зданіе, подъ именемъ *Коллегій.* Императоръ хотѣлъ собрать въ немъ Синодъ, Сенатъ, Магистратъ и всѣ Коллегіи, дабы ему удобнѣе было посѣщать ихъ, расположенные въ одномъ зданіи, и безпрерывно наблюдать

за теченіемъ дѣлъ въ каждомъ изъ сихъ высшихъ мѣстъ. — Въ 1718 году Императоръ назначилъ въ столицѣ своей генералъ-полиціймейстера. Въ окрестностяхъ Петербурга, кромѣ Екатерингофа и Анненгофа, супруга Императора построила на Пулковой горѣ, въ Сарской мызѣ своей, дворецъ. Императоръ переименовалъ тогда Сарскую деревню *Царскимъ Селомъ*. Здѣсь, и въ Петергофѣ, который украсилъ Императоръ фонтанами, были любимыя мѣста пребыванія его, и въ послѣдствіи императрицею Елисаветою воздвигнуты были великолѣпные дворцы. Въ 1716 году основана была *Морская Академія*—начало морскихъ училищъ въ Россіи. По возвращеніи изъ Франціи Императоръ привелъ въ порядокъ *Кунстъ-Камеру*, уже богатую рѣдкостями, ибо, кромѣ огромной библіотеки, сюда собирались достопамятности со всей Россіи. — Указомъ повелѣно было присылать въ Кунстъ-Камеру всякихъ *монстровъ* (уродовъ). Библіотека увеличилась вывезенными

изъ Китая Китайскими и Монгольскими книгами. Императоръ помѣстилъ здѣсь кабинеты Рюйша, Себы, Лидерса, присовокупивъ къ рѣдкостямъ и знаменитый Голштинскій глобусъ. Нерѣдко проводилъ онъ въ Кунстъ-Камерѣ по нѣскольку часовъ, выслушивалъ здѣсь дѣла и доклады, и даже иногда принималъ пословъ иностранныхъ. Привлекая посѣтителей къ обозрѣнію рѣдкостей Кунстъ-Камеры, онъ самъ изъяснялъ имъ достопамятности и диковинки, и приказалъ даже угощать всѣхъ приходящихъ водкою и кофе. «Не для себя, а для просвѣщенія моихъ подданныхъ завелъ я Кунстъ-Камеру, и хочу чтобы они приходили и учились въ ней,» говорилъ онъ. Изыскивая всѣ средства для народнаго образованія, Императоръ поставилъ въ Лѣтнемъ Саду своемъ жестяныя изображенія Езоповыхъ басенъ, и подъ каждымъ велѣлъ подписать изъясненіе басни и нравоученіе. Всѣ необыкновенныя явленія природы изъясняли народу особенными описа-

ніями. Съ 1702 года уже издавались въ Россіи газеты, выходили ежегодно календари и умножалось число книгъ. Императоръ самъ прочитывалъ, разсматривалъ рукописи, приказывая переводить по своему назначенію. Кромѣ сочиненій Виньолы, Боргсдорфа, Кугорна, Вобана, изданы и приготовлены были къ изданію географія Гибнера, алкоранъ Магометовъ, исторія Церковная Баронія, исторія Турціи Рико, исторія Татарская Абулгази-Баядуръ хана, исторія Троянская, Пуфендорфово введеніе въ исторію, Квинтъ-Курцій, Аполлодоръ Аѳинейскій, и проч.

Постоянное сообщеніе Петербурга съ Любекомъ учреждено было въ 1723 году посредствомъ двухъ фрегатовъ. Съ 1718 года начато предпріятіе, коимъ облегчалось сообщеніе Петербурга съ внутренними мѣстами Россіи: плаваніе по бурному Ладожскому озеру губило суда и плоты, и Императоръ рѣшился проложить на 100 верстъ каналъ отъ Ладоги, изъ устья Волхова, до истока

Невы близъ Шлиссельбурга. Онъ самъ осмотрѣлъ и измѣрялъ протяженіе мѣста, гдѣ надобно было рыть каналъ, и началъ работу его своими руками.

Невольно увлекаемся мы подробностями дѣлъ Петра, *великаго* равно во всѣхъ дѣлахъ его, обширныхъ и малыхъ, и съ грустью обращаемся къ описанію двухъ послѣднихъ лѣтъ жизни его. «Приходимъ,» говоритъ почтенный историкъ Петра Великаго, Голиковъ, «приходимъ мы къ послѣднимъ годамъ жизни безсмертнаго монарха, и одна мысль о близкой, великой и незамѣнимой утратѣ его омрачаетъ уныніемъ душу. Перо выпадаетъ изъ рукъ»...

Въ числѣ привѣтствовавшихъ Императора по возвращеніи изъ Москвы находился Герцогъ Голштинскій, возвратившійся изъ своего путешествія въ Вѣну и Берлинъ. Съ нимъ прибыли въ Россію два принца Гессенъ-Гомбургскіе, Людовикъ и Карлъ, желавшіе вступить въ Русскую службу. Императоръ не могъ

скрыть своего удовольствія, видя, что потомки владѣтельныхъ князей считаютъ честью служить въ Русскомъ войскѣ. Оба принцы приняты были капитанами гвардіи, съ жалованьемъ по 6000 рублей. Младшій умеръ въ 1728 году. Старшій въ царствованіе императрицы Елисаветы былъ Русскимъ фельдмаршаломъ и умеръ въ 1741 году.

Іюня 20-го Императоръ, уже успѣвшій осмотрѣть всѣ окрестности Петербурга, Сестрорѣцкъ и Кронштадтъ, вывелъ въ море флотъ свой и ходилъ съ нимъ къ Рогервику и Ревелю. Въ Петербургѣ приготовлено было между тѣмъ новое народное зрѣлище. Царь приказалъ привезть изъ Москвы *Дѣдушку Русскаго флота*, и торжественно привелъ его по Невѣ въ Петербургъ изъ Шлиссельбурга. За столомъ Императорскимъ пили за здоровье *маленькаго дѣдушки* и *большихъ внучковъ его*, при громѣ пушекъ съ крѣпости. Августа 7-го Дѣдушка отправился въ Кронштадтъ; его встрѣтили болѣе нежели 50 линейныхъ ко-

раблей и фрегатовъ, галерный флотъ, безчисленное множество мѣлкихъ судовъ, тянувшихся безконечною вереницею изъ Петербурга и Кронштадта. Хозяинъ каждаго дома въ Петербургѣ обязанъ былъ имѣть свою лодку, и въ назначенные и торжественные дни каждый долженъ былъ являться къ смотру съ своею лодкою. Особенный начальникъ назначенъ былъ надъ симъ флотомъ, который называли *Невскимъ*. Корабли и фрегаты, встрѣчая Дѣдушку, были вытянуты въ одну линію. Ими предводили генералъ-адмиралъ Апраксинъ, адмиралъ Гордонъ и самъ Императоръ. Кромѣ того на флотѣ были адмиралъ Крюйсъ, вице-адмиралъ Вильстеръ и контръ-адмиралы Сенявинъ, Сандерсъ и Дюффусъ. Залпъ изъ *тысячи пяти сотъ пушекъ* привѣтствовалъ *Дѣдушку Русскаго флота*. Императоръ объѣхалъ на немъ весь флотъ, управляя рулемъ ботика; другіе флагманы правили парусомъ его и сидѣли въ греблѣ; Меншиковъ былъ лоцманомъ, держа въ рукахъ лотъ. Съ

приближеніемъ Дѣдушки на каждомъ кораблѣ спускали флагъ, били въ барабаны и кричали: *Ура!* Обозрѣніе кончилось громовымъ залпомъ и праздникъ заключился веселымъ пиромъ. Императоръ положилъ праздновать ежегодно 30-е Августа въ честь Дѣдушки Русскаго флота. Въ наше время державный потомокъ Петра Великаго обновилъ сіе празднество. Дѣдушка Русскаго флота, хранящійся въ Петропавловской крѣпости, черезъ сто слишкомъ лѣтъ, снова являлся своимъ потомкамъ и громы тысячи орудій чествовали его явленіе.

Персидскій посолъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, былъ свидѣтелемъ другаго праздника. Послѣ данной ему аудіенціи, въ день *годовщины Ништатскаго мира*, начался и шесть дней продолжался публичный маскерадъ, гдѣ участвовали Императоръ и весь Дворъ его. Народъ угощали роскошно и заключили веселье фейерверкомъ.

Октября 13-го скончалась въ Петербургѣ

вдова царя Іоанна, царица Прасковья Θеодоровна. Императоръ съ почестью предалъ землѣ бренные останки ея въ Невскомъ монастырѣ.

Ноября 15-го обнародованъ указъ о короновании супруги Императора. «Издревле обычай государямъ супругъ своихъ короновать,« говорилъ Императоръ въ указѣ своемъ. «Мы, помня великія заслуги супруги нашей во всѣхъ случаяхъ и дѣлахъ, а наипаче въ Прутской баталіи, коронаціею короны почтить ее намѣрены.» Сей священный обрядъ положено было отправить зимою. Болѣзнь Царя воспрепятствовала распоряженію.

Но болѣзнь его не останавливала дѣлъ. Встрѣчая ботикъ свой, выводя въ море флотъ, пируя въ маскерадахъ, онъ неукоснительно продолжалъ свои предпріятія въ Персіи.

Опасеніе, что занятіе Рускими Персидскихъ областей возбудитъ подозрѣніе и сомнѣніе Турковъ, оправдалось. Турція хотѣла воспользоваться смятеніями Персіи и отнять

у Персидскаго Шаха нѣсколько смѣжныхъ съ ея владѣніями областей. Въ Грузіи Турки владычествовали невозбранно, и сношенія Грузинскаго Царя съ Императоромъ, а особливо появленіе Русскихъ войскъ за Кавказомъ не могли не обезпокоить Султана. Мы видѣли, что уже въ Астрахань являлся къ Императору Турецкій посолъ. Его увѣрили, что Россія не думаетъ занимать Грузіи, и поддержитъ союзъ и дружбу съ Султаномъ, не препятствуя предпріятіямъ Турковъ противъ Персіянъ. Между тѣмъ Миръ-Махмутъ довершилъ свои успѣхи, взялъ Испагань, и шахъ Гуссеинъ погибъ въ тюрьмѣ. Юный, слабый и неспособный ни къ войнѣ, ни къ дѣлу государственному, сынъ его Тахмаспбъ былъ объявленъ шахомъ немногими вѣрными Персіянами. Видя угрожавшую имъ отвсюду гибель, они рѣшились прибѣгнуть къ помощи Рускихъ. Еще при жизни шаха Гуссеина отправился къ Императору Персидскій посолъ, умолять о пособіи, соглашаясь уступить за то области на Каспійскихъ

берегахъ. Между тѣмъ Шиповъ и Соймоновъ заняли Ряцъ, не смотря на споръ противниковъ Россіи. Весною 1723 года мятежники собрались толпами и напали на Рускихъ. Шиповъ уничтожилъ ихъ ночною вылазкою, отнялъ у нихъ пушки и разогналъ толпы ихъ. Въ Іюнѣ Матюшкинъ отправился въ Баку и занялъ сей городъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ по крѣпостнымъ стѣнамъ. Полковникъ Зимбулатовъ овладѣлъ Сальянскою областью. Пока Рускіе распространяли завоеванія, посолъ Персидскій смиренно кланялся въ Петербургѣ Императору, величая его «превзошедшимъ славою Искендера, милостью Феридуна, счастіемъ Мериха.» Важнѣе возгласовъ его былъ трактатъ, заключенный Сентября 12-го, по коему Императоръ обѣщалъ послать войско свое противъ Авганцовъ, а шахъ Тахмасибъ уступалъ ему въ вѣчное владѣніе *Дербентъ*, *Баку*, *Гилянь*, *Астрабатъ* и *Мазандеранъ*. Съ новыми возгласами, уподобляя Импэратора «солнцу, отъ коего все получаетъ

жизнь,» говоря, что онъ «звѣзда среди всѣхъ царей свѣтлѣйшая, и тотъ Богу противится, кто ему противится,» посолъ Персидскій оставилъ Петербургъ. Императоръ могъ послѣ сего дѣйствовать въ уступленныхъ Персіею областяхъ, какъ въ своемъ законномъ владѣніи. Встрѣтились новыя и важныя затрудненія. Всѣ туземные мѣлкіе тираны готовы были возмутиться, слыша о подчиненіи ихъ Россіи, ибо тѣмъ отнималась своевольная власть тамошнихъ Персидскихъ правителей, чиновниковъ и ихъ войскъ, которые властвовали надъ всѣмъ и безпощадно терзали бѣдныхъ жителей. Неудовольствія съ Оттоманскою Портою умножило подчиненіе Султану Сурхая и Дауда, не видѣвшихъ другаго спасенія отъ силы Руских. Объявляя ихъ своими подданными, Султанъ потребовалъ отъ Россіи немедленнаго очищенія областей Каспійскихъ. Неосторожный поступокъ Волынскаго возбудилъ новыя опасенія, когда Волынскій позволилъ царю Вахтангу, отвсюду гонимому, пе-

реѣхать въ Астрахань, съ его Дворомъ и отрядомъ Грузинскихъ войскъ. Наконецъ и самъ несчастный шахъ Тахмаспбъ, не видя нисколько надежды къ спасенію, обольщаемый Турками, окруженный мятежными вельможами, отрекся отъ договора съ Россіею. Войска Персидскія, вопреки трактата, посланы были изгнать Русскихъ.

Возмущенія туземцовъ укротили легко. Только княгиня Сальянская Ханума успѣла измѣнически уничтожить небольшой отрядъ Зимбулатова; онъ и офицеры его были перерѣзаны на пирѣ, куда пригласила ихъ Ханума. Появленіе другаго Русскаго отряда заставило Хануму бѣжать. Важнѣе было возстаніе Шамхала. Съ 25,000-ми горцовъ окружилъ онъ Аграханское укрѣпленіе, но былъ отбитъ. Рускіе мстили ему страшнымъ опустошеніемъ его владѣній. Несчастный Шамхалъ принужденъ былъ просить пощады и отдаться въ руки Рускихъ. Онъ былъ перевезенъ въ Россію и его достоинство уничто-

жено. Дагестанъ покорился. Неболѣе труда стоило уничтожить покушенія Персіянъ въ Гиляни и Мазандеранѣ: 4000 Рускихъ разогнали толпы ихъ въ 1724 году, отнимали у нихъ крѣпости, и въ 1725 году разбили открытымъ боемъ 20,000-е Персидское войско. Непріятель тревожилъ послѣ сего Рускихъ отдѣльными нападеніями, но тревоги сіи такъ мало уважали, что противъ нѣсколькихъ тысячь Персіянъ высылали отрядъ драгуновъ, и они гнали робкихъ непріятелей при первомъ выстрѣлѣ.

Въ 1472 году Императоръ кончилъ договоромъ затруднительныя отношенія съ Турціею. На случай войны велѣно было готовить войско и укрѣпить границы. Но Султанъ, незадолго передъ тѣмъ выдержавшій неудачную войну съ Австріею, не думалъ воевать съ Рускими, и надѣясь найдти болѣе выгодъ въ Персіи, предпочелъ миролюбіе. Ему предоставили Грузію и уступили часть Ширвани и Шамахи. За то договоромъ, заключеннымъ

въ Царьградѣ, 12-го Іюня 1724 года, Султанъ утвердилъ за Россіею уступленныя ей Шахомъ области, даже съ тѣмъ, что если шахъ Тахмасибъ продолжитъ свое несогласіе, Порта Оттоманская обязывается принудить его къ уступкѣ, а при согласіи его, вмѣстѣ съ Россіею, будетъ помогать ему противъ Авганцовъ.

Разумѣется, что *помогать* несчастному шаху Тахмасибу никто не думалъ. Онъ бѣжалъ въ Ширазъ и оставался тамъ до 1730 года, когда сабля смѣлаго разбойника, Тахмаса Кулы-хана возвратила ему Персидскій престолъ. Дальнѣйшія событія въ Персіи и участь пріобрѣтенныхъ Россіею Персидскихъ областей при преемникахъ Императора не относятся къ нашему повѣствованію. При кончинѣ Петра Великаго Россія прочно владѣла всемъ западнымъ и южнымъ прибрежьемъ Каспійскаго моря.

Успѣхъ увѣнчалъ также старанія Царя исполнить обѣщаніе, данное имъ Голштинскому

Герцогу. Предназначая вручить ему руку старшей дочери своей, Императоръ снова потребовалъ отъ Швеціи утвержденія Герцога наслѣдникомъ Шведскаго престола, а отъ Даніи отдачи ему родовыхъ владѣній его. Тревожимый требованіемъ Россіи и посредничествомъ Австріи, Король Датскій принужденъ былъ наконецъ уступить. Герцогъ получилъ часть Шлезвига. Объ остальныхъ Голштинскихъ областяхъ положено вести переговоры. Данія предлагала за нихъ денежную плату. Гораздо труднѣе было устроить дѣло въ Швеціи, раздираемой смятеніями, управляемой королемъ безъ власти, презираемымъ за его мотовство, мѣлкое честолюбіе и соблазнительную жизнь. Фридрихъ, не только явно жилъ съ своею любовницею, графинею Таубе, но даже обвѣнчался съ нею при жизни своей супруги и хотѣлъ передать престолъ дѣтямъ отъ своего беззаконнаго брака. Отношенія Императора въ Европѣ тогда значительно измѣнились. Регентъ Франціи, Герцогъ Орле-

анскій умеръ въ 1723 году. Преемникъ его, Герцогъ Бурбонъ казался другомъ Царя. Онъ возобновилъ предложенія о супружествѣ великой княжны Елисаветы съ Людовикомъ XV-мъ, и желая польстить самолюбію Императора, просилъ продать ему два Русскіе корабля, построенные руками *великаго мастера*, дабы флотъ Французскій могъ гордиться обладаніемъ такой драгоцѣнности. Но перепутанныя отношенія Европейской политики все разрушили. Для окончанія споровъ между Австріею, Испаніею, Франціею и Англіею собранъ былъ конгрессъ въ Камбре (въ 1724 году). Онъ только болѣе перессорилъ всѣхъ государей. Испанія и Австрія заключили союзъ, и къ нимъ присоединилась Пруссія. Съ другой стороны составился союзъ между Франціею, Англіею, Голландіею и Даніею. Персидскія дѣла, по которымъ выходили несогласія съ Турціею, заставили Петра Великаго предпочесть безполезную дружбу Франціи союзу съ Австріею, Испаніею и Пруссіею. Гер-

цогъ Бурбонъ не только прервалъ послѣ того всѣ переговоры, но далъ пристанище во Франціи Станиславу Лещинскому, и въ досаду Императору сваталъ за Людовика XV-го дочь его (бракъ сей совершился въ 1725 году). Съ тѣмъ вмѣстѣ Франція старалась увлечь въ союзъ противъ Россіи Швецію, и агенты Франціи начали руководствовать партіею, начальникомъ коей былъ Арведъ Горнъ, возстававшій противъ вмѣшательства Россіи въ дѣла Швеціи, передачи наслѣдства Герцогу Голштинскому и союза съ Русскимъ Императоромъ. Другая партія составилась подъ предводительствомъ Гилленборга. Она спорила съ Горномъ и потому называлась *Русскою*. Шведскій сеймъ 1723 года былъ бурный и ничего не рѣшилъ. Съ тѣхъ поръ образовались двѣ враждебныя крамолы, терзавшія раздорами Швецію, подъ именами *Шляпниковъ* и *Калпачниковъ*, и политика Швеціи увлечена была подъ вліяніе Франціи. Предоставляя рѣшеніе спора вполнѣ будущему времени, Им-

ператоръ удовольствовался тѣмъ, что Герцогу Голштинскому опредѣлила Швеція по 25,000 талеровъ пенсіи, и сеймъ Шведскій утвердилъ, что при избраніи наслѣдника Фридриху будетъ потребовано согласіе Россіи. Дочери Петра Великаго опредѣлено было въ послѣдствіи рѣшить сей вопросъ. Въ 1725 году заключенъ былъ Императоромъ съ Швеціею союзный и торговый трактатъ.

Прежнюю политику поддерживалъ Императоръ съ Польшею. Король Августъ не смѣлъ и не могъ предпринять противъ него никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Императоръ не изъявлялъ ему ни вражды, ни дружбы. Русскія войска оставались въ Польшѣ подъ разными предлогами, и посолъ Русскій защищалъ *вольность Польскую* даже и тогда когда она переходила за предѣлы умѣренности. Почти каждый сеймикъ и каждый сеймъ оканчивались ссорою — нерѣдко битвою. Въ 1724 году диссиденты Польскіе (такъ называли Поляки всѣхъ не-Католиковъ), выведенные изъ терпѣнія при-

тѣсненіями Католическаго духовенства, возстали въ Торунѣ, разграбили іезуитскій коллегіумъ и убили нѣсколько солдатъ. Католики жестоко мстили имъ за себя. Бургомистръ Реснеръ, нѣкогда защищавшій Торунъ отъ Шведовъ, и девять знатнѣйшихъ гражданъ, были казнены, какъ допустившіе своеволіе. Августъ не смѣлъ заступаться за нихъ, ибо Императоръ не вступался въ споръ Торунскій. Король Прусскій сваталъ въ то время герцогиню Анну Іоанновну за родственника своего, Герцога Саксенъ-Вейсенфельскаго, съ тѣмъ, что онъ получитъ за нею въ приданое Курляндію. Сватовство не состоялось, но переговоры объ немъ вели явно, и Императоръ не спрашивалъ ни воли короля Августа, ни согласія Поляковъ.

Въ 1723 году Императоръ готовилъ важную морскую экспедицію: Русскіе корабли готовились въ *путешествіе кругомъ свѣта.* Поводомъ къ тому было предложеніе Шведскому Королю славнаго флибустьера Моргана·

Язва и гибель Вестъ-Индскихъ морей, гонимые изъ Америки, флибустьеры (такъ называли въ Америкѣ морскихъ разбойниковъ) разбѣжались повсюду. Отважнѣйшій всѣхъ другихъ товарищей, Вилліамъ Морганъ вздумалъ основаться на Мадагаскарѣ, занялъ часть береговъ сего острова, объявилъ себя королемъ его и хотѣлъ отдаться въ покровительство кого нибудь изъ Европейскихъ государей. Онъ избралъ Карла XII-го, предлагая ему свои корабли и своихъ корсаровъ въ войнѣ съ Англіею и Россіею. Карлъ XII-й и Герцъ любили все необыкновенное и вошли въ сношенія съ Морганомъ. Смерть Короля Шведскаго прервала переговоры. Императоръ хотѣлъ узнать подробности дѣла и предложить Моргану свое покровительство, соединяя съ тѣмъ мысль объ открытіи Руской морской торговли въ Индіи. Вице-адмиралу Вильстеру назначались три фрегата и лѣтомъ 1724 г. онъ долженъ былъ отправиться въ путь, нагрузивъ на корабли Русскихъ произведеній. Императоръ снабжалъ

его граматами къ Великому Моголу, препоручая зайдти на Мадагаскаръ. Болѣзнь Императора остановила экспедицію, и онъ отложилъ ее, а безъ того за *восемдесятъ лѣтъ* прежде 1803 года Русскій флагъ возвѣялся бы на моряхъ Индійскихъ.

Важнѣйшимъ изъ внутренныхъ дѣлъ въ 1723 году были распоряженія Императора касательно Малороссіи. Мы видѣли мѣры, принятыя имъ послѣ Полтавской битвы. Въ теченіе 14-ти лѣтъ онъ неуклонно продолжалъ свою систему управленія Малороссіи и постепенно привелъ въ исполненіе мысль свою — уравнять Малороссію съ другими Русскими областями. Не только не слушалъ онъ представленій гетмана Скоропадскаго, но во всемъ ограничивая его, не позволилъ ему даже избрать супруга дочери между Малороссіянами и выдалъ ее за сына любимца своего Толстаго. Зять гетманскій возведенъ былъ послѣ сего въ чинъ полковника Нѣжинскаго. Гетманъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1718 го-

ду, и отказался дать голосъ по дѣлу царевича Алексѣя, не смѣя, какъ говорилъ онъ, судить отца съ сыномъ. Царь не гнѣвался, за его смѣлость и одарилъ гетмана при отъѣздѣ, не выдалъ его потомъ въ тяжбѣ съ Меншиковымъ, но не уважалъ безпрестанной докуки его о вольностяхъ казацкихъ. Многія волости Малороссійскія были забраны на государя, подъ предлогомъ укрывательства въ нихъ бѣглыхъ. Казаковъ Малороссійскихъ посылали на отдаленныя работы и въ пограничную стражу. Рускіе вмѣсто нихъ отправляли военную службу въ Малороссіи. Граматы царей были отобраны у гетмана, подъ предлогомъ разсмотрѣнія ихъ, и въ 1721 году открыта въ Малороссіи *Судебная Канцелярія*, послѣ чего рѣшительно уничтожилась власть гетмана. Онъ пріѣзжалъ въ Москву въ 1722 году, былъ опять обласканъ, но учрежденіе *Малороссійской Коллегіи* слѣдовало за тѣмъ, и когда Скоропадскій умеръ (Іюля 3-го) Императоръ не позволилъ ни кого избирать на

*

его мѣсто. Полковникъ Черниговскій, Павелъ Полуботокъ получилъ временное управленіе Малороссіею, но безъ власти. Доходы гетманскіе были взяты у него. Дѣла производила Коллегія. На новыя просьбы о выборѣ гетмана Императоръ отвѣчалъ, что онъ «пріищетъ достойнаго человѣка, а какъ въ дѣлахъ остановки нѣтъ, то и докучать ему не надлежитъ.» Полуботокъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ и представить свои объясненія Императору. Ему велѣно было молчать. Полуботокъ не унимался, дерзнулъ явиться къ Императору и смѣло заговорилъ ему о прежнихъ правахъ и льготахъ Малороссійскихъ казаковъ. Разгнѣванный Императоръ велѣлъ заключить его въ крѣпость. Несчастный Полуботокъ жестоко заболѣлъ. Императоръ самъ посѣтилъ его въ заключеніи, уговаривая отступиться отъ неумѣстныхъ требованій и обѣщая за то милости и награды. «Онѣ не нужны мнѣ,» отвѣчалъ умирающій Полуботокъ, «и если я не правъ, то насъ разсудитъ не судъ человѣ-

ческій, но Тотъ передъ Которымъ нѣкогда станутъ Петръ и Павелъ, не какъ подданный и царь, но какъ равные человѣки, и кіиждо отъ дѣлъ своихъ прославится или постыдится!» Полуботокъ умеръ въ крѣпости — безполезная и не нужная жертва того, что прошло и не могло, и не должно было возвратиться. Императоръ искренно жалѣлъ объ немъ, но можно ли было ему думать о нелѣпыхъ вольностяхъ казацкихъ при тогдашнемъ состояніи Россіи? Система Императора строго продолжалась. Корпусъ Русскихъ войскъ расположился въ Малороссіи. Малороссійскихъ полковниковъ смѣнили Русскіе. Подозрѣваемые въ несогласіи на распоряженія Императора были удаляемы. Сообщники Полуботка оставались въ заключеніи. Исторія казачества была кончена въ Россіи, хотя еще сорокъ лѣтъ потомъ Малороссія дѣлилась на *полки* и сохраняла названія прежнихъ чиновъ своихъ. Рука Екатерины II-й уничтожила сіи безполезныя формы.

Начало 1724 года ознаменовалось распоряженіемъ Императора, которое также суждено было довершить Екатеринѣ II-й черезъ 40 лѣтъ по кончинѣ его: изданныхъ 31-го Января указомъ всѣ монастырскія и духовныя имѣнія отобраны въ вѣдѣніе особенной Коллегіи при Синодѣ и управленіе ими отнято у духовенства. Число монастырей въ Россіи и монаховъ въ нихъ долженствовало быть ограничено и опредѣлено штатомъ, какъ равно и содержаніе ихъ. Всякое хозяйственное распоряженіе имѣніями предоставлялось Коллегіи. Кромѣ небольшой выдачи на содержаніе монашествующихъ, остальные доходы велѣно обращать на заведеніе при монастыряхъ больницъ и богадѣленъ. Указъ императорскій основывался на цѣли, съ какою получило начало иноческое житіе, и Императоръ доказывалъ въ немъ несообразность мірскихъ попеченій объ имѣніяхъ съ назначеніемъ инока. Опредѣлено было устроить двѣ семинаріи, въ коихъ должны были обучаться люди, предназна-

чаемые для занятія высшихъ духовныхъ степеней. Кончина Императора остановила дальнѣйшее распоряженіе.

Января 22-го Императоръ осуществилъ еще одинъ изъ проектовъ Лейбница — учрежденіе *Академіи Наукъ*. На содержаніе ея опредѣлялось 25,000 рублей, и съ цѣлью распространять ученые труды посредствомъ занятій Академиковъ, Императоръ соединялъ болѣе практическую пользу, ибо при Академіи предположена была Академическая Гимназія, гдѣ приготовлялись ученики къ высшимъ познаніямъ лекціями профессоровъ. Онъ хотѣлъ даже соединить съ Академіею особенное отдѣленіе изящныхъ художествъ — живописи, ваянія, зодчества, рѣзьбы, и кромѣ того механическое отдѣленіе для дѣланія оптическихъ инструментовъ, гравированія, точенія, литья, и проч. Докторъ Блюментростъ, получившій мѣсто придворнаго медика по смерти Арескина, приглашалъ знаменитыхъ мужей къ занятію каѳедръ, и на его предложеніе согласились

многіе ученые люди — Бернулли, Байеръ, Коль, Броссъ, Делиль, Крафтъ, Миллеръ, и другіе. Царь призывалъ даже въ Россію знаменитаго Вольфа и не жалѣлъ ему жалованья. Нашлись люди, осмѣлившіеся порицать мысль Императора, и говорившіе ему, что не видятъ пользы давать деньги Нѣмцамъ, которые будутъ писать объ ученыхъ предметахъ книги, коихъ въ Россіи читать и понимать не кому. — «Правда,» отвѣчалъ Императоръ, «но они приготовятъ намъ такихъ людей, которыя ученыя книги ихъ читать и понимать будутъ. Тогда мы и безъ Нѣмцовъ обойдемся, и сами ученыя книги станемъ писать по Русски. Если плохаго начала не дѣлать, то и дождаться добраго конца нельзя. И развѣ ученыя сочиненія академиковъ, если они принесутъ намъ честь въ Европѣ и докажутъ, что уже и мы, Рускіе, наукою занимаемся, вы ни во что не цѣните? И у кого же мнѣ обо всемъ до науки касающемся спрашивать, если у меня собранія ученыхъ не бу-

детъ? Могу ли я притомъ вполнѣ постигать то, что нужно Россіи, если она ученымъ образомъ описана не будетъ?»

Въ началѣ 1724 года болѣзнь Императора усилилась. Медики успѣли еще разъ помочь Императору. Въ Январѣ онъ посѣтилъ Кронштадтъ и Сестрорѣцкій заводъ. Для большаго укрѣпленія силъ опять отправился Императоръ съ супругою и Дворомъ своимъ къ Олонецкимъ Кончезерскимъ водамъ, Февраля 3-го. Здѣсь кончилъ онъ въ часы досуга изящное костяное паникадило, и отдалъ его въ находившуюся при Кончезерскихъ источникахъ церковь, приложивъ къ нему собственноручную записку: *Приносится въ знакъ благодаренія Господу Богу за цѣлебныя воды, а сдѣлано при оныхъ, Марта 14-го дня, 1724 года* (драгоцѣнное паникадило сіе перевезено потомъ въ Петербургъ и находится въ Кунстъ-Камерѣ). Съ Олонецкихъ водъ Императоръ отправился прямо въ Москву. Дорогою, видя уродливыя хижины и домы крестьянъ въ

мѣстахъ мало посѣщаемыхъ, Императоръ запретилъ строить сплошныя селенія и велѣлъ составить рисунки для крестьянскихъ строеній по всей Россіи.

Въ Москвѣ ожидали Императора Герцогъ Голштинскій, Герцогиня Курляндская, Герцогиня Мекленбургская, губернаторы, знатнѣйшее духовенство и сановники. Какъ будто предчувствуя, что увидятъ своего монарха *въ послѣдній разъ*, издалека и отвсюду съѣхались въ Москву тысячи людей. Коронованіе Императрицы совершилось съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Корону Императрицы цѣнили въ полтора милльона рублей. Особая рота великорослыхъ солдатъ была учреждена для почетной стражи и названа *кавалергардскою*. Она одѣта была богато и уравнена въ чинахъ съ гвардіею. Императоръ въ день коронаціи былъ въ голубомъ, шелковомъ Французскомъ кафтанѣ и въ башмакахъ (сей нарядъ находится нынѣ на восковомъ изображеніи Императора въ Кунстъ-Камерѣ). Всѣ ка-

валеры были въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ, а дамы въ парчевыхъ робронахъ. Два трона поставлены были по срединѣ Успенскаго собора подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Наканунѣ торжества герольды возвѣстили его Москвѣ звукомъ трубъ.

Мая 7-го изъ Кремлевскаго дворца началась великолѣпная процессія, при звонѣ колоколовъ, среди безсчетной толпы народа и полковъ гвардіи, поставленныхъ на площади. «Вы знаете намѣреніе мое короновать мою супругу,» сказалъ Императоръ громко, сидя въ соборѣ на своемъ тронѣ, окружавшему его духовенству. «Исполните сей священный обрядъ.» Онъ самъ надѣлъ корону на главу супруги и вручилъ ей скипетръ. Душа Екатерины такъ переполнилась чувствомъ умиленія, что она заплакала и повергласъ на колѣни передъ своимъ державнымъ супругомъ...

Дивный переходъ отъ Маріенбургской хижины пастора до престола Императорскаго — отъ бѣдной сироты, влекомой въ плѣнъ рукою

Русскаго солдата, до Императрицы, предъ коею преклоняется Россія!...

Столъ былъ отправленъ во дворцѣ со всею церемоніею Европейскихъ Дворовъ. Столовый приборъ былъ золотой. Пальба гремѣла при заздравныхъ кубкахъ. Народъ угощали на площади. Въ слѣдующіе дни начались маскерады, балы, фейерверки. Милости и награды были объявлены многимъ. Въ числѣ награжденныхъ былъ Сербскій митрополитъ, пріѣхавшій въ Москву. Ему дали денежное пособіе и одарили его церковною утварью и духовными книгами. Императоръ купилъ тогда Головинскій дворецъ, огромное зданіе подлѣ дворца Лефортовскаго, и велѣлъ перестроивать его.... Онъ предполагалъ вскорѣ пріѣхать въ Москву и прожить въ ней нѣсколько времени.

Іюня 16-го 1724 года Москва простилась съ Императоромъ навсегда....

По прибытіи въ Петербургъ, Императоръ обозрѣлъ флотъ свой въ Кронштадтѣ, чертилъ

рисунки фонтанамъ въ Петергофѣ, присутствовалъ при освященіи церкви въ Царскомъ Селѣ и отправился осматривать Ладожскій каналъ. Тамъ ожидалъ его человѣкъ достопамятный — *Минихъ*.

Сынъ Голштинскаго инженера, Минихъ на 18-мъ году пошелъ въ битвы, сопутствовалъ принцу Евгенію и Марлборугу и попался въ плѣнъ при Денен̀ѣ (1712 года); бывши въ плѣну во Франціи, познакомился и подружился онъ съ Фенелономъ; въ 1716 году перешелъ въ Польскую; въ 1721 году, послѣ неудовольствій съ любимцомъ Августа, Флемингомъ, въ Русскую службу. Императоръ скоро отличилъ Миниха, умнаго, ученаго, краснорѣчиваго, поручалъ ему многія инженерныя работы, особливо устройство порта въ Рогервикѣ, весьма его занимавшее, и говорилъ, что «никто такъ хорошо не понимаетъ его мыслей и не исполняетъ ихъ такъ, какъ Минихъ.» Зависть противъ новаго любимца воспользовалась затрудненіемъ Миниха, когда

Императоръ передалъ ему окончаніе Ладожскаго канала, начатаго еще въ 1719 году. Издержавъ много денегъ и измучивъ тысячи работниковъ ничего не могли кончить. Минихъ смѣло объявилъ всѣ прежнія работы негодными и представилъ свой новый планъ. Императоръ изумился представленію Миниха, утверждавшаго, что все сдѣланное прежде никуда не годится. Не слушая клеветы враговъ строителя, Императоръ хотѣлъ личнымъ обозрѣніемъ рѣшить споръ на мѣстѣ. Нѣсколько дней бродилъ онъ съ Минихомъ по болотамъ, мѣрялъ, исчислялъ, спалъ на сырой землѣ, убѣдился въ истинѣ словъ Миниха и уполномочилъ его на производство работъ. Но возвратясь въ Петербургъ почувствовалъ онъ пагубныя слѣдствія своей поѣздки. Болѣзнь его страшно усилилась.

Августа 30-го совершена была въ Петербургѣ встрѣча мощей св. Александра Невскаго. Посвятивъ Петербургскую обитель иноковъ имени славнаго предка своего, героя

въ тяжкую годину Монгольскаго ига, побѣдителя Шведовъ на берегахъ Невы и угодника Божія послѣ кончины, Императоръ повелѣлъ перенесть драгоцѣнную раку съ мощами его изъ Владиміра въ Петербургъ, и самъ выѣхалъ на встрѣчу сей святынѣ на великолѣпной галерѣ. На своихъ рукахъ перенесъ онъ раку на галеру, потомъ въ Александро-Невскую церковь, гдѣ изготовлена была новая, великолѣпная серебряная рака. Христіанское благоговѣніе явилъ Императоръ при семъ благочестивомъ обрядѣ. Казалось, предчувствуя близкую кончину, онъ передавалъ угоднику Божію любимый городъ свой и будущую судьбу его.

Усиліе Императора переломить болѣзнь свою при семъ торжествѣ учинило ее болѣе прежняго пагубною. Мучительная *странгурія*, которою страдалъ онъ со времени похода въ Персію, терзала его. Принуждены были прибѣгнуть къ жестокой операціи, нѣсколько облегчившей страданія. Какъ будто вознаграж-

дая двухъ-недѣльное бездѣйствіе, Императоръ дѣятельнѣе прежняго принялся за дѣла, присутствовалъ *въ послѣдній разъ* при спускѣ 64-хъ пушечнаго корабля, названнаго *Дербентъ*, и не смотря на осеннее время, велѣлъ своимъ медикамъ собираться съ нимъ *въ небольшую прогулку*. Напрасно умоляли его отложить поѣздку. Бездѣйствіе болѣе убивало великаго труженика. Небольщую прогулку Императора составило обозрѣніе работъ по Ладожскому каналу и обзоръ желѣзныхъ Олонецкихъ заводовъ (гдѣ все еще мощною рукою, онъ выковалъ полосу желѣза). Отсюда онъ проѣхалъ по Волхову и Ильменю и осмотрѣлъ Старо-Рускія соловарни. По возвращеніи въ Петербургъ чувствовалъ онъ себя лучше и 29-го Октября отправился въ небольшомъ суднѣ на Сестрорѣцкій заводъ. Бурная погода заставила его пристать къ берегу у Лахты. При наступавшей темнотѣ увидѣли въ морѣ большой ботъ, наполненный солдатами. Онъ стоялъ на мѣли и погибель угрожала ему.

Императоръ послалъ на помощь свою шлюпку безпокоился, распоряжался стоя на берегу, и досадуя на нерасторопность посланныхъ, отправился самъ къ утопавшему боту. Не думая о себѣ, онъ бросился въ воду, стоялъ въ ней по поясъ, и радовался, что успѣлъ спасти всѣхъ бывшихъ на ботѣ. Онъ остался ночевать въ Лахтѣ, но въ ночь оказались у него жестокая простуда и лихорадка, такъ, что Императоръ принужденъ былъ воротиться въ Петербургъ.

Крѣпкое сложенiе осилило болѣзнь, хотя она возбудила опасенiя врачей, тѣмъ болѣе, что неутомимый монархъ не оставлялъ ни своихъ занятiй, ни своего образа жизни.

Ноября 24-го совершено было обрученiе Герцога Голштинскаго съ великою княжною Анною Петровною и веселье при Дворѣ продолжалось нѣсколько дней.

Въ Декабрѣ прiѣхалъ въ Петербургъ Грузинскiй царь Вахтангъ. Императоръ обѣщалъ

ему убѣжище въ Россіи и принялъ въ служ-
бу всѣхъ бывшихъ при немъ Грузиновъ.

Истекалъ 1724 годъ. Здоровье Императора слабѣло, но духъ его былъ бодръ и дѣятеленъ на краю могилы. Можно судить о трудахъ его по изданнымъ въ 1724 году указамъ: число ихъ простиралось до 220 и они обнимали всѣ части государственнаго правленія. Императоръ издалъ въ семъ году: *инструкцию генералъ-провіантмейстеру, морской торговый уставъ, тарифъ, регламентъ Коммерцъ-Коллегіи, штатъ провіантской канцеляріи, инструкцию магистратамъ.* Въ числѣ указовъ были: повелѣніе о переводѣ книгъ; о посылкѣ въ Силезію для обученія овцеводству; о заведеніи метрическихъ книгъ; объ усовершенствованіи выработки пеньки съ Россіи; о посылкѣ миссіонеровъ въ Калмыцкіе улусы; о сочиненіи краткаго изложенія объ обязанностяхъ христіанина; о росписаніи полковъ по губерніямъ; объ удаленіи судей отъ сужденія дѣлъ ихъ родственниковъ; объ устрой-

ствѣ Сибирской линіи; о заведеніи торговой компаніи для торга съ Испаніею; объ устройствѣ бичевниковъ по рѣкамъ; объ устройствѣ дорогъ, и проч. Между тѣмъ безпрерывно помышлялъ Императоръ объ изданіи новаго полнаго Уложенія и подтвердилъ о собраніи всѣхъ указовъ и законовъ, дабы изъ нихъ составитъ кодексъ Россійскаго законовѣдѣнія — мысль, исполненная черезъ сто лѣтъ по кончинѣ его, въ благословенное царствованіе императора Николая. Собственноручными письмами распоряжалъ Императоръ всѣми дѣлами.

Правосудіе его было, какъ всегда, неумолимо. Огорчаемый несправедливыми поступками, пристрастіемъ и особенно мздоимствомъ многихъ высшихъ чиновниковъ, Императоръ показалъ въ послѣдніе годы своего царствованія нѣсколько грозныхъ примѣровъ правосудія надъ знатнѣйшими сановниками. Въ 1721 году былъ преданъ казни знаменитый вельможи, *князь М. П. Гагаринъ*. Двѣнадцать лѣтъ онъ былъ правителемъ Сибири, и надѣясь на

родство и связи, забылъ свои обязанности, обогащался неправедно, торговалъ правдою въ судѣ. Вопли угнетенныхъ и страждущихъ дошли до Императора. Онъ предалъ Гагарина суду. Напрасно обвиненный не жалѣлъ денегъ и подарковъ. Дружба Меншикова, родство Головкина и Шафирова (сынъ Головкина былъ женатъ на дочери Гагарина, а сынъ Гагарина женатъ на дочери Шафирова), заступленіе Императрицы — ни что не спасло преступника, тѣмъ болѣе, что явно уличаемый, Гагаринъ упорно не сознавался. Онъ былъ повѣшенъ 18-го Іюля 1721 года. — Во время отсутствія Императора въ Персію безчинная ссора началась въ присутствіи Сената между Меншиковымъ и Шафировымъ. Многіе другіе приняли въ ней участіе, и по возвращеніи Императора взаимныя улики открыли позорныя дѣла и постыдное мздоимство нѣкоторыхъ сенаторовъ. Заслуги Шафирова не спасли его отъ наказанія. Онъ былъ осужденъ на смертную казнь и 15-го Февраля 1723 года возве-

ненъ на эшафотъ. Здѣсь объявлено было ему помилованіе. Императоръ перемѣнилъ казнь на вѣчную ссылку въ Сибирь. Въ Январѣ 1724 года казненъ былъ любимецъ Императора, оберъ-фискалъ Нестеровъ, обличенный во мздоствѣ. Въ Ноябрѣ того же года отрубили голову любимому каммергеру Императрицы Монсу-Делакруа, а сестра его, вдова генерала Балка, была сослана въ Сибирь. Пользуясь милостью Императрицы, Монсъ и Балкъ преклоняли вѣсы правосудія и обогащались подарками и взятками. Императрица со слезами умоляла за нихъ своего супруга. Онъ гнѣвно велѣлъ ей молчать. Она не хотѣла умолкнуть, просила, плакала, и въ гнѣвѣ ударивъ рукою въ огромное Венеціянское зеркало, Императоръ разбилъ его. «Видишь ли?» — воскликнулъ онъ. — «Довольно одного удара руки моей, и оно обратилось въ ничтожество, изъ котораго было создано!» — «Воля ваша, государь,» отвѣтствовала кротко Императрица, «но лучше ли сталъ дворецъ вашъ, когда вы уничтожили

одно изъ его лучшихъ украшеній?» — Разтроганный Императоръ обнялъ супругу свою, но остался не преклоненъ. — Такъ погибла на эшафотѣ красавица Гамильтонъ, фрейлина Императрицы, уличенная въ дѣтоубійствѣ. Императоръ обнялъ и поцѣловалъ несчастную, когда она была осуждена. «Мой другъ!» сказалъ онъ ей — «ты не должна сѣтовать на меня за твое осужденіе. Благодари Бога, что Онъ позволяетъ тебѣ страданіемъ здѣсь искупить твое преступленіе, а я невольный исполнитель моего долга!»

Новый 1725-й годъ Императоръ встрѣтилъ обычнымъ празднествомъ, слушалъ литургію и проповѣдь Ѳеофана въ Троицкомъ соборѣ и пировалъ во дворцѣ. Января 3-го онъ имѣлъ еще силы участвовать въ веселомъ маскерадѣ: избирали новаго Князя-Папу на мѣсто прежняго, не задолго передъ тѣмъ умершаго. Избиратели шли въ кардинальскихъ одеждахъ. Ихъ встрѣтили стукомъ въ пустыя бочки, и запертые въ конклавѣ, они избрали какого-

то весельчака, которому опредѣлены были жалованье, квартира, *и водки и пива, сколько онъ выпить можетъ.* Января 6-го Императоръ явился еще передъ своими полками на Іордани. На другой день онъ утвердилъ трактатъ о союзѣ съ Австрією и Испаніею, и въ тотъ же день далъ собственноручное наставленіе капитану Витусу Берингу, назначенному въ ученую экспедицію: ему велѣно было построить въ Камчаткѣ два судна и на нихъ плыть изъ Камчатки къ сѣверу, доколѣ будетъ можно, дабы узнать окончательно: раздѣляется ли Азія отъ Америки проливомъ? Даже 13-го Января Императоръ разсматривалъ еще представленный ему проектъ *вѣчнаго движенія* (perpetuum mobile) и чертилъ корабельныя пропорціи....

Но уже рука смерти тяготѣла надъ главою избранника Божія. Вѣчность раскрывалась передъ нимъ.

Болѣзнь Императора, безпрерывно усиливаясь, Января 16-го достигла ужасающей сте-

пени. Мужъ великій былъ побѣжденъ тѣлесными страданіями, и повергнутый на одръ скорби, стеналъ жалостно въ минуты нестерпимой боли. Онъ являлся твердъ въ другія мгновенія, и какъ будто стыдясь своей слабости, сказалъ окружавшимъ его: *Изъ меня познайте, какое бѣдное животное человѣкъ!* Вскорѣ увидѣли врачи, что исцѣленіе больнаго было не во власти человѣческой. Но самъ онъ, казалось, не предчувствовалъ близкой кончины, то терзался болѣзнью, то лежалъ въ усыпленіи. Ни кто не смѣлъ напомнить ему о распоряженіи наслѣдствомъ. Января 22-го поставили походную церковь передъ его спальнею, отслужили обѣдню и Императоръ пріобщился св. Тайнъ. Велѣно было отправлять молебствія о здравіи государя. Церкви Петербургскія были наполнены молящимся народомъ. Въ смутномъ безмолвіи ожидалъ роковой вѣсти Петербургъ. Января 26-го предложили Императору собороваться. Благоговѣйно исполнилъ онъ сей священный обрядъ и впалъ

послѣ сего въ совершенное усыпленіе. Знатнѣйшіе вельможи и духовенство уже не оставляли дворца. На другой день, какъ будто опомнившись, Императоръ велѣлъ подать себѣ бумагу и перо, но слабая рука его чертила только несвязные знаки, гдѣ едва могли разобрать начальныя слова: *Отдайте все*... Онъ велѣлъ позвать великую княжну Анну Петровну, хотѣлъ диктовать ей и не могъ... Языкъ его коснѣлъ и онъ произносилъ невнятные звуки... Присутствовавшіе не удержали слезъ. Нѣкоторые поверглись передъ нимъ и цѣловали руку его. «Послѣ!» внятно промолвилъ онъ. Всѣ вышли изъ комнаты. Архіепископы Ѳеофилактъ и Ѳеофанъ приступили къ одру умирающаго съ бесѣдою вѣры, надежды и любви. Подъемля къ верху уже омертвѣлые глаза и хладѣвшія руки, умирающій едва внятно твердилъ: *Едино сіе услаждаетъ меня и жажду мою утоляетъ*! *Вѣрую и уповаю*! *Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію*! Онъ склонился на подушку и не говорилъ ничего болѣе. Слыш-

но было иногда слабое стенаніе. Лѣвая рука, пораженная параличемъ, не двигалась, но правою шевелилъ онъ судорожно. Дыханіе и стонъ стихали. Тогда подступилъ къ Императору архіепископъ Ѳеофилактъ и спросилъ: не благоволитъ ли онъ пріобщиться въ напутствіе св. Таинъ, и если согласенъ, то поднялъ бы правую руку. Радостно взглянулъ умирающій, приподнялъ немного правую руку свою и пріобщенъ былъ св. Причастія. Онъ забылся потомъ, успокоился, стонъ его прекратился — дыханіе постепенно ослабѣвало — тяжкая ночь длилась — въ 6-мъ часу пополуночи, Января 28-го 1725 года, Петръ Великій кончилъ земное бытіе. Для него начались *жизнь за гробомъ* и *безсмертіе на землѣ*.

Императрицу едва могли уговорить оставить одръ умирающаго супруга, близъ коего провела она сряду нѣсколько дней и ночей. Услышавъ о кончинѣ Императора, она лишилась чувствъ. Вопли и рыданія наполнили дворецъ.

Народъ и войско рыдали и плакали неутѣшно.

Черезъ нѣсколько часовъ изданъ былъ указъ Синода и Сената, гдѣ, извѣщая о кончинѣ Императора, объявляли народу о восшествіи на престолъ супруги его, *императрицы Екатерины Алексѣевны*.

Въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, на берегахъ Каспія, въ древней Москвѣ, вѣсть о кончинѣ Императора поразила неутѣшною скорбью товарищей трудовъ его, еще столь недавно видѣвшихъ его неутомимымъ, дѣятельнымъ. Онъ казался безсмертенъ. *Сорокъ два года* царствованія пріучили всѣхъ видѣть въ Петрѣ Великомъ какое-то провидѣніе Россіи. Многихъ тревожила мысль и о томъ, что будетъ послѣ него.

Петръ Великій скончался 52 лѣтъ, 7 мѣсяцовъ, 29 дней. Отъ вступленія его на престолъ совершилось 42 года, 7 мѣсяцовъ, 3 дня. Самодержавіе его, съ 1689 г., продолжалось около 36 лѣтъ; единодержавіе, съ

1696 года, болѣе 29-ти лѣтъ; царствованіе съ императорскимъ титуломъ около 4-хъ лѣтъ. Императорское семейство по кончинѣ его, кромѣ императрицы Екатерины Алексѣевны, вдовы Императора, составляли три дочери: великая княжна Анна (обрученная невѣста Герцога Голштинскаго) и великія княжны Елисавета (16 лѣтъ) и Наталія (7-ми лѣтъ); внукъ, сынъ царевича Алексѣя, великій князь Петръ (10 лѣтъ); внучка, великая княжна Наталія, и три племянницы, дочери царя Іоанна, *Екатерина*, герцогиня Мекленбургская, *Анна*, вдовствующая герцогиня Курляндская, и великая княжна *Прасковія*. У герцогини Екатерины была дочь, принцесса *Анна Леопольдовна* (7 лѣтъ).

Набальзамированное тѣло Императора выставлено было въ одной изъ залъ Зимняго дворца, гдѣ онъ скончался. Тысячи приходили къ нему. *Отецъ нашъ! оставилъ ты насъ!* восклицали многіе, рыдая и лобызая охладѣвшую руку Императора. Февраля 13-го пе-

ренесли гробъ въ великолѣпно убранную траурную залу; 12-ть сенаторовъ и генераловъ ежедневно дежурили у гроба.

Марта 4-го общая печаль умножилась неожиданною кончиною малолѣтной великой княжны Наталіи Петровны. Гробъ ея поставили рядомъ съ гробомъ великаго родителя ея. Марта 10-го утромъ началось погребеніе Императора. Болѣе 12,000 гвардіи и другихъ полковъ стояли на льду Невы. Чиновники несли короны, ордена, регаліи Императора — Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, Рѣпнинъ, Аллартъ, Толстой шли за гробомъ. Петропавловскій соборъ не былъ еще тогда конченъ. Въ немъ устроили временную крышу, освятили его, и здѣсь отданъ былъ послѣдній долгъ Императору.

Архіепископъ Ѳеофанъ взошелъ на каѳедру и произнесъ надгробное слово. «Что се есть?» воскликнулъ онъ въ началѣ. «До чего мы дожили, о Россіяне? Что видимъ? Что дѣлаемъ?

Петра Великаго погребаемъ!» Рыданія пресѣкли рѣчь его.

На медали, выбитой въ память кончины Императора, изображались *заходящее солнце;* Петръ Великій, несомый въ небеса Вѣчностью; Россія, окруженная аттрибутами флота, наукъ и художествъ, съ надписью: *Виждь, какову оставилъ тя!*

Гробъ Петра Великаго оставался по срединѣ Петропавловскаго собора, подъ балдахиномъ, до 1731 года. Въ сіи немногіе годы смѣнились на престолѣ супруга его и внукъ. Гробъ супруги его былъ поставленъ рядомъ съ его гробомъ. Внукъ умеръ и былъ похороненъ въ Москвѣ. Императрица Анна, вступившая на Россійскій престолъ, прислала изъ Москвы указъ предать землѣ бренные останки Императора. Минихъ, уже бывшій тогда графомъ, генералъ-губернаторомъ Петербургскимъ и президентомъ Военной Коллегіи, явился въ соборъ съ немногими чиновниками, Мая 29-го. Александро-Невскій архимандритъ

Петръ Смѣличъ совершилъ панихиду. Глухо прогремѣли пушки съ валовъ крѣпости, когда въ приготовленный въ соборѣ склепъ тихо опустили *гробъ Петра Великаго.*

Черезъ сорокъ лѣтъ (29-го Августа 1772 г.) у гроба Великаго Царя совершилось великолѣпное торжество. Екатерина II-я, въ присутствіи своего блестящаго Двора, возложила на гробницу его *флагъ Турецкій*, отнятой на водахъ Архипелага. «Возстани, Петръ, и воззри на плоды трудовъ твоихъ!» возглашалъ краснорѣчивый Платонъ.

Прешелъ вѣкъ, смѣнились годы, цари и событія. Въ 1803 году, празднуя *столѣтіе* Петербурга, императоръ Александръ положилъ на гробницу Петра Великаго медаль, гдѣ изображенъ былъ портретъ его, съ надписью: *Отъ благодарнаго потомства.*

Императрица Анна хотѣла воздвигнуть памятникъ Петру Великому и заказала его Растрелли. Памятникъ былъ отлитъ изъ бронзы, уже въ 1744 г., но и тогда не былъ постав-

лепъ. Императрица Екатерина II-я, чтя память великаго Царя, вызвала въ Петербургъ художника Фальконета и препоручила ему сооруженіе памятника болѣе величественнаго. Работа продолжалась около 20-ти лѣтъ. Императрицѣ донесли объ огромномъ гранитномъ камнѣ, лежащемъ на морскомъ берегу близъ Лахты и называемомъ *Громъ*. Здѣсь, проѣзжая въ Сестербекъ, иногда останавливался Петръ Великій, всходилъ на верхъ громаднаго камня и смотрѣлъ на море. Повелѣно было перевезть сію громаду въ Петербургъ, и на *нерукотворномъ подножіи* ($7\frac{1}{2}$ саж. въ длину, 3 саж. въ ширину, 2 сажени въ вышину) художникъ поставилъ изображеніе Петра Великаго, на конѣ, попирающемъ ногою змія. Съ двухъ сторонъ камня изображены были надписи (сочиненныя Сумароковымъ): *Петру Первому Екатерина Вторая, лѣта 1782 — Petro primo Catharina secunda, MDCCLXXXII.* Въ 1782 году открытъ былъ сей памятникъ, на площади между Сенатомъ и Адмиралтей-

ствомъ. Противъ него, на другомъ краю Сенатской площади, Екатерина опредѣлила воздвигнуть великолѣпный храмъ, въ память дня рожденія Петра Великаго. Ветхая церковь св. Ісаакія стоявшая на мѣстѣ Сената, была уничтожена, и новый *Исакіевскій соборъ* заложенъ былъ въ 1768 году. Но Екатерина не дожила до окончанія его. Императоръ Павелъ велѣлъ поставить противъ своего новаго Михайловскаго дворца памятникъ Петра Великаго, изваянный Растрелли, надписавъ на подножіи его: *Прадѣду правнукъ*, и приказалъ наскоро достроить, начатой Екатериною, соборъ Исакіевскій. Несообразность окончанія внушила императору Александру мысль перестроить его вновь. Въ 1819 году начато было *обновленіе* достопамятнаго храма въ громадныхъ размѣрахъ. Высота его предположена болѣе 300, ширина до 180-ти, куполъ болѣе 80 футовъ. Мы уже видимъ его нынѣ возникшій въ изумительной красотѣ — 44 столба, изъ цѣльныхъ кусковъ Финляндскаго

гранита, въ *8 саженъ вышиною* каждый, подпираютъ четыре портика его, и лѣсъ колоннъ, взброшенныхъ на высоту, окружаетъ куполъ, издали ярко горящій позолотою. Благодатному вѣку императора Николая, благоговѣющаго къ памяти великаго предка, суждено увидѣть окончаніе храма, достойнаго памяти Петра Великаго.

По повелѣнію Императора Николая воздвигнутъ бронзовый *памятникъ Петру Великому* въ Кронштадтѣ.

Тщательно хранятся всюду въ Россіи слѣды Петра Великаго —зданія, имъ воздвигнутыя, суда его, оружіе, одежда. Ими наполнено драгоцѣнное отдѣленіе Кунстъ-Камеры Петербургской, извѣстное подъ именемъ *Кабинета Петра Великаго.* Преданіе народное указываетъ на мѣста, гдѣ останавливался, отдыхалъ, бывалъ Петръ Великій. Вѣковыя деревья ознаменованы во многихъ мѣстахъ именемъ Петра, начиная съ дуба въ саду Коломенскомъ, до дубовой рощи, насажденной его

руками въ окрестностяхъ Петербурга. Ветхій, деревянный Троицкій соборъ сохраняется въ Петербургѣ донынѣ въ первоначальномъ видѣ его. Подлѣ него *домикъ Петра Великаго.*

Если войдете въ Петропавловскій соборъ въ Петербургской крѣпости южными дверьми, направо у стѣны храма увидите вы каменное *надгробіе*, не отличающееся отъ другихъ, рядомъ съ нимъ стоящихъ. Противъ сего надгробія, передъ образомъ апостола Петра, увидите вы костяное паникадило, и на налоѣ лежитъ костяной рѣзной крестъ, оба изящной работы.

Сердце ваше скажетъ, кто покоится подъ симъ надгробіемъ. Колѣна ваши преклонятся невольно и святое безмолвіе запечатлѣетъ уста ваши: здѣсь бренные останки того, чье имя не изгладятъ вѣка, чей памятникъ *Россія*, имъ пересозданная. Молитесь и благоговѣйте: вы видите *могилу Петра Великаго.*

РАЗСКАЗЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, КАКЪ ЦАРЬ, ЧЕЛОВѢКЪ И ИЗБРАННИКЪ СУДЕБЪ. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

...Размышлялъ я: каковъ Тотъ, Который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море — дхнетъ духъ его — и потекутъ воды, прикоснется горамъ — и дымятся! Но мысли человѣческой положенъ предѣлъ — божества постигнуть мы не можемъ, а если человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найдти надобно — кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю!..

Ломоносовъ.

Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ.
Премудрыхъ умъ не постигаетъ,
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?

Державинъ.

Имена *великихъ* такъ часто, такъ легко были расточаемы современниками, и столь многія изъ нихъ были оспорены потомствомъ у тѣхъ, кому придавали ихъ, и люди такъ извѣрились въ величіе, что мы, потомки Петра, готовы отвергнуть названіе *великаго*, говоря о нашемъ Петрѣ. Чѣмъ болѣе удаляется отъ насъ исполинскій образъ его, тѣмъ онъ громаднѣе становится, тѣмъ явнѣе спадаетъ съ него все тлѣнное, все земное, все человѣческое, и тѣмъ ярче свѣтитъ въ немъ знаменіе неба, являющее «избранника Божія,» и названіе *великаго* кажется намъ для него уже недостаточнымъ.

Повторять *исчисленіе* подвиговъ его, говорить, что онъ создалъ въ Россіи флотъ и войско, водворилъ просвѣщеніе, возродилъ промышленность, раскрылъ источники силъ и богатствъ, и ограничиться только такимъ исчисленіемъ, было бы недостаточно.

Міровое явленіе вѣковъ, Петръ Великій можетъ быть постигнутъ тогда только, когда постигнута будетъ судьба Россіи и опредѣлится мѣсто ея въ исторіи всемірной.

Громадное явленіе Россіи и ея отдѣльность отъ образованія Европы, когда она принадлежитъ Европѣ, ея религіозная, политическая и нравственная самобытность, ея народность, сліяніе Сѣвера съ Югомъ, Запада съ Востокомъ, Европы съ Азіею, ея мѣстность, ея исторія, ея харатеръ, умѣющій все принять и все освоить себѣ, сохраняя свою самостоятельность, все показываетъ, что Россіи приготовило провидѣніе великое дѣло въ исторіи человѣчества. Вѣки слагали вещественную громаду силъ Россіи, и когда Россіи долж-

но было двинуться въ Европу, *явился Петръ*, вдохнулъ жизнь въ вещество, закрылъ промежутокъ времени и пространства своею всемогущею волею, и переставилъ *Азiатское царство* въ среду *Европейскихъ государствъ*.

Не страсть къ войнѣ и ученью, возбужденная чьимъ либо примѣромъ, была источникомъ дѣлъ Петра Великаго, и не теоретическое развитiе опредѣленной въ началѣ мысли была жизнь его. Онъ родился *предназначенный*, онъ совершалъ *предопредѣленiе Божiе*, онъ *не могъ жить иначе*, и бытiе его составлялъ подвигъ его. Потому провидѣнiе одарило его изумительными тѣлесными силами къ перенесенiю труда его жизни; потому воля его была непобѣдима и умъ его былъ всеобъемлющъ; потому онъ былъ полководецъ и законодатель, создатель идеи и возсоздатель ея въ вещественности. Указывать на ошибки его нельзя, ибо мы не знаемъ: не *кажется* ли намъ ошибкою то, что необходимо въ будущемъ, для насъ еще не настав-

шемъ, но что онъ уже провидѣлъ. Дѣла и мысли Петра Великаго были не только на его вѣкъ, но на всю будущую исторію Россіи послѣ него. Потому императрицы Анна и Елисавета, не слѣдуя по стопамъ его, потому императрица Екатерина и императоръ Николай, слѣдуя по стопамъ его, одни не могли разрушить началъ Петра, а другіе развивали начала Петра. Драгоцѣнное твореніе составило бы описаніе и исчисленіе всѣхъ, не только огромныхъ и главныхъ, но и частныхъ дѣлъ, распоряженій, мыслей, замѣтокъ Петра Великаго, все о чемъ намѣкалъ онъ въ своихъ письмахъ, запискахъ, наставленіяхъ, словахъ. Такая книга была бы *зерцаломъ царей Русскихъ*, завѣтною книгою нашею и нашихъ потомковъ, ибо каждое твореніе генія должно быть предметомъ изученія вѣковъ. Мы только сочувствуемъ истинѣ и благу и стремимся къ нимъ, но въ геніи они самосущны: онъ не можетъ не быть добръ и благъ, какъ солнце не можетъ не свѣтить, вода не можетъ

не двигаться, пламя не можетъ не стремиться въ высоту. Потому Петра Великаго, какъ еще другихъ немногихъ — весьма немногихъ, повторимъ—нельзя сравнивать съ кѣмъ либо: онъ самобытенъ, какъ геній, разрѣшающій всѣ предѣлы бреннаго бытія человѣческаго.

Таковъ нашъ Петръ. Но сколь драгоцѣнное, поучительное изученіе представляетъ онъ, когда разсматриваемъ жизнь и дѣла его, какъ *человѣка*, какъ *государя*, какъ *явленіе*, связанное узами жизни. Здѣсь все безцѣнно намъ. Дѣла Петра Великаго изображаютъ его намъ, но умъ человѣческій любитъ многообразное созерцаніе предмета съ различныхъ, опредѣленныхъ точекъ. Такъ мы созданы — дѣлить недѣлимое, объединять многоразличное.

Мы говорили о внѣшнемъ видѣ Петра Великаго. Красавецъ въ юности, онъ сохранилъ во всю жизнь величественную красоту, пламень взора, тѣлесную силу, хотя лѣта и труды сгорбили нѣсколько его высокій, строй-

ный станъ, и онъ сдѣлался тученъ, лицо его поблѣднѣло, здоровье разстроилось, съ лѣтами усилилось несносное дрожаніе головы, и онъ чаще прежняго подвергался припадкамъ задумчивости, изъ коихъ только шутки любимцовъ и нѣжность супруги могли извлекать его. Но до самой кончины немногіе могли переносить огонь его гнѣвнаго взора, и никто безъ умиленія не могъ внимать его простаго, ласковаго привѣта, слушать его дружескую бесѣду и его кроткія наставленія. Рѣчь его, быстрая и порывистая, сверкала умомъ, но онъ былъ краснорѣчивъ и увлекателенъ, если хотѣлъ убѣдить кого либо. Въ Русскую рѣчь любилъ онъ вмѣшивать иностранныя слова, но глубоко понималъ онъ силу Русскаго слова, изучивъ духъ, характеръ и свойства Русскаго народа. Въ тѣлесныхъ занятіяхъ онъ былъ неутомимъ — ловко ѣздилъ на лошади, отлично дѣйствовалъ ружьемъ , и немногіе лучше его стрѣляли, или превосходили его, когда онъ принимался

за весло. Безстрашно взбирался онъ на мачту, ходилъ по высотамъ, лазилъ по высокимъ подмосткамъ, бросался въ море съ корабля и смѣло плавалъ въ волнахъ его. По нѣскольку дней могъ онъ переносить голодъ, холодъ, безсонницу.

Умъ Петра Великаго изумлялъ обширностью, глубиною, разнообразіемъ идей. Ему все было доступно — ученая диссертація и грубый чертежъ машины, философическое разсужденіе и рѣчь простолюдина. Каждый предметъ, не только обнималъ онъ со всѣхъ сторонъ, но открывалъ новыя стороны его и приспособлялъ ихъ къ общимъ идеямъ, наполнявшимъ его безмѣрное воображеніе. Память его была необыкновенная. Черезъ двадцать лѣтъ узнавалъ онъ человѣка, одинъ разъ имъ видѣннаго, и не забывалъ словъ, мимоходомъ ему сказанныхъ. Любопытство его было неудовлетворимо ни чемъ. Каждый поражавшій его предметъ обращалъ его вниманіе, были ль то блокъ, новымъ образомъ

выточенный, лопата крестьянина, земледѣльческія грабли, проектъ финансовъ, крѣпость, мѣльница, пушка. Обо всемъ онъ требовалъ объясненія, составлялъ записку, отмѣчалъ размѣръ, бралъ модель и рисунокъ. Но проницательность немедленно показывала ему ничтожность предмета, и никакіе возгласы и хитрости не могли въ такомъ случаѣ увлечь его.

Охота къ ученію была, какъ будто врожденна ему, и познанія Петра Великаго были изумительно разнообразны. Кромѣ знаній, необходимыхъ предводителю войскъ и начальнику морскихъ ополченій, Петръ вообще преимущественно любилъ однакожь знанія математическія, особенно черченіе плановъ, и пріобрѣлъ притомъ обширныя свѣдѣнія въ физикѣ, химіи, астрономіи. Языки изучалъ онъ, какъ пособіе для науки, почитая словесность - собственно забавою, и также смотря на изящныя художества. *Полезное* было для него всегда цѣлью, и для сей только цѣли

изучалъ онъ исторію, географію, богословіе, и зналъ множество ремеслъ и художествъ механическихъ. Онъ былъ кузнецъ, токарь, плотникъ, каменщикъ, какъ былъ онъ солдатъ и матросъ. Преданіе говоритъ, что онъ *не умѣлъ только лаптя сплесть*, но онъ самъ починивалъ свои башмаки, былъ довольно искусный хирургъ — рвалъ зубы, пускалъ кровь. Нерѣдко самъ онъ стряпалъ себѣ кушанье въ дорогѣ и въ походѣ. Достигнувъ полезнаго, устроивъ войско и флотъ, Петръ началъ думать и объ изящномъ, пригласилъ къ себѣ Леблона и Растрелли, покупалъ картины и статуи, украшалъ сады фонтанами, и въ наукѣ хотѣлъ уже роскоши, желая передать Европѣ также *ученую*, а не только *воинскую* славу Россіи.

Изъ сихъ-то тѣлесныхъ качествъ, душевныхъ свойствъ и многосторонняго образованія составился самобытный, огненный, дивный характеръ Петра Великаго, соединеніе противоположностей, великій, какъ ввѣренная ему

Богомъ Россія, какъ она едва объемлемый умомъ человѣческимъ.

Въ частной, семейной жизни добродѣтели человѣка и христіанина соединялись въ Петрѣ Великомъ. Онъ былъ добрый сынъ, нѣжный братъ, любящій супругъ, чадолюбивый отецъ, домовитый хозяинъ, тихій семьянинъ, вѣрный другъ. Добродушная простота видна была въ его домашнемъ бытѣ, занятіяхъ, привычкахъ. Благочестіе его было искреннее и глубокое, при ненависти къ суевѣрію. Превосходно зная Священное Писаніе, онъ наизусть зналъ Церковный Кругъ, любилъ пѣть, читать въ церкви. Забвеніе ошибки и вины было у него готово виновному. Далѣе нѣсколько чертъ введутъ насъ въ частную жизнь безсмертнаго монарха.

Собственно вся жизнь Петра Великаго была *трудъ безпрерывный*, и только перемѣна занятій составляли у него *отдыхъ* и *досугъ*. Не говоря о безпрестанныхъ путешествіяхъ и походахъ, гдѣ все отдавалось труду, жив-

ши дома онъ всегда вставалъ въ 3 часа по полуночи. Часъ времени посвящалъ онъ чтенію книгъ и газетъ; въ четыре часа, выпивши рюмку водки, надѣвалъ лѣтомъ свой сѣрый казакинъ, или поношенный мундиръ, и въ цвѣтныхъ чулкахъ, съ кортикомъ на боку, съ *дубинкою* въ рукѣ, съ простою шляпою или картузомъ на головѣ, а зимою въ шапкѣ изъ сѣрыхъ мерлушекъ, въ красномъ на мѣху казакинѣ и въ длинныхъ сапогахъ, отправлялся пѣшкомъ, или лѣтомъ въ крашеной одноколкѣ, либо на лодкѣ, а зимою въ пошевняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, въ Адмиралтейство и на строенія. Въ 6 часовъ утра былъ уже онъ въ Сенатѣ и Коллегіяхъ. Здѣсь оставался онъ до 11-ти часовъ. Кончивъ трудъ свой, выпивалъ онъ здѣсь, или заѣзжая въ *Австерію*, рюмку водки, и заѣдалъ ее кренделемъ. По возвращеніи домой наступалъ часъ пріема просителей. Въ 12-ть часовъ по полудни Петръ садился за обѣдъ, съ своею сем[illegible] и двумя, тремя гостями. Ему клали особенныя ложку,

вилку и ножикъ, ставили особую кружку его. Щи, студень, ветчина, каша, жареная утка съ груздями, пирогъ, кусокъ рѣдьки или сыра, рюмка вина, кружка пива, квасъ, вода составляли трапезу. Кушанья подавали прямо съ очага, ибо столовая была подлѣ кухни. Деньщикъ услуживалъ за столомъ. Слугъ не было. Столъ продолжался недолго. Петръ ложился отдыхать и спалъ часъ и два. Проснувшись, въ халатѣ, или канифасной курткѣ, и въ калпакѣ, принимался онъ за дѣла. Къ нему являлись министры, генералы, чиновники. День заключался чтенiемъ книгъ, газетъ, черченiемъ плановъ, рисунковъ, или занятiемъ въ токарной комнатѣ. Въ заключенiе всего Петръ пересматривалъ свои замѣтки, отмѣчалъ исполненное, записывалъ, что надобно было исполнить, и въ 10-ть часовъ вечера ложился спать послѣ легкаго ужина. Костюмъ его никогда не измѣнялся. Только чистое, тонкое бѣлье изъ Голландскаго полотна была роскошь, которую онъ позволялъ себѣ. Любимое

платье нашивалъ онъ до заплатокъ и Императрица сама штопала чулки его. Иногда онъ обѣдывалъ за-просто у своихъ любимцовъ, у купцовъ, даже у матросовъ, заѣзжая къ нимъ изъ Сената и Коллегій. Занятія дѣлами разнообразились у него до безконечности: на верфи принималъ онъ пословъ; въ Сенатѣ писывалъ письма и немедленно посылалъ ихъ съ курьерами. Подавать ему прошенія, или объясняться съ нимъ, могли вездѣ, даже встрѣтясь на улицѣ. Иногда важный докладъ министра на работѣ въ Адмиралтействѣ прерывался словами: *Постой!* Петръ бралъ топоръ, пилу, стругъ, указывалъ, какъ дѣлать, работалъ самъ, и обращался опять къ докладчику съ словомъ: *Продолжай!* — Никто не смѣлъ *величать* его — говорили просто. Онъ называлъ другихъ: *братецъ*, *братъ*, *дѣдушка*, *дядя*, или по прозвищу, по имени: *Данильичъ*, *Шафировъ*, *Петръ*, *Иванъ*. —Почувствовавши голодъ, въ гостяхъ, на работѣ, дома, онъ приказывалъ подать себѣ что нибудь съѣсть или

*

выпить, и былъ доволенъ тѣмъ что дадутъ —рюмкой сивухи, кускомъ чернаго хлѣба. Супругу свою всегда называлъ онъ *Катенькою*. Занимаясь большими письменными работами, онъ запирался въ своемъ кабинетѣ и посвящалъ имъ иногда по 14-ти часовъ въ день. Иногда просыпался онъ ночью, требовалъ огня, записывалъ что ему приходило на мысль и засыпалъ снова. Безчисленное множество писемъ писалъ онъ самъ, и ни одна записка, ни одинъ указъ не проходили безъ отмѣтокъ, помарокъ, прибавокъ его рукою. Важныя бумаги переправлялъ онъ по нѣскольку разъ, и удивительная краткость и точность знаменовали все выходившее изъ рукъ его. Иногда Петръ любилъ повеселиться въ домашнемъ кругу. Сходились у кого нибудь за-просто. Время проходило въ разговорахъ; кубки и бокалы ходили по рукамъ. Съ трубкой табаку, Петръ садился равно подлѣ фельдмаршала и подлѣ корабельнаго мастера, ибо въ общество его собирались всѣ безъ чиновъ. Онъ лю-

билъ играть въ шахматы, и иногда, шутя вмѣшивался въ танцы. На *ассамблеяхъ*, или вечернихъ собраніяхъ, которыя учредилъ онъ въ кругу своихъ приближенныхъ, изгнаны были принужденность и чинность. Увеселенія тогдашнія вообще были просты и могли бы показаться грубыми при Дворѣ Людовика XIV-го. Петръ любилъ шутку простую. При Дворѣ его были шуты и карлики, хотя онъ не терпѣлъ *дураковъ* и *дуръ*, коими набиты были дворы старинныхъ бар. Плясали на самыхъ балахъ, кто какъ умѣлъ. Театръ не существовалъ, ибо нельзя назвать театромъ грубыхъ тогдашнихъ сценическихъ зрѣлищъ.

Уничтоживъ недоступность прежнихъ царей, отмѣнивъ Азіятскую чинность и великолѣпіе дворское въ жилищахъ, одеждѣ, во всемъ окружавшемъ его, Петръ не думалъ, что простота его наряда и обращенія могли казаться странностью чужеземнымъ государямъ или министрамъ ихъ. Онъ ни для кого не измѣ-

нялся и въ Парижѣ ходилъ въ своемъ сѣромъ кафтанѣ.

Но если перейдемъ къ характеру Петра, какъ государя, онъ преображается передъ нами. Здѣсь другой Петръ — и какое величіе!

Дѣла его, какъ его умъ, прежде всего поражаютъ насъ обширностью взгляда и всеобъемлемостью воззренія: его ни что не изумляло, ни что не останавливало, на все великое былъ онъ готовъ, и всегда ставилъ онъ цѣль свою далѣе того что ему представлялось. Таковъ былъ онъ въ юности, еще безъ опыта жизни, таковъ и въ старости, уже прошедшій путь жизни тяжелый и многотрудный.

Онъ играетъ съ Потѣшными — и воображеніе его уже представляетъ ему полки воиновъ, предводимыя имъ къ побѣдамъ. Едва увидѣлъ онъ ботикъ прадѣдовскій—и уже въ мысли его корабли покрываютъ моря, которыя еще надобно завоевать. Едва есть у него нѣсколько плохихъ кораблей, онъ уже воюетъ на Черномъ морѣ. Онъ чувствуетъ преимущество об-

разованія Европейцовъ — и оставляетъ тронъ свой, спѣшитъ за предѣлы Россіи, хочетъ видѣть Европу вблизи. Онъ возвращается съ плодами своихъ наблюденій — и уже заключаетъ союзъ на войну противъ Швеціи, хочетъ отнять у нея Балтійское море. Только что нога его стала на Балтикѣ, онъ уже мыслитъ обладать всѣмъ Балтійскимъ приморьемъ. Торжествуя побѣду, ставши между великими государями Европы, онъ не отвергаетъ огромныхъ предложеній императора Іосифа; ведя войну съ Швеціею, онъ спѣшитъ сразиться съ Султаномъ; воюетъ моремъ и землею противъ Карла XII-го, увлекая своихъ союзниковъ, и не отрекается отъ предпріятій Герца, готовый подать руку дружбы своему неукротимому врагу. Оканчивая войну съ Швеціею, онъ уже готовитъ походъ въ Персію, мыслитъ покорить Каспійское море и прямо съ торжества мира идетъ на новое дѣло. Едва кончилъ онъ его, и уже въ мысли его возведеніе зятя на Шведскій престолъ и новый союзъ съ Импе-

раторомъ, предпріятіе въ Китай, возобновленіе войны съ Турціею. Такъ для него мало было введенія регулярныхъ войскъ — онъ хочетъ имѣть ихъ грозныя и великія; мало было заведенія флота — онъ хочетъ обладать четырьмя морями, къ Россіи примыкающими, посылаетъ корабли въ Индію, велитъ искать прохода между Азіею и Америкою. Не довольно ему было начать торговлю и промышленность Россіи — онъ хочетъ передать Рускимъ торговлю заграничную, открыть пути торговые въ Индію, усвоить Россіи всѣ вѣтви Европейской промышленности, извлечь изъ нѣдръ Россіи источники промышленныхъ богатствъ и разработать все, что сокрыто на ея безмѣрномъ пространствѣ. Такъ перенося въ Россію науки и художества, онъ уже мыслитъ объ ученой славѣ Рускихъ. Мысль его всегда впереди настоящаго, всегда далѣе цѣли, имъ достигаемой. Предпринимая реформу законовъ, онъ объемлетъ уставами всѣ части государственнаго управленія. Когда онъ ви-

дитъ потребность водяныхъ сообщеній въ Россіи, его не устрашаетъ мысль соединить Волгу съ Дономъ, Донъ съ Окою, или проложеніе Ладожскаго канала на 100 верстъ и водныхъ путей къ Балтійскому морю черезъ лѣса и пустыни сѣвера.

Съ обширностью взгляда соединяется у него быстрота исполненія. Все мгновенно переходило у него изъ *мысли* въ *дѣло*. Такъ начинались двѣ войны его съ Турціею, война съ Швеціею, война съ Персіею. Но къ сему присовокуплялись у него изумительная твердость и непобѣдимое постоянство въ исполненіи. Никакія препятствія не затрудняли его и цѣлые годы непреклонно стремился онъ къ исполненію своей мысли. Посмотрите, какъ мужественно переноситъ онъ Нарвскую неудачу, двадцать лѣтъ сражается съ Карломъ XII-мъ и Швеціею, и послѣ побѣды принуждаетъ непріятелей къ уступкѣ его завоеваній. Во внутреннихъ преобразованіяхъ тщетно вооружались противъ него преступное че-

столюбіе Софіи, дикое изувѣрство Стрѣльцовъ, темное невѣжество раскольниковъ, возставали родные, кипѣли бунты, крамолы, сверкали ножи окрестъ него — онъ все низпровергалъ своею всесильною волею.

Какъ царь, соединялъ онъ въ себѣ всѣ необходимыя свойства государя великаго.

Онъ былъ природный воинъ и великій полководецъ. Военныя познанія пріобрѣлъ онъ въ изумительномъ разнообразіи, и — примѣръ едвали не единственный — соединилъ въ себѣ знанія сухопутнаго и морскаго воина, адмирала и генерала, самъ испытавъ службу солдата и матроса. Какъ храбрый солдатъ, какъ отважный морякъ, безстрашно шелъ онъ на баттарею, взлѣзалъ на непріятельскій корабль съ топоромъ въ рукѣ, шелъ неутомимо въ походѣ, весело плылъ по бурной бездиѣ моря. Онъ былъ инженеръ, артиллеристъ, штурманъ, капитанъ корабля, пѣхотинецъ и наѣздникъ, но во главу всего онъ былъ великій полководецъ. Разсмотрите планъ вой-

ны его послѣ Нарвской битвы до вступленія Карла XII-го въ Россію, или съ сего времени до Полтавской битвы, и послѣ сей битвы до Прутскаго похода; походъ въ Померанію и Голштинію; планъ завоеванія Финляндіи; войну съ 1718 по 1721 годъ; походъ въ Персію, и даже самый походъ Прутскій, не смотря на неудачу, смѣлый и превосходно разсчитанный. Перейдите послѣ сего на поле битвы и вспомните искусный выводъ Русскихъ войскъ изъ Вильны въ 1705 году, битву подъ Лѣснымъ, битву Полтавскую, битвы подъ Тоннингеномъ. Нельзя не удивляться, что Русскіе военные писатели до сихъ поръ не раскрыли и не показали намъ дарованій Петра Великаго, какъ полководца.

Онъ былъ великій политикъ. Здѣсь должны мы опровергнуть простолюдинское мнѣніе, которое съ ужасомъ говоритъ о политикѣ Ришельё, Іоанна III-го, Людовика XI-го, Вильгельма III-го, и проклинаетъ глубокомысленныя творенія Макіявеля. Тотъ не постигъ

обязанностей и долга царей, кто требуетъ въ ихъ государственныхъ дѣлахъ добродѣтелей частнаго человѣка и простаго гражданина. Отвергаемъ безчеловѣчіе, коимъ иногда сопровождались дѣла великихъ дѣятелей міра, и безсовѣстность, какую государственная политика считала иногда необходимою. Отвратительна низкая пронырливость своекорыстія дипломатическаго, но едвали когда бываютъ совмѣстны съ долгомъ государственнаго человѣка простодушіе и совѣстливость простаго гражданина.

Мы не будемъ доказывать, что были справедливыя причины къ войнѣ Петра Великаго съ Швеціею, не станемъ оправдывать поступковъ его съ Польшею, или причинъ завоеванія имъ Персидскихъ областей. Цѣль великая и успѣхъ должны быть оправданіемъ царя и министра — цѣлью Петра были величіе и благоденствіе Россіи, а успѣхъ доказалъ вѣрность его предпріятій. Когда Петръ оставляетъ безъ возмездія обиды пос-

ловъ своихъ въ Царьградѣ и смерть Паткуля, должно ли винить его въ слабости? Назовемъ ли вѣроломствомъ, если онъ ведетъ переговоры съ Герцомъ, отступается отъ союзниковъ для дружбы съ Карломъ XII-мъ, или несправедливостью преслѣдованіе имъ добродѣтельнаго Станислава, жестокостью опустошеніе Швеціи съ 1719 по 1721 годъ? Такихъ поступковъ, такихъ мѣръ требовали отъ него политическіе разсчеты его, и какъ превышаетъ онъ въ семъ случаѣ мѣлкую интригу, ничтожное своекорыстіе своихъ современниковъ, робкихъ, медленныхъ, близорукихъ! Какое хладнокровіе и твердость въ дѣлахъ съ Польшею, какая ловкость и уклончивость въ дѣлахъ съ Турціею съ 1711 года! Необходимыми жертвами политки во внутреннихъ дѣлахъ были казнь Стрѣльцовъ, преслѣдованіе ѳеократизма, уничтоженіе правъ Малороссіи и Донцовъ. Могъ ли Петръ Великій увлекаться неумѣстною жалостью, онъ, для блага и счастія Россіи не пожалѣвшій родна-

го сына, приносившій въ жертву отечеству самого себя, свои наслажденія, свое спокойствіе, свою жизнь?

Да, онъ всемъ пожертвовалъ Россіи, все отдалъ онъ ей, и никогда не мыслилъ онъ о себѣ, бросаясь въ пылъ битвъ, въ утлой ладіи плывя по бурнымъ морямъ, подставляя грудь свою подъ ножи убійцъ, забывая сонъ и пищу, работая на верфяхъ, стуча молотомъ, копая заступомъ, странствуя безпрерывно, пренебрегая нѣгу и величіе дворское. Ни лѣта, ни болѣзни неукрощали его дѣятельности. Горести сердца, скорби души, онъ все забывалъ для Россіи.

Здѣсь обращаетъ вниманіе наше то, что многіе ставятъ въ обвиненіе Петра: его стремленіе всюду быть самому и все исполнять самому.

Не будетъ оправдывать его, если скажутъ, что онъ подвергалъ жизнь свою опасности, какъ простой солдатъ или матросъ, забывая, что жизнь его дорога, что на жизни его осно-

вывается все будущее Россіи. Здѣсь оправданіе Петра въ тайномъ сознаніи голоса провидѣнія, неслышно вѣщавшаго ему: «Падутъ окрестъ тебя тысячи и тмы одесную тебѣ, но къ тебѣ не приблизится гибель!» Но что все принималъ онъ на самого себя, все хотѣлъ самъ исполнить, все мыслилъ поднять на раменахъ своихъ, оправданіе его очевидно: онъ создавалъ Россію, и то состояніе, въ какомъ онъ засталъ ее, не могло дать ему людей, которые вполнѣ понимали бы его мысли, вполнѣ совершали бы дѣла его. Все создавалъ онъ — дѣла, средства, дѣятелей. Вѣкъ его еще не могъ явить Потемкиныхъ, Суворовыхъ, Ломоносовыхъ. Великое свойство государя мудраго является и здѣсь въ умѣньи Петра Великаго узнавать, избирать людей, употреблять ихъ сообразно ихъ дарованію, мирить ихъ страсти, направлять самые недостатки ихъ къ цѣли. Съ нимъ всѣ были хороши, и подъ его рукою, съ его умомъ, какой блестящій рядъ мужей незабвенныхъ заслугами являет-

ся окрестъ него: Меншиковъ, Долгорукій, Головкинъ, Шереметевъ, Толстой, Шафировъ. Голицынъ, Рѣпнинъ, Румянцовъ, Бестужевъ, Остерманъ, Брюсъ, Минихъ, Геннингъ, Вейде, люди разныхъ свойствъ, и всѣ равно безсильные, едва переставали дѣйствовать ими умъ и воля Петра.

Мы видѣли бережливость, простоту жизни и привычекъ Петра Великаго, какъ человѣка, но не таковъ былъ онъ, какъ царь: На великія предпріятія, флотъ, войско, устройство фабрикъ, заводовъ, каналовъ, дорогъ, городовъ, крѣпостей, портовъ, машинъ, на созданіе всего полезнаго и великаго, онъ не щадилъ денегъ, хотя считалъ каждую копѣйку. Еслибы не знали мы его мудрой экономіи, его искуства финансоваго управленія, постигнуть было бы невозможно, гдѣ находилъ онъ средства вести безпрерывную войну и созидать все то, что созидалъ онъ въ Россіи. Онъ не жалѣлъ денегъ на жалованья, награды, благотворенія, и кромѣ необходимаго, являлъ ис-

тинно царскую роскошь тамъ, гдѣ надобно было показать великолѣпіе государя. Чуждый роскоши и тщеславія, онъ являлся въ величіи народу, вводя полки съ тріумфами послѣ побѣдъ, торжествуя завоеванія, миръ, годовщину битвъ, выводя на смотръ флоты. Тогда оставлялъ онъ свою всегдашнюю одежду — являлся окруженный Дворомъ, чиновниками, не жалѣлъ угощеній народу, жегъ дорогіе фейерверки, учреждалъ потѣхи, маскерады, забавы.

Правосудіе почиталъ Петръ священною обязанностью государя, и правосудіе его было грозно, неумолимо, безпощадно. Только одно — истинное раскаяніе и исправленіе виновнаго смягчали его. Но за то хитрость, коварство, ухищреніе, закоснѣлость порока были ему нестерпимы. Онъ требовалъ истины и правды, безъ гнѣва внималъ имъ, и ничто не возбуждало гнѣва его такъ, какъ обманъ и неправда.

Таковъ былъ нашъ Петръ, какъ человѣкъ и государь.

Мы сказали, что никто не долженъ осмѣливаться судить дѣла Петра Великаго. *Какъ* онъ дѣлалъ, говоритъ исторія его. *Что* онъ сдѣлалъ? Углубитесь въ лѣтописи Европы и Россіи до него и послѣ него, поймите дѣла его и — благоговѣйте! Очертимъ здѣсь только вещественныя, видимыя формы.

Азіятское царство, громада вещественныхъ силъ. Царь затворникъ въ чертогахъ, подъ вліяніяхъ олигархіи и ѳеократіи. Войско нестройныя толпы, сотни тысячь, отступающія отъ Крымскихъ Татаръ, и избранныя дружины готовыя возмутиться по слову крамольника или изувѣра. Государство, извнѣ окруженное сильными врагами, когда въ Польшѣ царствуетъ храбрый король, и въ Швеціи втступаетъ на престолъ второй Густавъ-Адольфъ; внутри подвергнутое игу суевѣрія, невѣжества, лишенное науки, просвѣщенія и образованности. Народъ, считаю-

щій иностранца проклятымъ бусурманомъ. Торговля бѣдное удовлетвореніе потребностей, или монополія знатныхъ и богачей. Морской силы нѣтъ, ибо Руские отрѣзаны отъ всѣхъ морей, кромѣ безполезнаго для нихъ Каспійскаго моря. Грубость образованія является въ бытѣ народномъ, подверженномъ порокамъ обществъ полуобразованныхъ. Женщины рабыни отцовъ и мужей. Въ самомъ составѣ государства администрація смѣшеніе судебныхъ формъ и своеволія судей. Малороссія и Донъ враждебно удерживающія права свои. Сибирь только мѣсто ссылки и добыванія соболей на царя.

И что же черезъ *сорокъ* лѣтъ?

Вы видите Европейское государство, проникнутое порывомъ умственнаго образованія. Царя, окруженнаго величественнымъ Дворомъ-стройнымъ чиноначаліемъ, сильнымъ, мужественнымъ войскомъ, могущественнымъ, многочисленнымъ флотомъ на трехъ моряхъ. Сосѣди, Швеція и Польша, уничтожены. Не-

давно перешагнувши за Кавказъ, Россія готова наказать гордыню отдаленнаго Китая, готова снова начать войну съ Турціею и открыть себѣ путь къ Черному морю, уже владѣя Балтійскимъ и Каспійскимъ. На отдаленномъ Тихомъ Океанѣ Русскіе корабли; они скоро достигнутъ береговъ Америки и предѣловъ Японіи. Россія въ союзѣ со всею Европою, уже видѣвшею вблизи царя Русскаго, войско и флотъ его. Русскіе послы при Европейскихъ Дворахъ и послы Европейскихъ государей при Дворѣ Русскомъ. Другіе властители Европы вступаютъ въ родство съ царемъ, и онъ одинъ изъ двигателей Европейской политики, которая скоро будетъ зависѣть отъ рѣшенія Россіи. Внутри крамола уничтожена. Части государства слиты воедино волею царя. Все оживляется наукою, образованіемъ, просвѣщеніемъ, торговлею, которая простирается уже на всю Европу, готова проникнуть въ Азію и достигнуть черезъ моря въ Индію. Внутреннія сообщенія, пути, дороги,

каналы пролагаются всюду. Россія владѣетъ торговою Ригою и древнимъ Ревелемъ. Суевѣріе и изувѣрство лишены силъ своихъ. Сила и власть ѳеократіи не существуютъ. Образованность проникла въ бытъ народный. Тысячи Рускихъ уже бывали въ чужеземныхъ странахъ. Тысячи иностранцовъ принесли Рускимъ свою науку, свое знаніе, свою промышленность. Законы приводятся въ стройную систему. *Законъ*, а не произволъ судьи и дьяка засѣдаетъ въ судѣ.

Кто осмѣлится судить того исполина, который *одинъ*, въ сорокъ лѣтъ, такъ *пересоздалъ* Россію?

Есть умы, одаренные какимъ-то жалкимъ свойствомъ находить всюду зло, тмить клеветою всякое добро, искать пятенъ въ солнцѣ, забывая его благотворный свѣтъ, видѣть своекорыстіе въ порывѣ добра, и утверждать, что все *могло быть лучше, еслибъ было иначе*. Такіе умы, разсматривая исторію Петра Великаго, готовы даже оправдывать царевну Софію

и Стрѣльцовъ, готовы стоять за полудикій, прежній бытъ Русскій, пересозданный Петромъ Великимъ, находятъ недостатки въ дѣлахъ его и слабости въ немъ самомъ.

Недостатки и *слабости!* Да, онъ *человѣкъ* былъ, бывши *избранникомъ провидѣнія.*

Упрекаютъ излишнее пристрастіе его къ воинской славѣ, говоря о первой, безполезной осадѣ Азова, о поспѣшномъ началѣ войны съ Швеціею, походѣ подъ Прутъ, самомъ походѣ въ Персію, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ были потеряны Россіею его завоеванія.

Но чемъ могла укрѣпиться Россія, если не оружіемъ? Если, дѣйствительно, воинская слава увлекала Петра въ битвы, какъ иначе могъ онъ создать военныя силы Россіи? Если преемники не поняли мысли его покорить Кавказъ, его ли была вина? Прутскій походъ былъ тяжкимъ урокомъ великому, но могъ ли онъ тогда не начинать войны съ Турціею, и не заплатилъ ли онъ успѣхомъ за всѣ свои частныя неудачи?

Говорятъ: онъ не хранилъ истиннаго благоговѣнія къ религіи, разрушая древнія, простыя вѣрованія народа.

Клевета черная и отвратительная! Чистую святую вѣру и благоговѣніе къ уставамъ Церкви хранилъ великій, но могъ ли онъ не преслѣдовать суевѣрія и изувѣрства, не стараться отнять орудіе, опасное въ рукахъ злоумышленниковъ, ограждая власть царя отъ притязанія пагубной ѳеократіи?

Упрекаютъ его въ жестокости, приводя въ доказательство казнь Стрѣльцовъ и смерть царевича Алексѣя!

Не скрывалъ онъ самъ, и мы не скроемъ что пылкость характера была *недостаткомъ* Петра Великаго. Онъ обнажалъ въ гнѣвѣ мечъ на сестру, на Лефорта, на Долгорукаго, когда Долгорукій осмѣлился разодрать царскій указъ и сказать ему: *Ты не правъ!* Но не всегда ли раскаяніе слѣдовало за порывомъ гнѣва, не восклицалъ ли онъ горестно: «Великій Боже! я въ состояніи править государствомъ, а не могу

управлять самимъ собою?» Сколько разъ сугубою милостью и смиренною просьбою простить его заглаживалъ онъ мгновенные порывы гнѣва? Вспомните дѣла Стрѣльцовъ, ихъ буйство, ихъ нераскаянность. Вообразите, что сдѣлали бы закоснѣлые злодѣи при успѣхѣ бунта въ отсутствіе Царя. Сообразите нераскаянность ихъ, даже послѣ 1698 года, и увѣрьтесь, что казнь Стрѣльцовъ была тяжкая необходимость, жертва вѣку грубому, нравамъ свирѣпымъ, закоснѣлой олигархіи и изувѣрной ѳеократіи. Вспомните, что супруга, сестры, сынъ Петра, ближніе и друзья его возставали противъ него. Отличите и первые годы его царствованія отъ послѣднихъ, ознаменованныхъ кротостью и милосердіемъ. Осудите ли громы небесные, гремящіе грозою на землѣ? Для чего переносите вы идею *нашего вѣка* къ вѣку иному? Для чего не вспомните жестокости суда и наказаній тогдашнихъ въ Европѣ, казней Стрѣлецкихъ при царѣ Алексіи, котораго называете милосердымъ, или истребленія Стрѣль-

цовъ при Софіи? Мы ужасаемся при словѣ: *пытка*, а она считалась судебною необходимостью, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Судъ царевича Алексѣя! Но кто дерзнетъ осудить великаго, если даже онъ рѣшался вознести карающій мечъ правосудія на сына своего? Какъ? Вы не чувствуете грознаго величія его жертвы? Вы забыли, чѣмъ угрожалъ Алексѣй Россіи? Здѣсь Петръ выше человѣка, а вы смѣете осуждать его!

Пристрастіе къ иностранному было въ немъ излишнее, говорятъ порицатели, и стерло съ Руси самобытность ея.

Во первыхъ, оно не стерло ея, и Русь осталась самобытна во всѣхъ отношеніяхъ, но если она утратила внѣшнія, ничтожныя формы, что же изъ того? Петру потребна была реформа рѣшительная. Онъ могъ слѣдовать *только Европейскому* образованію, а принимая его, могъ ли онъ не принять формъ его? Петръ сбрилъ бороды и обрѣзалъ длиннополые кафтаны Рускихъ, но всегда оставался онъ вѣ-

ренъ Русскому духу, Русской вѣрѣ, Русскому характеру, тщательно отдѣляя все, что могло перейдти въ Россію вредное, и только полезное оцѣнялъ, принималъ, переносилъ онъ въ Россію. Тысячи случаевъ доказываютъ, что никогда не мѣнялъ онъ чужеземца на Рускаго, хотя и отдавалъ должное должному, свой ли онъ былъ или чужой. Зло проникло съ добромъ—таковъ законъ всего въ мірѣ, но оно проникло при его преемникахъ, и здѣсь еще вопросъ: зло ли то, что намъ кажется зломъ?

Обращаютъ наконецъ въ упрекъ самыя увеселенія Петра Великаго, и особенно веселыя разгулья его и странные маскерады народные.

Обвиненіе рѣшительно нелѣпое. Римлянинъ былъ великъ и добродѣтеленъ, хотя смотрѣлъ на бой гладіаторовъ. Испанецъ былъ рыцарь безъ страха и порока, хотя утѣшался боемъ быковъ. Увеселенія при всѣхъ Европейскаго Дворахъ во времена Петра Великаго носили слѣды грубости и попойка была всюду въ обыкновеніи. Руские кромѣ того были осо-

бенно пристрастны къ хмѣльному разгулю. Петръ Великій, всегда строгій и умѣренный, слѣдовалъ обычаямъ своего вѣка, иногда удѣляя время отдыху отъ тяжкихъ трудовъ и любя въ такіе часы *Русскій разгулъ* и *братину* въ веселой бесѣдѣ. Но и здѣсь самые иностранцы удивлялись въ послѣдствіи вкусу и величію Русскаго Двора, послѣ безчинныхъ оргій короля Августа и герцога Орлеанскаго.

И не соединялись ли всѣ замѣчаемыя вами излишества въ быстротѣ дѣлъ, въ пылкости характера, въ самыхъ весельяхъ великаго царя, съ необходимыми свойствами его природы? Отдыхъ Геркулеса не годится пигмею, и излишество пылкихъ страстей не всегда ли связано съ превышающею другихъ силою генія?

Мы почитаемъ безполезнымъ входить въ опроверженіе мнѣнія тѣхъ, кто утверждаетъ, что дѣла Петра Великаго нарушили естественный, историческій ходъ дѣлъ Россіи. Уже и нынѣ соображеніе исторіи Европы и исторіи Россіи убѣждаетъ насъ въ исторической необходимости

Петра Великаго *для* жизни Русской земли, и въ необходимости дѣлъ его *такъ* именно, *какъ* они были, а не иначе. Обращаемся къ словамъ людей, говорящихъ о несообразности громадныхъ предпріятій Петра Великаго, когда онъ могъ погибнуть подъ Азовомъ, подъ Полтавою, подъ Прутомъ, зажигая маякъ на Березовыхъ островахъ, являясь въ сонмѣ заговорщиковъ одинъ: *тогда*, говорятъ намъ, тогда что было бы съ Россіею, гдѣ все было начато и ничто не кончено? Но если провидѣніе хранило его, слѣдственно, онъ и не могъ погибнуть, и крѣпкая увѣренность о томъ была въ душѣ его. Къ чему же наше ничтожное мудрованье?— Гораздо важнѣе вопросъ: *кончилъ ли Петръ Великій свои предпріятія?* Довершилъ ли онъ мысль свою, развитіемъ коей была вся жизнь его?

Онъ *кончилъ*, ибо ни что, ни олигархія послѣ его смерти, ни сорокъ лѣтъ, протекшихъ послѣ него до царствованія Екатерины II-й,

не сдвинули, не поколебали, не разрушили начал, им положенных.

Онъ *не кончилъ* ихъ, ибо имъ не было конца, и онъ жилъ жизнью всего прошедшаго, всего настоящаго, всего будущаго бытія Россіи. Уже новые планы были у него на Европу, на Турцію, на Китай. Умирая, онъ утверждалъ за Россіею Каспійскія области, посылалъ Вильстера въ Индію, Беринга въ Америку, требовалъ Шведскаго престола своему зятю, составлялъ Уложеніе, переговаривалъ съ Лавомъ о финансовой системѣ его, думалъ о китовой ловлѣ въ Ледовитомъ океанѣ, караванахъ въ Азію. Укажемъ только на работы, какія тогда предпринималъ онъ: портъ въ Рогервикѣ; высокій фаросъ въ Кронштадтѣ; Ладожскій каналъ; торговая пристань въ Ораніенбаумѣ; корабельная верфь въ Воронежѣ— и кто угадаетъ все, что еще таилось въ творческомъ горнилѣ души Петра Великаго! Слова: *невозможно*, онъ не зналъ. Вспомните, какъ перетаскивалъ онъ по сушѣ корабли, какъ

хотѣлъ перенесть въ Россію безцѣнную святыню, Гробъ Спасителя, какъ въ первый годъ завоеванія Ингерманландіи заложилъ Петербургъ!

Счастливъ ли былъ онъ, безсмертный пересоздатель Россіи?

Если величіе нашихъ подвиговъ, исполненіе предназначенной намъ цѣли, сознаніе мѣры добра, нами восполняемой, не составляетъ нашего высшаго блаженства, неизвѣстнаго тому, «иже не избранъ,» для Петра Великаго не было счастія, кромѣ немногихъ, хотя и ни чѣмъ не замѣняемыхъ минутъ. По *минуты* счастія и *годы* страданій, жертвъ, труда, работы безконечной, даже при дверяхъ гроба, съ горестною мыслью: *кому передамъ* дѣло мое послѣ меня?

Преклонитесь передъ Петромъ Великимъ, Русскіе люди, и благоговѣйте передъ его священною памятью!

Она святится повѣстью народною, признаніемъ мудрыхъ, умиленіемъ потомковъ, со-

знаніемъ Царей Русскихъ, видящихъ въ Петрѣ Великомъ образецъ свой. Историки, законовѣдцы, поэты Россіи, всѣ благоговѣютъ передъ Петромъ Великимъ. Ломоносовы, Державины, Жуковскіе, Пушкины, Петровы, Мерзляковы пѣли гимны памяти Петра Великаго, и въ восторгѣ называли его ангеломъ Божіимъ, нисходившимъ въ образѣ человѣка на Русскую землю.

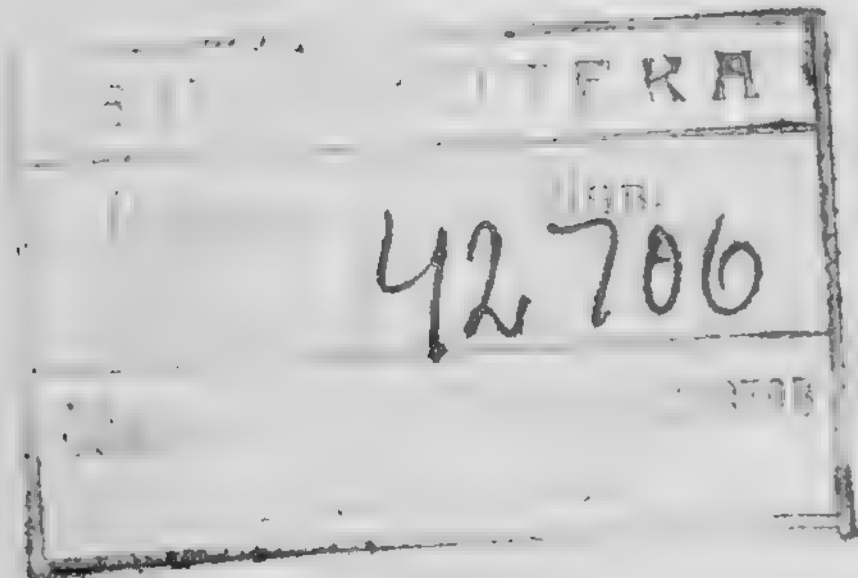
Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія,
Сошедшій къ намъ отъ горнихъ мѣстъ!

Пожелаемъ, да начертитъ намъ просвѣщенный дѣеписатель *исторію Петра Великаго,* достойную его безсмертной памяти; да истощитъ онъ для сей лѣтописи о великомъ всѣ сокровища, сокрытыя въ архивахъ и хранилищахъ памятниковъ прошедшаго; да сообразитъ онъ все, что осталось о Петрѣ Великомъ у насъ и у чужеземцовъ. Такимъ твореніемъ, да прояснитъ намъ дѣеписатель еще болѣе наши понятія о дѣлахъ Петра Великаго и заградитъ уста невѣждѣ? гласовъ, дер-

заіощихъ судить мужа безсмертнаго! Донынѣ были только *опыты исторіи Петра Великаго,* и всѣ они были недостаточны. Посвящая памяти безсмертнаго Царя нашъ краткій *очеркъ жизни и дѣлъ его,* не *исторію* его хотѣли мы писать, хотѣли только разсказать народную *повѣсть о Петрѣ Великомъ,* можетъ быть, достойную нѣкотораго вниманія только по чувству Русскаго сердца, какимъ она проникнута. Русскимъ людямъ передаемъ нашу повѣсть, и умолкаемъ, повторяя слова великаго барда нашего:

Неси на небо гласы, вѣтръ —
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

КОНЕЦЪ.

1-00

